Герритсен Тесс

Я знаю тайну

Божественной Маргарет Рули посвящается

Tess Gerritsen

I KNOW A SECRET

* * *

ТЕСС ГЕРРИТСЕН-врач и писательница. Ее роман «Жатва» занял высокое место в списке бестселлеров, публикуемом «Нью-Йорк таймс». После нескольких столь же успешных остросюжетных детективов на медицинские темы Герритсен направила свой литературный талант в судебную сферу, создав замечательную серию о Джейн Риццоли и Мауре Айлз, по которой компания TNT создала телесериал с Энджи Хармон и Сашей Александер в главных ролях. В дальнейшем Герритсен ушла из медицины, целиком посвятив себя литературе. В настоящее время писательница живет в штате Мэн.

Развлечение, ускоряющее пульс.

The Philadelphia Inquirer

Невероятно напряженное, стремительно развивающееся действие ведет к пугающей развязке.

People

Герритсен обладает воображением, позволяющим ей показывать столь глубокие и пугающие пласты человеческого поведения, что в сравнении с нею Э. А. По и Г. Ф. Лавкрафт кажутся благочестивыми моралистами.

Chicago Tribune

Роман, леденящий кровь…

The Toronto Star

Утонченная, захватывающая проза… создает высокий уровень страха и возбуждения.

Chicago Tribune

1

Когда мне было семь лет, я узнала, как важно плакать на похоронах. В тот летний день в гробу лежал мой двоюродный дед Орсон, который более всего запомнился своими вонючими сигарами, дурным запахом изо рта и невозмутимым пусканием ветров. При жизни он меня почти не замечал, как и я не замечала его, так что я не погрузилась в безутешную скорбь, услышав о его смерти. Не знаю, кому было нужно мое присутствие на похоронах, но семилетнему ребенку не дано выбирать, присутствовать или нет. Вот почему я в тот день ерзала на церковной скамье, скучала и потела в черном платье, недоумевая, почему меня не оставили дома с папой, который идти на похороны категорически отказался. Папа сказал, что будет чувствовать себя лицемером, делая вид, что скорбит по человеку, которого презирал. Я не знала, что означает слово «лицемер», но не сомневалась, что тоже не хочу быть лицемером. Тем не менее я оказалась в церкви, стиснутая между моей матерью и тетей Сильвией, и была вынуждена слушать бесконечные речи людей, воздававших бесцветную хвалу ничем не примечательному дядюшке Орсону. «Гордый и независимый человек, он со всей страстью относился к собственным привычкам! Как он любил свою коллекцию марок!»

Никто не говорил о дурном запахе у него изо рта.

Во время бесконечных заупокойных речей я развлекалась тем, что изучала головы людей, сидящих на скамье передо мной. И обратила внимание, что шляпка тети Донны усыпана перхотью, а дядя Чарли задремал и его парик съехал набок, словно коричневая крыса пыталась сползти по его голове. Я сделала то, что сделала бы любая нормальная семилетняя девочка.

Я рассмеялась.

Реакция последовала незамедлительно. Ко мне стали поворачиваться хмурые лица. Впавшая в ужас мама вонзила пять острых когтей в мою руку и прошипела:

– Прекрати!

– Но у него волосы свалились! Они на крысу похожи!

Ее когти вонзились еще глубже.

– Мы поговорим об этом позднее, Холли.

Дома никакого разговора не состоялось, были только крики и пощечина, и вот так я узнала, как подобает вести себя на похоронах. Узнала, что нужно быть мрачным и помалкивать, а иногда приветствуются и слезы.

Четыре года спустя, на похоронах матери, я сочла необходимым шумно проливать обильные слезы, потому что именно этого все ждали от меня.

Но сегодня, на похоронах Сары Бастераш, я не уверена, ждет ли кто-нибудь, что я буду плакать. Прошло более десяти лет с того дня, когда я в последний раз видела эту девицу, которую в школе знала как Сару Бирн. Близки мы никогда не были, и я не могу сказать, что ее уход поверг меня в скорбь. По правде говоря, я пришла на ее похороны в Ньюпорт из чистого любопытства. Мне *нужно* знать, как она умерла. «Такая ужасная трагедия», – бормочут все в церкви вокруг меня. Ее муж отсутствовал в городе. Сара выпила несколько рюмочек и уснула, а на ее прикроватной тумбочке горела свеча. Пожар вспыхнул по чистой случайности. По крайней мере, так говорят свидетели.

Мне хочется в это верить.

Маленькая церковь в Ньюпорте набита битком, заполнена всеми друзьями, которыми Сара успела обзавестись за свою короткую жизнь. Большинство из них я не знала, как не знала и ее мужа Кевина. При более счастливых обстоятельствах он мог бы быть вполне привлекательным, достойным того, чтобы я попыталась очаровать его, но сегодня он выглядит искренне сломленным. Неужели это скорбь делает нас такими?

Я оглядываю церковь и вижу позади себя свою одноклассницу Кейти. Лицо у нее распухло, от слез тушь потекла по щекам. Почти все женщины и многие мужчины плачут, потому что кто-то поет старый квакерский, гимн «Простые дары», который, похоже, всегда вызывает такую реакцию. На мгновение наши с Кейти глаза встречаются: ее – полные слез и мокрые, мои – холодные и сухие. Я так изменилась со школьных времен, что вряд ли меня можно узнать, но все же она уставилась на меня пронзительным взглядом, будто увидела призрака.

Я отворачиваюсь и снова смотрю вперед.

К тому времени, когда заканчиваются «Простые дары», мне тоже удается выдавить немного слез, как у всех.

Я присоединяюсь к длинной очереди провожающих, чтобы отдать последний долг, а проходя мимо закрытого гроба, вижу фотографию Сары на подставке. Ей было всего двадцать шесть, на четыре года меньше, чем мне, и на фотографии она свежая, розовощекая и улыбающаяся, та самая хорошенькая блондинка, какой я ее помню по школьным дням, когда я была девчонкой, которую никто не замечал, призраком, прячущимся по углам. И вот я здесь, моя кожа по-прежнему свежа, а Сара, хорошенькая маленькая Сара, превратилась в обугленные кости, лежащие теперь в этом ящике. Все наверняка так и думают, глядя на изображение Сары до пожара; они видят улыбающееся лицо на фотографии, а представляют обгоревшие останки, почерневший череп.

Очередь продвигается, я приношу соболезнования Кевину. Он бормочет: «Спасибо, что пришли». Он понятия не имеет, кто я и откуда знаю Сару, но видит на моих щеках следы слез и благодарно жмет мне руку. Я оплакала его умершую жену, а большего для того, чтобы пройти испытание, и не требовалось.

Я выскальзываю из церкви навстречу холодному ноябрьскому ветру и быстро иду прочь, потому что не хочу, чтобы меня перехватила Кейти или какая-нибудь другая знакомая из детства. За прошедшие годы мне удавалось всех их избегать.

А может быть, они избегали меня.

Сейчас всего два часа, и, хотя мой босс в «Буксмарт медиа» отпустил меня на весь день, я думаю заглянуть в офис – просмотреть имейлы, прослушать телефонные звонки. Я рекламный агент десятка авторов, и мне необходимо регулярно появляться перед прессой, отправлять корректуры, предлагать свои услуги. Но прежде чем вернуться в Бостон, я должна сделать еще одну остановку.

Я еду к дому Сары – или к тому, что было ее домом. Теперь там только обгоревшие руины, обугленные бревна и груда кирпичей в саже. Белый штакетник, прежде ограждавший лужайку перед домом, лежит поломанный, вдавленный в землю, уничтоженный пожарными, тащившими с улицы свои шланги и лестницы. К тому времени, когда приехали пожарные машины, в доме уже бушевал огненный ад.

Я выхожу из машины и приближаюсь к руинам. В воздухе все еще стоит запах дыма. С тротуара я вижу слабое поблескивание холодильника из нержавеющей стали в черной горе мусора. Одного лишь взгляда на этот ньюпортский район мне достаточно, чтобы понять, что дом был не из дешевых, и я пытаюсь сообразить, каким бизнесом занимается муж Сары или есть ли деньги у его семьи. Такого преимущества у меня определенно никогда не было.

Дует порывистый ветер, и опавшие листья шуршат у меня под ногами, вызывая в памяти другой осенний день двадцать лет назад, когда мне было десять и сухая листва в лесу похрустывала под моими башмаками. Тот день все еще тенью лежит на моей жизни, и по этой причине я стою сегодня здесь.

Я смотрю на импровизированный мемориал, созданный в честь Сары. Люди оставили здесь букеты цветов, я вижу холмик из увядших роз, лилий, гвоздик – цветочная дань молодой женщине, которую явно любили. Внезапно мое внимание привлекает зелень, не входящая в какой-то из букетов, а брошенная поверх других цветов, словно запоздалая идея.

Это пальмовый лист. Символ мученичества.

По моей спине пробегает холодок, и я спешу уйти. Сквозь стук сердца я слышу звук приближающегося автомобиля, поворачиваюсь и вижу патрульную машину ньюпортской полиции, сбросившую скорость почти до черепашьего шага. Окна закрыты, и лица полицейского я не вижу, но знаю, что он, проезжая, пристально разглядывает меня. Я отворачиваюсь и ныряю в свою машину.

Несколько секунд я сижу и жду, когда успокоится сердце и перестанут дрожать руки. Я снова смотрю на руины дома и представляю себе шестилетнюю Сару. Хорошенькая маленькая Сара Бирн подпрыгивает на сиденье школьного автобуса. В тот день нас было пятеро в автобусе.

Теперь осталось только четверо.

– Прощай, Сара, – шепчу я, потом завожу машину и еду назад в Бостон.

2

Даже монстры смертны.

Женщина, лежащая по другую сторону окна, могла казаться таким же человеческим существом, как и остальные пациенты в реанимации, но доктор Маура Айлз прекрасно знала, что на самом деле Амальтея Лэнк – монстр. За окном бокса находилось существо, которое бродило по ночным кошмарам Мауры, бросало тень на ее прошлое и предсказывало ее будущее.

«Это моя мать».

– Мы слышали, что у миссис Лэнк есть дочь, но не знали, что вы совсем рядом, в Бостоне, – сказал доктор Вонг.

Не прозвучала ли в его голосе нотка неодобрения? Упрек в том, что она пренебрегает дочерним долгом и не пришла к постели умирающей матери?

– Она моя биологическая мать, – ответила Маура, – но, когда я была совсем ребенком, она отдала меня в другую семью. Я узнала о ней всего несколько лет назад.

– Однако вы с ней встречались?

– Да. Но я не разговаривала с ней с… – Маура оборвала себя. «С тех пор, как поклялась не иметь с ней ничего общего». – Я не знала, что она в реанимации, пока сегодня днем мне не позвонила медсестра.

– Ее приняли сюда два дня назад, после того как у нее поднялась температура и число лейкоцитов стремительно увеличилось.

– Какой показатель сейчас?

– Уровень нейтрофилов – это определенный тип белых кровяных телец – составляет всего пять сотен. А должен быть в три раза выше.

– Вы, вероятно, уже начали эмпирическую терапию? – Маура заметила, что он удивленно моргнул, и сказала: – Извините, доктор Вонг, я должна была сразу сообщить, что я врач. Занимаюсь медицинской экспертизой.

– О, я не понял. – Он откашлялся и тут же перешел на общий для медиков профессиональный жаргон. – Да, мы начали эмпирическую терапию антибиотиками сразу же после посева крови. Приблизительно у пяти процентов пациентов при таком же, как у нее, режиме химиотерапии развивается фебрильная нейтропения.

– И какой у нее сейчас режим химиотерапии?

– Фолфиринокс. Это сочетание четырех лекарств, включая фторурацил и фолиниевую кислоту. Одно французское исследование показало, что фолфиринокс продлевает жизнь пациентам с метастатическим раком поджелудочной железы, но пациенты должны наблюдаться на предмет повышения температуры. К счастью, тюремная медсестра во Фрамингеме контролировала ситуацию. – Он замолчал, подыскивая способ задать деликатный вопрос. – Надеюсь, вы не будете возражать, если я спрошу?

– Пожалуйста.

Тема, которую он хотел затронуть, явно вызывала у него чувство неловкости. Гораздо проще было говорить о лейкоцитах, антибиотиках,

научных данных, потому что факты не принадлежали ни добру, ни злу, они не требовали нравственной оценки.

– В ее медицинской карте из Фрамингема не говорится, почему она оказалась в тюрьме. Нам только сказали, что она отбывает пожизненный срок и приговор исключает досрочное освобождение. Сопровождающий ее охранник требует, чтобы его подопечная была постоянно пристегнута наручниками к кровати, а это мне представляется настоящим варварством.

– Просто у них такой протокол содержания госпитализированных заключенных.

– Она умирает от рака поджелудочной железы, и все видят, насколько она слаба. Она определенно не в состоянии вскочить с кровати и убежать. Но охранник сказал, что она гораздо опаснее, чем кажется.

– Это правда.

– За что она сидит?

– За убийства. Серийные.

Он посмотрел на Амальтею через окно:

– Вот эта женщина?

– Теперь вы понимаете, почему наручники. И почему у бокса дежурит охранник.

Маура взглянула на полицейского в форме, который сидел у двери, наблюдая за их разговором.

– Простите, – сказал доктор Вонг. – Вам, вероятно, нелегко знать, что ваша мать…

– Убийца? Да.

«И вы еще не знаете худшего. Вы не знаете об остальном семействе».

Глаза Амальтеи медленно открылись. Костлявый палец поманил Мауру жестом столь же ужасающим, как мановение когтя самого Сатаны. «Мне нужно повернуться и уйти», – подумала молодая женщина. Амальтея не заслуживала чьего-либо сочувствия или доброты. Но Мауру связывали с этой женщиной узы прочные, как сталь. Уже одна только ДНК подтверждала, что Амальтея Лэнк – ее мать.

Мужчина-охранник пристально следил за Маурой, пока та облачалась в одноразовый халат и надевала респиратор. Визит будет далеко не приватным: охранник станет наблюдать за каждым их взглядом и жестом, и по больнице наверняка поползут неизбежные слухи. Доктор Маура Айлз, бостонский патологоанатом, чей скальпель рассек бесчисленное количество трупов, женщина, которая регулярно ходит по следам старухи с косой, – дочь серийного убийцы. Смерть – их семейный бизнес.

Амальтея посмотрела на Мауру глазами черными, как осколки обсидиана. В назальной канюле тихонько шипел кислород, на мониторе над кроватью пробегала по экрану кривая сердечного ритма. Доказательство того, что человек, даже настолько бездушный, как Амальтея, тоже имеет сердце.

– Значит, ты все же пришла ко мне, – прошептала Амальтея. – Хотя и поклялась, что никогда не придешь.

– Мне сказали, что ты в критическом состоянии. Может быть, это наша последняя возможность поговорить. И я хотела увидеть тебя, пока еще есть такая возможность.

– Потому что тебе что-то надо от меня?

Маура недоуменно покачала головой:

– Что мне может быть надо от *тебя*?

– Так заведено, Маура. Все разумные существа ищут преимущества. Все, что мы делаем, мы делаем исходя из собственной выгоды.

– Ты – может быть. Но не я.

– Тогда почему ты пришла?

– Потому что ты умираешь. Потому что ты пишешь мне, просишь меня прийти. Потому что мне хочется верить, что я не лишена сострадания.

– Которого лишена я.

– Как думаешь, почему ты прикована к кровати наручниками?

Амальтея поморщилась и закрыла глаза, ее рот внезапно сжался от боли.

– Наверное, я это заслужила, – прошептала она.

На ее верхней губе проступил пот, и несколько мгновений она лежала совершенно неподвижно, даже дыхание давалось ей с мучительным трудом. Когда Маура видела ее в последний раз, черные, с обильной сединой волосы Амальтеи были густыми. Теперь на ее черепе держалось лишь несколько прядей – все, что осталось после жестокого курса химиотерапии. Виски ввалились, и кожа обвисла, как упавшая палатка, на подпорках лицевых костей.

– Тебе, кажется, больно. Дать морфия? – спросила Маура. – Я позову сестру.

– Нет. – Дыхание ее восстановилось. – Пока не надо. Мне нужно быть в ясном сознании. Нужно поговорить с тобой.

– О чем?

– О тебе, Маура. О том, кто ты.

– Я знаю, кто я.

– Правда? – Амальтея смотрела на нее темными, бездонными глазами. – Ты моя дочь. Этого ты не можешь отрицать.

– Но я совсем не такая, как ты.

– Потому что тебя вырастили уважаемые мистер и миссис Айлз из Сан-Франциско? Потому что ты ходила в лучшие школы, получила лучшее образование? Потому что ты работаешь на истину и правосудие?

– Потому что я не убила две дюжины женщин. Или их было больше? В твоем окончательном подсчете есть и другие женщины, которые не фигурировали на процессе?

– Это все прошлое. Я хочу поговорить о будущем.

– Стоит ли беспокоиться? Тебя там нет.

Это было жестоко, но Маура не собиралась проявлять милосердие. Она вдруг почувствовала, что ею манипулируют, что ее заманила сюда женщина, которая точно знает, за какие веревочки дергать марионетку. В течение нескольких месяцев Амальтея забрасывала ее письмами. «Я умираю от рака. Я твоя единственная кровная родня. Это твоя последняя возможность проститься». Не многие слова имеют такую силу, как «последняя возможность». Упусти ее – и потом всю жизнь будешь сожалеть.

– Да, я умру, – произнесла Амальтея обыденным тоном. – И ты останешься с вопросом, кто же были твои сородичи.

– Мои сородичи? – Маура рассмеялась. – Словно мы какое-то племя.

– Да, мы племя. Мы принадлежим племени, которое кормится с мертвецов. Как это делали мы с твоим отцом. Как твой брат. И разве не смешно, что ты занимаешься тем же? Спроси себя, Маура, почему ты выбрала эту профессию? Такое странное желание. Почему ты не преподаватель или банкир? Что заставляет тебя вскрывать мертвецов?

– Это чисто научный интерес. Я хочу знать, почему они умерли.

– Конечно. Логичный ответ.

– А разве он не лучший?

– Все дело в темноте. Мы обе разделяем ее. Разница в том, что я ее не боюсь, а ты – боишься. Ты пытаешься рассеять страх, вскрывая его своими скальпелями в надежде раскрыть его тайны. Но из этого ничего не получается, верно? Твоя фундаментальная проблема остается нерешенной.

– И что же это за проблема?

– Она внутри тебя. Темнота – часть тебя.

Маура заглянула в глаза матери, и от того, что она там увидела, в горле у нее пересохло. «Боже мой, я ведь вижу себя». Она отпрянула.

– С меня хватит. Ты просила меня приехать, и я приехала. Больше не присылай мне писем, я не буду на них отвечать. – Она повернулась к выходу. – Прощай, Амальтея.

– Ты не единственная, кому я пишу.

Маура, уже готовая открыть дверь бокса, остановилась.

– Я кое-что знаю. Знаю то, что и ты тоже захочешь узнать. – Амальтея закрыла глаза и вздохнула. – Кажется, тебе не слишком интересно, но это только пока. Потому что скоро ты найдешь еще одну.

«„Еще одну“ что?»

Маура помедлила на пороге, не желая снова быть втянутой в разговор. «Не отвечай, – подумала она. – Не позволяй ей поймать тебя в ловушку».

Ее спас мобильник, низкое вибрирующее жужжание в ее кармане. Не оборачиваясь, Маура вышла из бокса, стащила с лица респиратор и нащупала под халатом телефон.

– Доктор Айлз, – произнесла она.

– У меня для тебя преждевременный рождественский подарок, – сказала детектив Джейн Риццоли, чей голос звучал слишком беззаботно для той новости, которую она собиралась сообщить. – Белая женщина двадцати шести лет. Умерла в кровати. Полностью одетая.

– Где?

– Мы в Кожевенном районе[1], на Утика-стрит. Не могу дождаться, когда ты приедешь и скажешь свое мнение.

– Ты говоришь, она в кровати? В собственной?

– Да. Ее нашел отец.

– И это точно убийство?

– Ни малейших сомнений. Но Фрост в штаны наложил из-за того, что случилось с ней *после*. – Джейн помолчала и тихо добавила: – По крайней мере, я надеюсь, что она была мертва, когда это произошло.

Через окно бокса Маура видела, что Амальтея смотрит на нее проницательными любопытствующими глазами. Конечно, ей любопытно: ведь смерть – их семейный бизнес.

– Сколько тебе нужно, чтобы добраться сюда? – спросила Джейн.

– Я сейчас во Фрамингеме. Понадобится некоторое время, в зависимости от трафика.

– Во Фрамингеме? Что ты там делаешь?

Маура не имела никакого желания обсуждать этот предмет, особенно с Джейн.

– Выезжаю, – сказала она, отключилась и посмотрела на свою умирающую мать.

«Здесь мне больше нечего делать, – подумала она. – Я никогда не увижу тебя снова».

Губы Амальтеи медленно скривились в улыбке.

3

Когда Маура добралась до Бостона, на город уже опустилась темнота, а промозглый ветер прогнал людей с улиц. Утика-стрит была узкой, и ее заполонили всякие служебные машины, поэтому Маура припарковалась за углом и помедлила, оглядывая безлюдную улицу. За последние несколько дней сначала выпал снег, затем наступила оттепель, а потом грянул лютый холод, и на тротуарах образовалась предательская ледяная корка. «Пора начинать работу. Пора оставить Амальтею в прошлом», – подумала Маура. Именно это Джейн и советовала ей сделать еще несколько месяцев назад: «Не ходи к Амальтее, даже не думай о ней. Пусть она сгниет в тюрьме».

«Теперь все кончено, – подумала Маура. – Я попрощалась, и она наконец ушла из моей жизни».

Она вышла из своего «лексуса», и ветер подхватил полы ее длинного черного пальто, пробрался сквозь ткань шерстяных брюк. Маура быстро, насколько позволял скользкий тротуар, зашагала мимо кофейни и спрятавшегося за жалюзи туристического агентства и свернула на Утика-стрит, напоминавшую узкий каньон между складами из красного кирпича. Когда-то это был район кожевников и оптовых торговцев. Многие из зданий девятнадцатого века были перестроены под жилые помещения, и промышленный прежде район стал модным обиталищем местных художников.

Маура обошла кучу строительного мусора, частично перегородившую улицу, и заметила впереди мрачноватый свет синей мигалки патрульной машины, словно маяк, посылающий сигналы бедствия. Сквозь лобовое стекло виднелись силуэты двух патрульных, двигатель работал, чтобы внутри было тепло. Когда Маура подошла, окно машины опустилось.

– Привет, док! – улыбнулся ей патрульный. – Вы пропустили самое интересное. Только что уехала «скорая».

Хотя лицо его было знакомо Мауре и он явно узнал ее, она понятия не имела, как его зовут, – это случалось с ней довольно часто.

– И что же было самое интересное? – спросила она.

– Риццоли в доме разговаривала с одним типом, а он схватился за грудь, брык – и упал. Наверно, инфаркт.

– Он еще жив?

– Увозили – был жив. Жаль, что вас не было, – доктор им бы не помешал.

– У меня другая специализация. – Она посмотрела на дом. – Риццоли все еще там?

– Да, вам вверх по лестнице. Неплохая квартирка. Жить в такой круто, если ты не помер.

Патрульный поднял окно, и она услышала, как полицейские хохочут над собственной шуткой. Ха-ха, шутка с места смерти. Совсем не смешно.

Маура остановилась на кусачем ветру, чтобы надеть бахилы и перчатки, потом вошла в дом. Дверь за ней громко захлопнулась, и она резко остановилась, оказавшись перед изображением залитой кровью девушки. На стене в прихожей, словно некое жуткое приглашение-приветствие, висел постер фильма ужасов «Кэрри» – кровавые брызги техниколора, которые неминуемо заставляли вздрогнуть любого, входившего в эту дверь. На стене красного кирпича вдоль лестницы висела целая галерея подобных постеров. Поднимаясь по ступенькам, Маура прошла мимо «Дня триффидов», «Колодца и маятника», «Птиц», «Ночи живых мертвецов».

– Наконец-то, – раздался голос Джейн с площадки второго этажа. Она показала на «Ночь живых мертвецов». – Ты только представь: приходишь каждый день домой, и тебя встречает такая вот радость.

– Эти постеры, похоже, оригиналы. Не на мой вкус. Но, видимо, довольно ценные.

– Заходи, и получишь целую охапку того, что тоже не на твой вкус. Уж не на мой-то точно.

Маура последовала за Джейн в квартиру и остановилась, чтобы полюбоваться массивными деревянными балками наверху. На полу сохранялись широкие оригинальные дубовые доски, отполированные до блеска. Сделанный со вкусом ремонт преобразовал то, что некогда было складом, в великолепный жилой дом, явно не по карману какому-либо голодающему художнику.

– Мой дом ни в какое сравнение не идет, – сказала Джейн. – Я бы с удовольствием сюда переехала, но сначала избавилась бы от этой

штуковины на стене – у меня от нее мурашки по телу. – Она показала на чудовищный красный глаз, смотревший с еще одного постера-страшилки. – Название видишь?

– «Я тебя вижу», – прочитала Маура.

– Запомни это название. Возможно, оно имеет скрытый смысл, – зловещим тоном произнесла Джейн.

Она провела Мауру через открытую кухню, мимо вазы со свежими розами и лилиями – щедрым прикосновением весны в этот декабрьский вечер. На черной гранитной столешнице лежала карточка флориста с надписью фиолетовыми чернилами: «Поздравляю с днем рождения! С любовью, папа».

– Ты сказала, что ее нашел отец? – спросила Маура.

– Да, этот дом принадлежит ему. Он позволял дочери жить здесь без арендной платы. Сегодня она должна была встретиться с отцом на ланче в «Фор сизонс», чтобы отметить ее день рождения. В назначенное время не появилась, на телефонные звонки не отвечала, и отец решил приехать посмотреть. Говорит, что входная дверь не была заперта, но все остальное не вызвало у него беспокойства. Пока он не прошел в спальню. Дойдя до этого места в своих показаниях, он схватился за сердце, и нам пришлось вызывать «скорую».

– Патрульный внизу сказал, что отец все еще был жив, когда его увозили.

– Но выглядел он неважно. После того, что мы нашли в спальне, я опасалась, что и Фросту придется вызывать «скорую».

Детектив Барри Фрост стоял в дальнем углу спальни, намеренно не отрывая глаз от блокнота, в котором что-то сосредоточенно писал. Его мертвенная бледность бросалась в глаза сильнее обычного, и он удостоил Мауру лишь коротким кивком. Да и она едва взглянула на Фроста; ее внимание было приковано к кровати, на которой нашли жертву. Молодая женщина лежала в удивительно безмятежной позе, раскинув руки по бокам, словно просто прилегла вздремнуть, не расстилая кровать и не раздеваясь. Она была вся в черном, от чулок до водолазки, что еще больше подчеркивало бледность ее лица. Волосы у нее тоже были черные, и только светлые корни выдавали, что цвет воронова крыла обретен благодаря краске. В ушах – масса золотых штифтиков, золотое колечко посверкивало и в правой брови. Но потрясенное внимание Мауры привлекло то, что зияло ниже бровей.

Обе глазницы были пусты. Содержимое изъяли – осталась только кровавая пустота.

Пораженная Маура посмотрела на левую руку женщины – на то, что, словно два белых камешка, лежало воткрытой ладони.

– И вот это-то, мальчики и девочки, делает вечерок интересным, – сказала Джейн.

– Двусторонняя энуклеация глазных яблок, – тихо произнесла Маура.

– Это кучерявое медицинское название того, что по-простому называется «кто-то вырезал ей глаза»?

– Да.

– Мне нравится, как ты всему придаешь замечательно сухой клинический поворот. В этом свете тот факт, что она держит в руке собственные глаза, представляется не столь чудовищным.

– Расскажите мне о жертве, – попросила Маура.

Фрост неохотно оторвался от своего блокнота:

– Кассандра Койл, двадцать шесть лет. Живет… жила здесь одна. Бойфренда в последнее время не имела. Она независимый кинопродюсер, у нее собственная компания, называется «Крейзи Руби филмз». Размещается в небольшой студии на Саут-стрит.

– Это здание тоже принадлежит ее отцу, – добавила Джейн. – У ее семьи явно водятся деньги.

Фрост продолжил:

– Ее отец говорит, что в последний раз общался с жертвой сегодня днем, около пяти-шести часов, она как раз выходила из студии. Мы собираемся туда, чтобы допросить ее коллег и попытаться выяснить точное время, когда они видели ее в последний раз.

– А какие фильмы они снимают? – спросила Маура, хотя ответ был очевиден: об этом красноречиво говорили постеры, повешенные на лестнице.

– Ужастики, – ответил Фрост. – Ее отец сказал, они только что закончили съемку их второго фильма.

– И это согласуется с ее чувством стиля, – заметила Джейн, глядя на многочисленные пирсинги и черные волосы. – Я думала, готы уже вышли из моды, но эта девица заставила меня переменить мнение.

Маура неохотно вернулась к тому, что лежало в руке убитой. На воздухе роговица высохла, и блестящие, прежде голубые глаза потускнели, заволоклись туманом. Хотя перерезанные мышцы и сморщились, Маура видела прямые мускулы, которые так точно управляют движениями человеческого глаза. Те шесть мускулов, что действуют в тесном взаимодействии, позволяя охотнику следить за уткой в небе, а ученику – пробегать взглядом страницу учебника.

– Пожалуйста, скажи нам, что она уже была мертва, когда он сделал… это, – проговорила Джейн.

– Энуклеация кажется мне посмертной, судя по состоянию пальпебральных складок.

– Состоянию чего?

– Складок на верхнем веке. Видите, внешние ткани почти не повреждены. Тот, кто удалил глазные яблоки, не торопился. Если бы она оставалась живой и сопротивлялась, это было бы трудно сделать. Кроме того, потеря крови минимальна, а это говорит о том, что сердце у нее уже не работало. Циркуляция крови прекратилась к тому времени, когда был сделан первый надрез. – Маура замолчала, разглядывая пустые глазные впадины. – Эта символика просто поразительна.

Джейн обернулась к Фросту:

– Я же тебе говорила, что она это скажет.

– Глаза считаются зеркалом души. Может быть, убийце не понравилось то, что он увидел в них. Или ему не понравилось, как она на него посмотрела. Может быть, он почувствовал угрозу в ее взгляде и отреагировал – вырезал ей глаза.

– А может быть, к этому имеет какое-то отношение ее последний фильм, – добавил Фрост. – «Я тебя вижу».

Маура удивилась:

– Так это *ее* фильм?

– Она написала сценарий и продюсировала съемки. Как говорит ее отец, это был ее первый художественный фильм. Поди узнай, кто его видел. Может, какой-то психопат.

– Кого-то он вдохновил, – заметила Маура, глядя на два глаза в руке жертвы.

– У тебя когда-нибудь было такое дело, док? – спросил Фрост. – Жертва с вырезанными глазами?

– Было в Далласе, – ответила Маура. – Я в деле не участвовала, но слышала о нем от коллеги. Трех женщин застрелили и у мертвых вырезали глаза. Первые глаза убийца вырезал хирургически аккуратно, как в нашем случае, но к третьей жертве стал неряшливым. На этом его и поймали[2].

– То есть это был серийный убийца.

– К тому же опытный таксидермист. Когда его арестовали, полиция нашла в его квартире десятки фотографий женщин, и на всех фотографиях были вырезаны глаза. Он ненавидел женщин и сексуально возбуждался, причиняя им боль. – Она посмотрела на Фроста. – Но это единственный подобный случай, о котором мне известно. Такого рода увечья встречаются крайне редко.

– У нас – первый случай, – сказала Джейн.

– Будем надеяться, первый и последний.

Маура взяла правую руку убитой и постаралась согнуть в локте – оказалось, что сустав неподвижен.

– Кожа холодная, состояние полного трупного окоченения. Исходя из звонков ее отца, мы знаем, что вчера около пяти вечера она еще была жива. Это сужает посмертный интервал до промежутка между двенадцатью и двадцатью четырьмя часами. – Маура подняла голову. – Есть свидетели, которые могли бы уточнить время смерти? Камеры наблюдения в районе?

– В этом квартале их нет, – ответил Фрост. – Но я заметил камеру на здании за углом. Похоже, она контролирует въезд на Утика-стрит. Может быть, камера зафиксировала жертву, когда та возвращалась домой. А если нам повезет, может, мы и еще кого-нибудь увидим на записи.

Маура оттянула воротничок водолазки на трупе, проверяя, нет ли синяков или странгуляционной борозды, но ничего такого не увидела. Затем она подняла низ водолазки, обнажив торс, и с помощью Джейн повернула тело на бок. Спина была синюшно-фиолетовой из-за посмертного скопления крови. Маура прижала палец в перчатке к

обесцвеченной плоти и обнаружила, что трупные пятна зафиксированы, а это подтверждало, что жертва была мертва не менее двенадцати часов.

Но что стало причиной смерти? Кроме извлеченных глаз, Маура пока не нашла никаких повреждений.

– Ни огнестрельных ранений, ни крови, ни свидетельств удушения, – отметила она. – Я не вижу никаких других травм.

– Он вырезает глазные яблоки, но не забирает их, – сказала Джейн, нахмурившись. – Напротив, он оставляет их у нее в руке, словно некий отвратительный прощальный дар. Что, черт побери, это означает?

– Это вопрос к психологу. – Маура выпрямилась. – Здесь я не могу определить причину смерти. Посмотрим, что покажет вскрытие.

– Может быть, передозировка? – предположил Фрост.

– Такая гипотеза, безусловно, в начале списка. Проверка на наркотики и токсические вещества даст нам ответ. – Маура сняла перчатки. – Она будет первой в моем завтрашнем расписании.

Джейн пошла следом за Маурой из спальни.

– Маура, ты ни о чем не хочешь поговорить?

– Я смогу сказать тебе больше после вскрытия.

– Я не имею в виду это дело.

– Не понимаю, о чем ты.

– По телефону ты сказала, что находишься во Фрамингеме. Пожалуйста, скажи мне, что ты ездила туда не для того, чтобы встретиться с этой женщиной.

Маура невозмутимо застегнула пуговицы на пальто.

– Ты так говоришь, будто я совершила преступление.

– Значит, ты туда ездила. Мне казалось, мы обе согласились, что тебе нужно держаться подальше от нее.

– Амальтею положили в реанимацию. У нее осложнения после химиотерапии, и я не знаю, сколько еще она протянет.

– Она тебя использует, играет на твоем сострадании. Господи, Маура, у тебя опять будет душевная травма.

– Знаешь, я вообще не хочу говорить об этом.

Не оглядываясь, Маура спустилась по лестнице и вышла из дома. Ледяной ветер несся по улице, обжигал ее лицо, трепал волосы. По пути к машине она услышала, как еще раз хлопнула дверь дома убитой, и, обернувшись, увидела, что Джейн идет за ней.

– Чего она от тебя хочет? – спросила Джейн.

– Она умирает от рака. Чего, по-твоему, она может хотеть? Может, немного сочувствия?

– Она морочит тебе голову. Знает, как на тебя повлиять. Ты посмотри, как она изуродовала своего сына.

– Ты думаешь, мне грозит опасность стать такой, как он?

– Нет, конечно. Но ты сама как-то раз это сказала. Что ты родилась с той же тьмой внутри, которая присуща всем членам семейства Лэнк. Она как-нибудь исхитрится использовать это к своей выгоде.

Маура отперла свой «лексус»:

– У меня и так проблем выше крыши, не хочу выслушивать твои лекции.

– Хорошо, хорошо. – Джейн подняла обе руки, показывая, что сдается. – Я просто переживаю за тебя. Обычно ты такая умная. Пожалуйста, не сделай какой-нибудь глупости.

Маура проводила взглядом Джейн, которая отправилась назад на место преступления – в спальню, где в трупном окоченении лежала мертвая женщина. Женщина без глаз.

Вдруг Маура вспомнила слова Амальтеи: «Скоро ты найдешь еще одну».

Она развернулась и быстро обшарила глазами улицу – оглядела все двери, все окна. Не за ней ли наблюдает чье-то лицо со второго этажа? Там, в проулке, кажется, кто-то двигается? Куда бы она ни посмотрела, ей всюду мерещились зловещие силуэты. Об этом ее и предупреждала Джейн. В этом-то как раз и состояла сила Амальтеи: она чуть отодвигала

занавес, чтобы человек увидел жуткий ландшафт, где на всем лежат тени.

Мауру пробрала дрожь. Она села в машину, завела двигатель. Из вентилятора обогревателя хлынула струя ледяного воздуха. Пришло время возвращаться домой.

Время бежать из тьмы.

4

Из кофейни, где я сижу, я наблюдаю за двумя женщинами, которые разговаривают прямо за окном. Я узнаю их обеих, потому что видела, как они давали интервью по телевизору, и читала о них в колонках новостей. Обычно в связи с убийствами. Одна из них, та, что с непокорными черными волосами, – детектив из отдела по расследованию убийств, а высокая женщина в изящном длинном пальто – медицинский эксперт. Я не слышу, о чем они говорят, но могу читать их телесный язык. Женщина-полицейский агрессивно жестикулирует, доктор старается отступать.

Наконец детектив резко отворачивается и шагает прочь. Доктор стоит неподвижно несколько секунд, словно решая, не пойти ли ей за детективом. Потом, приняв решение, качает головой, садится в свой черный, лощеный «лексус» и уезжает.

Интересно, что все это такое было?

Я уже знаю, что привело их сюда в этот холодный вечер. Час назад я услышала новость: на Утика-стрит убита молодая женщина. На той самой улице, где живет Кассандра Койл.

Я всматриваюсь в начало Утика-стрит, но ничего не вижу, кроме мигающих маячков полицейских машин. Неужели Кассандра сейчас лежит мертвая? Или не повезло другой женщине? Я не видела Касси со школы и теперь, наверное, даже не узнаю ее. И уж конечно, она не узнает новую меня – Холли, которая не сгибается и смотрит тебе в глаза, которая больше не прячется по углам, завидуя золотым девочкам. Годы отшлифовали мою уверенность и мой вкус. Мои черные волосы теперь коротко подстрижены, я научилась ходить на гвоздиках, на мне блузка за двести долларов, ловко купленная мной со скидкой в семьдесят пять процентов. Если ты работаешь рекламным агентом, то знаешь, какую важную роль играет внешность, поэтому я приспособилась.

– Что там происходит, вы не знаете? – раздается чей-то голос.

Рядом со мной неожиданно материализуется человек, и я вздрагиваю от удивления. Обычно я чувствую всех, кто находится близ меня, но сейчас я следила за полицейской активностью на улице и не заметила, как он подошел. «Крутой парень» – вот первое, что думаю я, когда вижу его. Он немного старше меня – ему лет тридцать пять, он спортивного сложения, у него голубые глаза и пшеничного цвета волосы. Я делаю кое-какие выводы, потому что он пьет кофе с молоком, а в такое время настоящие мужчины пьют эспрессо. Но я готова простить ему этот недостаток ради голубых глаз. Сейчас они смотрят не на меня, а на то, что происходит за окном. На все служебные машины, заполонившие улицу, на которой живет Кассандра Койл.

Или жила.

– Столько полиции, – говорит он. – Что там случилось?

– Что-то нехорошее.

Он показывает рукой:

– Смотрите, это фургон Шестого канала.

Мы оба несколько секунд потягиваем кофе и наблюдаем за происходящим на улице. Подъезжает еще один телевизионный фургон, и еще несколько посетителей кофейни устремляются к окну. Я чувствую, как они толкаются вокруг меня, выгадывают себе место получше. Вида обычной полицейской машины недостаточно для того, чтобы привлечь пресыщенных бостонцев, но если появляются телевизионщики, то наши уши на макушке, потому что тогда мы знаем: тут тебе не поцарапанный бампер и не неправильная парковка. Случилось что-то достойное сюжета в новостях.

И, словно чтобы подтвердить наши подозрения, появляется белый фургон из офиса коронера. Стоило мне увидеть эту машину, как пульс у меня подскочил до космической скорости. «Пусть не Кассандра, – думаю я. – Пусть кто-нибудь другой, кого я не знаю».

– Ого, машина из офиса коронера, – говорит голубоглазый. – Значит, дело плохо.

– Никто не видел, что там случилось? – спрашивает какая-то женщина.

– Много полиции собралось.

– Никто не слышал стрельбы или чего-нибудь такого?

– Вы первая сюда пришли, – говорит мне голубоглазый. – Что вы видели?

Все глядят в мою сторону.

– Когда я вошла, полицейские машины там уже стояли. Наверное, они здесь давно.

Остальные смотрят стоя, загипнотизированные мигающими огнями. Голубоглазый усаживается на табурет рядом со мной и кладет сахар в свой неподобающий для этого часа кофе с молоком. Я не знаю, почему он выбрал это место: то ли хочет иметь панорамный вид происходящего снаружи, то ли пытается завязать знакомство. Против второго я не стану возражать. Да что говорить, я ощущаю электрическое пощипывание в бедрах – мое тело автоматически реагирует на его близость. Я пришла сюда не в поисках общества, однако с тех пор, как я замечала интимное внимание мужчин, минуло уже некоторое время. Больше месяца, если не считать быстрого перепихона вручную на прошлой неделе с коридорным из отеля «Колоннада».

– Ну. Так вы живете где-то поблизости? – спрашивает он.

Многообещающее начало, хотя и без воображения.

– Нет. А вы?

– Я живу в Бэк-Бее. Должен был встретиться с друзьями в итальянском ресторане здесь неподалеку, но пришел слишком рано. Вот решил выпить кофе.

– Я живу в Норт-Энде. Тоже пришла сюда встретиться с друзьями, но они в последнюю минуту отменили встречу.

Ложь легко слетает с моих уст, а у голубоглазого нет никаких оснований не доверять мне. Большинство людей автоматически допускают, что ты говоришь им правду, и это здорово облегчает жизнь для таких, как я. Я протягиваю руку для пожатия – этот жест выбивает мужчин из колеи, если руку предлагает женщина, но я хочу сразу же расставить точки над «i». Пусть знает, что это встреча равных.

Какое-то время мы сидим в дружелюбном молчании, прихлебываем кофе, наблюдаем за происходящим. Наблюдать за действиями полицейских обычно неинтересно. Видишь только, как приезжают и уезжают машины, как люди в форме входят и выходят. А что происходит внутри – этого ты не знаешь, можешь только догадываться, что там за ситуация, основываясь на том, какой персонал приезжает. На лицах

копов спокойствие, даже скука. Что бы ни случилось на Утика-стрит, это было несколько часов назад, и следователи просто собирают частички пазла.

Наблюдать тут особо не за чем, и остальные посетители расходятся, а мы с голубоглазым остаемся вдвоем за столиком у окна.

– Пожалуй, нужно в новостях посмотреть, что случилось, – говорит он.

– Убийство.

– Откуда вы знаете?

– Несколько минут назад я видела следователя из отдела убийств.

– Он что, подошел и представился?

– Это она. Имени не помню, но я видела ее по телевизору. Мне любопытно то, что она женщина. Вот все думаю, почему она выбрала такую работу.

Он внимательнее присматривается ко мне:

– Вам, э-э, интересны подобные вещи? Убийства?

– Нет. Просто я хорошо запоминаю лица. А вот с именами у меня паршиво.

– Если уж мы заговорили об именах, меня зовут Эверетт. – Он улыбается, и у его глаз появляются очаровательные морщинки. – Теперь можете его забыть.

– А если не забуду?

– Надеюсь, это означает, что я кажусь вам запоминающимся.

Я прикидываю, что может произойти между нами. Глядя ему в глаза, внезапно понимаю со всей отчетливостью, чего мне хочется: чтобы мы поехали к нему домой в Бэк-Бей, запили кофе несколькими бокалами вина, а потом спаривались всю ночь, как кролики. Жаль, что у него встреча с друзьями. Мне вовсе не хочется встречаться с его друзьями, и я не собираюсь тратить время, дожидаясь его телефонного звонка, а значит, наш вариант – это «здрасте и до свидания». Некоторым вещам просто не суждено произойти, как бы ты ни хотела.

Я допиваю кофе и поднимаюсь:

– Рада была познакомиться, Эверетт.

– А-а, вы запомнили мое имя.

– Надеюсь, вы приятно проведете время с друзьями.

– А если я не хочу проводить с ними время?

– Разве вы не для этого сюда приехали?

– Планы могут меняться. Я могу позвонить друзьям и сказать, что у меня образовались срочные дела в другом месте.

– И где это место?

Он тоже встает, и теперь мы смотрим в глаза друг другу. Пощипывание в ногах теплыми, приятными волнами переходит в область таза, и я тут же забываю о Кассандре и о том, что может означать ее смерть. Все мое внимание сосредоточивается на этом человеке и на том, что вскоре произойдет между нами.

– У меня или у тебя? – спрашивает он.

5

У Амбер Вурхис были светлые волосы с фиолетовыми прядями и полированные черные ногти, но больше всего Джейн выбивало из колеи колечко в носу. Когда Амбер плакала, с золотого колечка стекали сопли, и она постоянно промокала их осторожными движениями. Ее коллеги Трэвис Чан и Бен Фарни не плакали, но известие о смерти Кассандры Койл огорошило и расстроило их не меньше, чем Амбер. На всех троих кинематографистах были футболки, куртки с капюшонами и драные джинсы – униформа молодых хипстеров. Судя по виду, никто из них за последнюю неделю ни разу не причесывался. А поскольку в студии пахло как в раздевалке, душем они тоже не злоупотребляли. На всех горизонтальных поверхностях в комнате валялись коробки от пиццы, пустые банки от «Ред Булла» и разрозненные листы сценария. На мониторе шла сцена из их текущей работы: блондинка-подросток, рыдая и спотыкаясь, бежала по темному лесу, спасаясь от безжалостного мрачного убийцы.

Трэвис резко повернулся к компьютеру и остановил видео. Изображение убийцы замерло на экране – зловещая тень в обрамлении деревьев.

– Ё-моё, – застонал он. – Не могу поверить. Просто не могу поверить.

Амбер обняла Трэвиса, и молодой человек зарыдал. Затем к ним присоединился Бен, и троица несколько секунд простояла, вцепившись друг в друга; их тройственное объятие подсвечивалось сиянием монитора.

Джейн посмотрела на Фроста и увидела, что он смаргивает слезу. Скорбь заразна, и Фрост не имел к ней иммунитета даже после многолетнего опыта принесения дурных новостей, от которых люди падали в обморок. Копы напоминали террористов. Они забрасывали разрушительные бомбы в жизнь друзей и родственников убитых, а потом стояли и оценивали размер нанесенного ущерба.

Трэвис первым разорвал объятие. Подошел к продавленному дивану, опустился на подушки и уронил голову на руки:

– Боже мой, только вчера она была здесь. Сидела вот на этом месте.

– Я знала, что она не просто так перестала отвечать на мои эсэмэски, – сказала Амбер, шмыгнув носом. – Когда она замолчала, я подумала, что она нервничает из-за отца.

– А когда она перестала отвечать? – спросила Джейн. – Вы можете проверить по телефону?

Амбер поискала среди разбросанных листов сценария и наконец нашла свой сотовый. Прокрутила послания.

– Вот. Я отправила ей вчера около двух ночи. Она не ответила.

– Вы предполагали, что она ответит в два часа ночи?

– Да, конечно. На этой стадии проекта.

– Мы работали без остановок по ночам, – сказал Бен. Он тоже опустился на диван и потер лицо. – Никто из нас не ходил домой, спали прямо здесь. – Он кивнул на спальные мешки, сваленные в углу.

– Вы все втроем спали здесь?

Бен снова кивнул:

– У нас к виску приставлен пистолет – срок сдачи. Касси тоже работала бы с нами, но ей нужно было собраться с духом перед встречей с отцом. Она к этому ничуть не стремилась.

– И когда она ушла отсюда вчера? – поинтересовалась Джейн.

– Около шести, наверно? – спросил Бен у коллег, и те кивнули.

– Только-только пиццу принесли, – уточнила Амбер. – Касси не стала есть. Сказала, сама что-нибудь приготовит, и мы втроем остались работать. – Она провела рукой по глазам, оставив на щеке разводы туши. – Не могу поверить, что мы Касси больше не увидим. Перед уходом она пообещала устроить вечеринку, после того как сдадим картинку.

– Картинку? – переспросил Фрост.

– Ну, это когда все смонтировано, – пояснил Бен. – Практически готовый фильм, но без звуковых эффектов и музыки. Мы уже почти закончили, нужна еще неделя или две.

– Плюс двадцать тысяч, – пробормотал Трэвис. Он поднял голову, его черные сальные волосы торчали в разные стороны. – Не знаю, где мы их найдем без Касси.

Джейн нахмурилась:

– Кассандра должна была принести эти деньги?

Три молодых кинематографиста переглянулись, словно решая, кому отвечать на вопрос.

– Она собиралась сегодня за ланчем попросить деньги у отца, – сказала Амбер. – Поэтому она и была в дурном настроении. Ненавидела выпрашивать у него деньги. В особенности за ланчем в «Фор сизонс».

Джейн осмотрела комнату, отметив взглядом грязный ковер, просиженный диван и свернутые спальные мешки. Этим ребятам было почти по тридцать, но они казались гораздо моложе – одержимые кино подростки, которые все еще продолжают жить как в общежитии.

– А вы, ребята, вообще, зарабатываете на жизнь своей работой? – спросила она.

– На жизнь? – Трэвис пожал плечами, словно услышал неуместный вопрос. – Мы делаем кино, вот что важно. Мы живем мечтой.

– На деньги отца Кассандры.

– Это не подарок. Он вкладывает деньги в карьеру дочери. Эта картина могла бы сделать ее известным кинематографистом, а сюжет значил многое для нее лично.

Джейн кивнула на лежащий на столе сценарий:

– «Мистер Обезьяна»?

– Не судите по названию или по тому факту, что это фильм ужасов. Это серьезный проект о пропавшей девочке. Основан на действительном событии из ее детства, и его аудитория будет гораздо больше, чем у нашего первого фильма.

– Этот первый фильм случайно не «Я тебя вижу»? – спросил Фрост.

Трэвис посмотрел на Фроста:

– Вы его видели?

– Мы видели постер к нему в квартире у Кассандры.

– Это… – Амбер проглотила комок в горле. – Это там, где вы ее нашли?

– Где ее нашел отец.

Амбер пробрала дрожь, и она обхватила себя руками, словно ей вдруг стало холодно.

– Как это случилось? – прошептала она. – Кто-то вломился в ее квартиру?

Джейн не ответила на ее вопрос, а задала свой:

– Где вы провели последние двадцать четыре часа?

Они переглянулись, снова решая, кто будет говорить первым.

Заговорил Трэвис, взвешивая каждое слово:

– Мы были здесь, в этом здании. Все трое. Всю ночь и весь день.

Двое других согласно кивнули.

– Я знаю, почему вы задаете эти вопросы, детектив, – сказал Трэвис. – У вас работа такая. Но мы знаем Касси со времени учебы в Нью-Йоркском университете. Когда делаешь вместе кино, то образуются такие тесные связи – ничто не идет в сравнение. Мы едим, спим и работаем вместе. Да, мы иногда спорим, но потом миримся, потому что мы семья. – Он показал на экран компьютера, где все еще оставалось замершее изображение убийцы. – Этой лентой мы собирались совершить прорыв,

доказать миру, что вовсе не нужно целовать задницу какому-нибудь руководителю студии, чтобы сделать великое кино.

– Вы можете нам сказать, какие у кого были роли в работе над «Мистером Обезьяной»? – спросил Фрост, добросовестно записывавший все в свой потрепанный блокнот.

– Я режиссер, – сказал Трэвис.

– Я оператор, – подхватил Бенджамин. – Известный также как оператор-постановщик.

– Я продюсер, – сказала Амбер. – Я нанимаю и увольняю, выписываю деньги, поддерживаю эту машину на ходу. – Она помолчала и произнесла со вздохом: – Вообще, делаю почти все.

– А роль Кассандры?

– Она автор сценария. И исполнительный продюсер, а это самая важная работа из всех, – подчеркнул Трэвис. – Финансирование производства.

– На деньги отца.

– Да, но нам нужно совсем немного. Еще один чек – вот все, что она собиралась попросить у него.

Чек, который они, вероятно, никогда не увидят.

Амбер села на диван рядом с Беном, и все трое погрузились в молчание. Сама комната, казалось, издавала запах прокисшей еды и провала.

Джейн посмотрела на постер фильма, висящий на стене над диваном. Тот же постер, что и в квартире Кассандры: «Я тебя вижу».

– Этот фильм… – начала она, показывая на жуткое изображение красного глаза, глядящего из темноты. – Расскажите мне о нем.

– Это была наша первая художественная лента, – сказал Трэвис и угрюмо добавил: – И надеюсь, не последняя.

– Вы все четверо работали над ним?

– Да. Это началось как курсовая работа в университете. Мы многому научились, делая ее. – Он грустно покачал головой. – Но и ошибок наделали немало.

– И как прошел прокат? – спросил Фрост.

Молчание было мучительным. И говорящим.

– Мы так и не смогли заключить прокатный контракт, – признал Трэвис.

– То есть фильма никто не видел?

– Нет, его показывали на нескольких фестивалях фильмов ужасов. Вроде этого… – Трэвис распахнул куртку и продемонстрировал футболку с надписью «КИНОФЕСТИВАЛЬ ЖУТЬФЕСТ». – Еще он есть на дивиди. Мы даже слышали, что он стал чем-то вроде культовой классики, а это лучшее, что может случиться с фильмом ужасов.

– А деньги какие-то он принес? – спросила Джейн.

– Понимаете, дело не в этом.

– А в чем же?

– Теперь у нас есть поклонники. Люди, которые знают о нашей работе! В бизнесе авторского кино, чтобы создать зрителей для твоего будущего проекта, иногда достаточно просто слухов.

– Значит, денег вы не заработали.

Трэвис вздохнул и опустил глаза на грязный ковер.

– Нет, – признался он.

Взгляд Джейн вернулся к чудовищному глазу на постере.

– Что происходит в этом фильме? О чем он?

– О девочке, которая становится свидетельницей убийства, но полиция не может найти ни тела, ни улик. И они ей не верят. Но это потому, что убийство еще не случилось. Она телепатически связана с убийцей и видит, что он собирается сделать.

Джейн и Фрост переглянулись. «Жаль, что у нас нет такого преимущества. Мы бы раскрывали дела за считаные секунды».

– Смею предположить, что убийца в конце концов приходит за ней, – сказала Джейн.

– Конечно, – ответил Бен. – Это прямо как из «Энциклопедии ужасов»[3]. В конечном счете убийца просто *обязан* прийти за героиней.

– В этом кинофильме кто-нибудь получает увечья?

– Ну да. Это тоже одно из правил фильма ужасов. Прямо как из…

– Да-да. Из «Энциклопедии ужасов». И какого рода увечье?

– Отрубают несколько пальцев. У девушки на лбу вырезают число 666.

– Не забудь про ухо, – напомнила Амбер.

– О, верно. У одного парня отрезают ухо, как у Ван Гога.

«Вы, ребята, больные».

– А глаза? – спросил Фрост. – Ни у кого из персонажей не вырезают глаза?

Кинематографисты посмотрели друг на друга.

– Нет, – ответил Трэвис. – А почему вы спрашиваете про глаза?

– Из-за названия. Фильм называется «Я тебя вижу».

– Но вы спросили конкретно, не вырезают ли глаза. Почему? Неужели что-то такое случилось с… – Трэвис замолчал, гримаса ужаса вдруг исказила его лицо.

Амбер прижала ладонь ко рту:

– О боже. Это то, что случилось с Кассандрой?

Джейн не ответила и перешла к следующему вопросу.

– Сколько зрителей видело ваш фильм? – Она опять показала на постер.

Несколько секунд все молчали, ошарашенные только что услышанным. В их мире вся кровь была подделкой, а конечности – резиновым реквизитом, настоящее мультяшное насилие. «Добро пожаловать в мой мир. Реальный мир».

– Так сколько? – повторила Джейн.

– Вообще-то, мы толком и не знаем, – признался Трэвис. – Мы продали несколько дивиди. Получили около тысячи долларов от загрузок видео. Кроме того, мы показывали его на тех кинофестивалях.

– Назовите приблизительную цифру.

– Ну, может быть, несколько тысяч. Мы понятия не имеем, кто они. Зрители фильмов ужасов есть во всем мире, так что и жить они могут повсюду.

– Вы думаете, ее мог убить кто-то из тех, кто видел наше кино? – спросила Амбер. – Слушайте, это же чушь! Любители таких фильмов могут выглядеть пугающе, но на самом деле они очень милые и воспитанные люди. – Она показала на экран компьютера, на котором замер силуэт убийцы. – Фильмы вроде «Мистера Обезьяны» – они о том, как помочь побороть страх, преодолеть нашу внутреннюю агрессию. Это целебные фильмы. – Она покачала головой. – Плохие люди не смотрят фильмы ужасов.

– Знаете, что смотрят настоящие уроды? – вмешался в разговор Бен. – Романтические комедии.

Трэвис открыл ящик стола, вытащил компакт-диск и протянул Джейн:

– «Я тебя вижу». Это вам подарок, детектив.

– А фильм, над которым вы работаете сейчас? У вас есть копия «Мистера Обезьяны»?

– К сожалению, мы пока монтируем, так что фильм не готов к просмотру. Но посмотрите «Я тебя вижу» и скажите нам, что вы думаете. И если вам нужно что-то еще, мы готовы помочь.

– Если это и в самом деле имеет какое-то отношение к «Я тебя вижу», то не стоит ли нам всем начать беспокоиться? – спросила Амбер. – Не придет ли убийца и к нам?

Наступила долгая пауза, пока трое киношников взвешивали такую вероятность.

А потом раздался тихий голос Трэвиса:

– Это как в «Энциклопедии ужасов».

6

Напичканный лекарствами пациент на больничной койке ничуть не походил на человека, которого Джейн допрашивала всего несколько часов назад. Перед ней была некая сдувшаяся версия Мэтью Койла, седая и сморщенная, с отвисшей нижней челюстью. По контрасту с этим бесцветным призраком женщина, сидевшая у его постели, являла собой поразительный всплеск красок: огненно-рыжие волосы, изумрудного цвета блузка, ярко-красная помада. Хотя Присцилле Койл было

пятьдесят восемь лет, почти столько же, сколько и Мэтью, но казалось, будто она по крайней мере на десять лет моложе: кожа отшлифована и накачана ботоксом, тело как у спортсменки. Рядом с болезненным мужем она казалась воплощением жизненной силы, а судя по модному платью и высоким каблукам, бдение у его кровати не входило в ее планы на этот вечер.

Присцилла посмотрела на часы и сказала Джейн и Фросту:

– Чтобы поговорить с ним, вам придется прийти завтра. Он был так взбудоражен, что врачам пришлось вколоть ему успокоительное, и теперь он, вероятно, будет спать до самого утра.

– Вообще-то, мы пришли поговорить с вами, миссис Койл, – сказала Джейн.

– Зачем? Мне совершенно нечего вам сказать. Я провела весь день на заседании совета директоров Музея Изабеллы Гарднер[4]. Я понятия не имела о случившемся, пока мне не позвонили из больницы и не сообщили, что Мэтью у них.

– Мы можем выйти из палаты? Тут есть комната для посетителей, где мы могли бы поговорить.

– Мне бы поскорее домой. Стольких людей нужно известить.

– Это не займет много времени, – заверил ее Фрост. – Мы только уточним кое-какие детали, выясним, что когда произошло.

Мэтью Койла поместили в ВИП-отделение больницы «Пилгрим», где в комнате для посетителей имелся огромный телевизор, мебель, обтянутая кожей, и заправленная кофемашина «Кьюриг». Присцилла устроилась на диване, поставив рядом с собой сумочку крокодиловой кожи «Прада» и небрежно бросив пальто «Кучинелли» на подлокотник. Джейн как-то раз пробежалась взглядом по ценникам на изделиях «Кучинелли», и теперь она знала, сколько стоит такое кашемировое пальто. Если у нее когда-нибудь появится подобное пальто, она запрет его в банковском сейфе, а не будет швырять на подлокотники, как Присцилла.

Фрост подтащил стул и уселся напротив Присциллы:

– Расскажите нам, что случилось, миссис Койл.

Хотя вопрос был простой, без всякой подковырки, Присцилла, прежде чем ответить, надолго задумалась.

– Мэтью собирался встретиться с Кассандрой за ланчем в «Фор сизонс». Она не появилась в ресторане, и он позвонил мне и спросил, не давала ли она о себе знать. Нет, не давала. А несколько часов спустя мне позвонили из больницы, что он поступил с инфарктом.

– Они часто встречались за ланчем?

– Да почти никогда. Касси всегда занята, ей даже недосуг… – Она оборвала себя и после паузы начала заново: – У нее своя жизнь, так что мы ее редко видим. Но сегодня случай особый.

– Ваш муж сказал нам, что предполагался ланч по случаю ее дня рождения.

Присцилла кивнула:

– Вообще-то, день рождения у нее тринадцатого декабря, но нас не было в городе. Вот они и решили отпраздновать сегодня.

– И вы не собирались к ним присоединиться?

– Меня ждали на совете директоров, и я не думала…

Присцилла замолчала, опустила глаза и принялась что-то искать в сумочке. Но Джейн заинтересовало то, что не было сказано. Иногда в молчании больше смысла, чем в словах.

– Какие у вас были отношения с дочерью? – спросила Джейн.

– Собственно говоря, Кассандра мне не дочь, а падчерица. – Она пожала плечами. – Мы не были особенно близки.

– Вы с ней конфликтовали?

Присцилла отвела взгляд:

– Буду с вами откровенна. Мэтью развелся с матерью Кассандры, чтобы жениться на мне. Так что напряженность в наших отношениях – вещь понятная. Касси мне этого так и не забыла, хотя брак ее родителей практически разрушился задолго до того, как у нас с Мэтью начались какие-то отношения. Прошло девятнадцать лет, а я все еще *другая женщина*, хотя на *мои* деньги она училась в университете в Нью-Йорке, на мои деньги финансировались ее нелепые…

Присцилла оборвала себя и снова уставилась в свою сумочку крокодиловой кожи – сумочку, точно символизировавшую то, что она привнесла в их брак. Мэтью Койл оставил первую жену ради женщины,

привыкшей к «Прада» и «Кучинелли», а подобное финансовое неравенство может подорвать любые отношения.

– Вы не знаете никого, кто мог бы желать зла Кассандре? – спросила Джейн. – Какой-нибудь отставной бойфренд, враги?

«Не считая тебя».

– Мне такие не известны. Но я с ней за ручку не ходила. Когда мы с Мэтью поженились, Кассандра осталась с матерью в Бруклайне.

– А где ее мать сейчас? Нам нужно поговорить с ней.

– Элейн в Лондоне, гостит у друзей. Она прилетит послезавтра. По крайней мере, так она написала по электронной почте.

– Вы сообщили ей о Кассандре?

– Ну, кто-то должен был сообщить.

Джейн представила получение подобного письма: «Ваша дочь убита». Как же, вероятно, сильна была ненависть между этими двумя женщинами, если известие о смерти дочери было переслано несколькими хладнокровными прикосновениями к смартфону.

– Даже не знаю, что еще могу вам сообщить, – сказала Присцилла.

– Вы знакомы с какими-нибудь друзьями Кассандры?

Присцилла поморщилась:

– Я видела трех ребятишек, с которыми она работает.

– Ребятишек?

– Они четыре года как окончили колледж, а вид у них такой, будто они спят не раздеваясь. Думаете, у них есть работа? Как бы не так. Понятия не имею, как они кормятся с этих своих фильмов.

– Вы, случайно, не видели первый фильм Кассандры?

– «Я тебя вижу». Минут пятнадцать я выдержала, на большее не хватило. – Присцилла кинула взгляд в сторону палаты, где лежал ее муж. – Мэтью досмотрел эту дрянь до конца. Уговорил себя, что ему нравится. А что еще ему оставалось? Он хотел, чтобы его маленькая девочка была счастлива. Сколько лет прошло, а он все еще пытается загладить свою вину перед ней. И Касси рада была брать все, что ей

предлагали. Квартиру без арендной платы. Бесплатную студию. Но мне кажется, она так его и не простила.

– Они ладили? Ваш муж и Кассандра?

– Конечно.

– Но вы говорите, что Кассандра так его и не простила. Они не ссорились? Может, из-за денег?

– Разве все дети не ссорятся с родителями из-за денег?

– Ну, иногда такие ссоры выходят из берегов.

Присцилла пожала плечами:

– Были всякие разногласия. Я уверена, что сегодня за ланчем обязательно зашел бы разговор о деньгах. Кассандра намекала, что ей не хватает средств, чтобы закончить ее новый фильм. Еще одна причина, по которой я не хотела там присутствовать. – Она помолчала. – Почему вы спрашиваете про Мэтью? Не можете же вы думать, что он имеет к этому какое-то отношение.

– Это рутинные вопросы, мадам, – ответил Фрост. – Мы всегда должны начинать с семьи.

– Он же ее отец. Неужели у вас нет настоящих подозреваемых?

– А вы таких знаете, миссис Койл?

Присцилла задумалась:

– Касси была хорошенькой, а хорошенькие девушки привлекают внимание. Если мужчина положил на вас глаз, вы не знаете, к чему это может привести. Может, у него появится идея фикс. Может, он последует за вами домой и… Мы все знаем, что может случиться с женщиной.

Джейн, конечно, знала. Она видела свидетельства этому в морге, в искалеченных телах и хорошеньких личиках, исполосованных отвергнутыми ухажерами. Она подумала о пустых глазных впадинах, где прежде находились глаза, которые, вероятно, видели убийцу. Может быть, Кассандра посмотрела на него с презрением или отвращением? Не поэтому ли он почувствовал потребность выскрести эти глаза, чтобы они больше никогда не смотрели на него?

Присцилла потянулась за пальто:

– Мне нужно домой. Какой ужасный день.

– Последний вопрос, прежде чем вы уйдете, миссис Койл, – сказала Джейн.

– Да?

– Где вы были с мужем вчера вечером?

– Вчера вечером? – переспросила Присцилла. – А что?

– Опять же, это рутинный вопрос.

Присцилла сжала губы:

– Хорошо. Если вы считаете нужным задать его, я буду счастлива ответить. Вчера вечером мы с Мэтью были дома. Я готовила обед. Лосось и брокколи, если для вас это важно. А потом мы смотрели фильм по телевизору.

– Какой фильм?

– Да бога ради! Какой-то старый фильм по каналу «Тёрнер классикс». «Вторжение похитителей тел»[5].

– А после этого?

– А после этого мы пошли спать.

* * *

– Ты видела «Вторжение похитителей тел»? – спросил Фрост, когда они с Джейн сидели в кафетерии больницы, поедая сэндвичи.

В такой поздний час в автомате оставался только салат из тунца, ветчина и сыр. Сэндвич с тунцом пропитался влагой, но поскольку обед они пропустили, то были рады хоть чему-то.

– Кажется, фильм по этому сюжету снимали раз шесть? – спросила Джейн.

– Я не говорю о ремейках. Я имею в виду классическую черно-белую версию с Кевином Маккарти.

– Черно-белую? Ну, это типа когда нас еще не было?

– Да. Но это фильм на все времена. Элис называет его идеальной метафорой отчуждения. Она говорит, что, если кто-то трансформируется в человека-стручка[6], как в фильме, это все равно как если бы чей-то муж или жена обратились в незнакомца, человека, который больше тебя не любит. И поэтому фильм куда сильнее, чем обычный ужастик: страх поражает тебя на глубинном психологическом уровне.

– Постой, с каких это пор ты снова заговорил об Элис?

– С… не знаю. Несколько недель. Вчера мы вместе с ней смотрели «Похитителей тел». Его показывали в девять часов, так что Присцилла Койл говорила правду, когда сказала, что она с мужем смотрела этот фильм.

– Ты провел ночь с Элис?

– Мы пообедали вместе, посидели перед телевизором, а потом я пошел домой.

– Напомни мне. Ваш развод стал окончательным сколько месяцев назад?

– Это не значит, что мы соединяемся.

Джейн вздохнула и положила свой влажный сэндвич с тунцом. Ну почему в последнее время все небезразличные ей люди принимают такие плохие личные решения? Сначала Маура отправляется к этой психопатке Амальтее Лэнк. А теперь вот Фрост, о котором она всегда думала как о младшем брате, опять затевает роман со своей бывшей женой. Она помнила его полуночные слезливые звонки, после того как Элис ушла от него к соученику по юридическому колледжу, помнила ночи, когда она мучительно размышляла, не отобрать ли у него табельное оружие, чтобы он чего не выкинул. Помнила и последующие месяцы, его бесконечные скорбные сообщения о неудачных встречах с женщинами, которые неизменно оказывались недостаточно красивыми или недостаточно блестящими, чтобы заменить эту суку Элис. Джейн видела, что трагический цикл повторяется: радость и разбитое сердце, радость и разбитое сердце. Фрост заслуживал лучшей доли.

Настало время для сурового урока.

– Уж поскольку вы снова общаетесь, Элис не говорила тебе, как поживает ее бойфренд? Тот, с которым она познакомилась в колледже?

– Она окончила колледж и получила степень.

– Тем легче ей ставить тебя раком в суде.

– Она меня не ставила раком. Мы разошлись цивилизованно.

– Вероятно, потому, что она чувствовала себя виноватой, трахаясь с этим юридическим студентом. Прошу тебя, скажи мне, что ты будешь благоразумен.

Фрост положил сэндвич и тяжело вздохнул:

– Знаешь, жизнь ведь вовсе не черная и белая, как ты, по-видимому, думаешь. Я ведь не просто так женился на Элис. Она умная, она красавица, она забавная…

– И у нее бойфренд.

– Нет, с этим покончено. Он получил работу в Вашингтоне, и они разорвали отношения.

– Ага. Так вот почему она прибежала к старому, надежному тебе.

– Господи Исусе, ты не понимаешь, что представляет собой рынок знакомств в наши дни. Это все равно что плыть в море, полном акул. Я побывал на двадцати пяти свиданиях, и все они были сплошным кошмаром. Женщины совсем не такие, как прежде.

– Ну да, у нас теперь клыки.

– И никто не хочет заводить роман с копом. Они все думают, что у нас проблемы с доминированием.

– Ну, у тебя-то точно. Ты позволил Элис доминировать в семье.

– Нет.

– Может, поэтому она снова влезла в твою жизнь, потому что знает: из тебя можно веревки вить. – Джейн подалась вперед, полная решимости спасти Фроста от ошибки, которая разобьет ему сердце. – Ты должен поступить правильно. Ты такой милый парень, умный. У тебя будет отличная пенсия.

– Прекрати. Ты всегда думаешь, что знаешь лучше. – Фрост, обычно бледный, раскраснелся от негодования. – И вообще, почему мы говорим об Элис? Мы обсуждали «Похитителей тел».

– Да-да, – вздохнула Джейн. – Кинофильм.

– Так вот, его и в самом деле показывали вчера по телику, как сказала миссис Койл. Значит, она говорит правду. И зачем ей убивать падчерицу?

– Затем, что они ненавидели друг друга?

– Когда ее муж придет в себя, он подтвердит ее алиби.

– Вернемся к Элис. Ты ведь помнишь, сколько боли она тебе причинила? Я не хочу, чтобы это повторилось.

– Все. Мы закончили говорить об этом.

Фрост смял обертку от своего сэндвича и встал. И вдруг его ударила по ушам система громкой связи больницы: «Код синий[7], палата семьсот пятнадцать, код синий, палата семьсот пятнадцать».

Фрост повернулся к Джейн:

– Семьсот пятнадцать? Это не…

«Палата Мэтью Койла».

Она понеслась вслед за Фростом, который первым бросился из кафетерия. «Седьмой этаж. По лестнице слишком высоко». Джейн нажала кнопку лифта. Раз. Другой. Когда двери открылись, она чуть не сбила выходящую из кабины медсестру.

– Я думал, с ним все будет в порядке, – сказал Фрост, пока лифт ехал на седьмой этаж.

– Инфаркт – это всегда серьезно. А мы не закончили его допрос.

Двери открылись, и они увидели, как мимо лифта пронеслась молодая женщина в хирургическом костюме, направляясь к семьсот пятнадцатой палате. Через открытую дверь палаты Джейн не видела пациента, только толпу больничного персонала вокруг кровати, непроницаемую стену хирургических костюмов.

– Вазопрессин не действует, – раздался женский голос.

– Так, еще раз. Двести джоулей.

– Включаю на счет три. Руки всем убрать! Один. Два. Три!

Джейн услышала удар. Шли томительные секунды, все головы были повернуты к кардиомонитору.

– Отлично, есть ритм! Синусовая тахикардия.

– И давление. Девяносто на шестьдесят.

– Извините, – прозвучал голос за спиной у Джейн. – Вы семья пациента?

Джейн повернулась и увидела медсестру, разглядывающую их.

– Мы из бостонской полиции. Этот пациент – свидетель по делу об убийстве.

– Пожалуйста, выйдите из палаты.

– Что случилось? – спросила Джейн.

– Позвольте докторам делать свою работу.

Сестра выпроводила их в коридор, но Джейн успела мельком увидеть голую ногу Мэтью Койла. На фоне белых простыней она казалась пугающе синей и пятнистой. Потом дверь закрылась, и безжизненная нога исчезла из виду.

– Он выкарабкается? – спросил Фрост.

Сестра посмотрела на закрытую дверь и дала единственный возможный ответ:

– Не знаю.

7

Голубоглазый все еще спит, когда я на следующее утро выбираюсь из его кровати. Наши шмотки лежат на полу там, где мы их побросали: моя блузка и его рубашка у двери, мои трусики посреди комнаты, мой бюстгальтер свернулся, как кружевная розовая кобра, у прикроватной тумбочки. Я собираю свою одежду, беру сумочку и на цыпочках ухожу в ванную. Такие ванные типичны для холостяцкой квартиры: строгая черная плитка, душевая кабина из стекла и хрома. Ванны я не вижу – похоже, мужчины не ценят доброго долгого лежания в ванне. Я писаю в новейший унитаз с функцией биде, споласкиваю лицо, чищу зубы над раковиной белого оникса. У меня в сумочке всегда лежит зубная щетка на всякий пожарный случай вроде этого, хотя я не помню, когда в последний раз проводила всю ночь в постели мужчины. Обычно я исчезаю задолго до рассвета. Видимо, устала вчера вечером.

А может, дело в двух бутылках «Риохи», что мы выпили.

В зеркале я вижу последствия этого: припухшие глаза, волосы как у пугала. Я увлажняю свои черные волосы и приглаживаю их в подобие моей обычной короткой стрижки. Пусть я растрепана, но я чувствую себя сытой и абсолютно удовлетворенной, чего со мной не случалось уже давно. Спасибо, голубоглазый.

Я открываю аптечку и изучаю ее содержимое. Лейкопластырь, аспирин, крем от загара, сироп от кашля. Еще два пузырька по рецепту, их я разглядываю внимательнее. Викодин и валиум, оба от боли в спине. Пузырьки двухгодичной давности, и в каждом около десятка таблеток, – значит боли в спине в последнее время его не беспокоили.

Он и не заметит, если пропадут несколько таблеток.

Я вытряхиваю по четыре таблетки из каждого пузырька. Я не наркоманка, но, если есть такая возможность, почему бы не обзавестись бесплатными фармацевтическими средствами, которые могут оказаться очень кстати в один прекрасный день? У голубоглазого явно нет в них острой потребности. Я закручиваю колпачок с защитой от детей и замечаю имя на одном из пузырьков. «Эверетт Дж. Прескотт». Экое аристократическое имечко, наверняка с длинной родословной. Вчера вечером нам было не до церемонного знакомства. Он о моей фамилии понятия не имеет, и это к лучшему, поскольку велики шансы, что мы больше не встретимся.

Я одеваюсь в ванной и на цыпочках выхожу в спальню, чтобы надеть туфли. Он спит как убитый, выпростав из-под одеяла голую руку. Несколько секунд я восхищаюсь его рельефными мускулами. Это не накачанные бицепсы тех, кто не вылезает из гимнастического зала, а честные мускулы, нажитые реальным трудом. Вчера он сказал мне, что работает ландшафтным архитектором, и я представила, как он возводит каменные стены, таскает мешки с торфом, хотя я и не знаю толком, чем занимаются ландшафтные архитекторы. Жаль, что так никогда и не узнаю.

Мне давно пора уходить. Когда он проснется, я хочу быть далеко. Я всегда поступаю так наутро, потому что не люблю всяких этих натужных «до свидания» и неискренних обещаний новой встречи. Обычно я разрываю всякие связи после одного раза. Вот почему я никогда не привожу мужчин в свою квартиру. Если они не знают, где я живу, то и не постучат в мою дверь.

Но что-то в Эверетте заставляет меня пересмотреть мою стратегию «мужчина на одну ночь». И вовсе не потому, что он был чрезвычайно внимательным любовником, который с удовольствием выполнял все мои капризы, или что он хорош собой, или что он смеется всем моим шуткам.

Нет. В нем есть нечто большее: глубина, искренность, какую я редко встречаю в других людях.

А может быть, я просто чувствую хорошо знакомую окситоциновую[8] лихорадку, какая бывает после добротного обстоятельного секса.

На улице я оглядываюсь на таунхаус красного кирпича. Красивое здание и явно историческое в районе, который никогда не будет мне по карману. Эверетт, вероятно, зарабатывает неплохие деньги, и я на мгновение пересматриваю свое решение исчезнуть бесследно. Может, стоило задержаться немного. Может, стоило оставить ему мой номер телефона. Или хотя бы назвать фамилию.

Но потом я думаю о другой стороне медали. Вторжение в мою частную жизнь. Его неминуемые ожидания. Телефонные звонки, все более настойчивые, цепляние, ревность.

Нет. Лучше просто уйти.

Но, уходя, я запоминаю его адрес, так что я всегда буду знать, где его найти. Потому что никогда нельзя знать заранее. В один прекрасный день мужчина вроде Эверетта Прескотта может пригодиться.

8

– Сколько времени они его реанимировали? – спросила Маура, надрезая ребра Кассандры Койл.

Услышав хруст костей, Джейн поморщилась. Маура продолжала трудиться, словно плотник в своей мастерской. Грудная клетка, которая прежде защищала сердце и легкие Кассандры, сейчас представляла собой всего лишь костистую изгородь, не подпускающую к тайнам внутри, и Маура быстро и эффективно убирала этот барьер из ребер и грудины.

– У них ушло минут пятнадцать-двадцать, – сказала Джейн. – Но им удалось запустить его сердце. Утром я звонила в больницу – он все еще жив. Пока.

Маура рассекла очередное ребро, раздался очередной треск кости, и Джейн заметила, что Фрост вздрогнул. Если для Мауры вид и запахи морга были знакомой территорией, то для Фроста, чей деликатный желудок стал притчей во языцех отдела по расследованию убийств, это помещение всегда будет оставаться ничейной землей. Кассандра Койл была одним из самых свежих тел, с какими им приходилось работать; всего день прошел с того времени, как ее обнаружили, но при комнатной

температуре запахи быстро проявляются. До Фроста долетало достаточно ароматов, и он поднес руку к побледневшему лицу, чтобы хоть как-то защититься от вони.

– Согласно статистике, у пациента с остановкой сердца в больнице есть сорок шансов из ста на то, чтобы выкарабкаться. И двадцать шансов на то, чтобы выйти из больницы живым, – сказала Маура деловым тоном, приводя статистические данные и одновременно выпиливая последние несколько ребер. – Он уже пришел в сознание?

– Нет, он все еще в коме.

– Тогда мой прогноз, к сожалению, неблагоприятный. Даже если мистер Койл выживет, он, вероятно, получил аноксическое повреждение мозга.

– То есть он может стать овощем?

– К сожалению, это возможный исход.

Ребра уже были выпилены, и Маура приподняла грудную кость. Фрост отошел подальше от запаха телесных жидкостей, поднимавшегося над рассеченным телом, но Маура только ниже наклонилась над трупом, чтобы получше рассмотреть органы грудной клетки.

– Легкие на вид отечные. Насыщены жидкостью. – Маура взяла скальпель.

– И о чем это нам говорит? – спросил Фрост приглушенным голосом.

– Неспецифическая находка. Отечность может говорить много о чем. – Маура подняла взгляд и сказала помощнику: – Йошима, ты мог бы проверить, отправлены ли жидкости на анализ по содержанию наркотиков и отравляющих веществ?

– Уже, – откликнулся Йошима спокойным, как всегда, голосом человека, знающего свое дело. – Я заказал автоматический иммуноферментный анализ и тонкослойную хроматографию. А еще газ-хроматографию и масс-спектрометрию для количественной оценки. Так что практически все известные наркотики мы выявим.

Засунув руку в грудную клетку, Маура вытащила легкие, с которых капала жидкость.

– Легкие определенно нормальные. Я не вижу очевидных повреждений, всего лишь несколько точечных кровоизлияний. И опять неспецифическая находка. – Она положила отделенное сердце на поднос и пальцами в перчатках прощупала коронарные артерии. – Занятно.

– Эй, ты это над каждым телом говоришь, – сказала Джейн.

– Потому что каждое тело рассказывает свою историю, а это тело не выдает ни одной тайны. Шейное рассечение и рентгенограмма ничего не выявили. Подъязычная кость цела. А посмотри, как чисты коронарные артерии – ни малейших следов тромбоза или омертвения. Это было абсолютно здоровое сердце в теле абсолютно здоровой молодой женщины.

Женщины в хорошей физической форме, явно способной дать отпор, подумала Джейн. Но у Кассандры Койл не было ни сломанных ногтей, ни синяков на руках – ничего, что могло бы указать на сопротивление тому, кто напал на нее.

Маура перешла к брюшине. Она методически извлекла печень, селезенку, поджелудочную железу и кишечник, но более всего ее интересовал желудок. Она подняла его с осторожностью, с какой принимают новорожденного, и положила на поднос. Эта часть аутопсии всегда приводила Джейн в ужас. Последний раз жертва ела не менее двух дней назад, и съеденное должно было превратиться в гниющее рагу из желудочной кислоты и частично переваренной пищи. Как только Маура взялась за скальпель, Джейн и Фрост отступили на несколько шагов. Глаза Фроста над бумажной маской сузились в предчувствии вони.

Но когда Маура вскрыла желудок, оттуда вытекло лишь немного жидкости багрового цвета.

– Вы чувствуете запах? – спросила Маура.

– Я бы предпочла не чувствовать, – сказала Джейн.

– Я думаю, это вино. Судя по темному оттенку, это что-то вроде каберне или зинфанделя.

– Может, и год урожая скажешь? А какая там этикетка? – фыркнула Джейн. – Гадаешь на кофейной гуще, Маура.

Маура осмотрела желудочную полость.

– Я не вижу здесь никакой пищи, а это означает, что перед смертью она не ела как минимум несколько часов. – Маура подняла голову. – В квартире не было открытых бутылок?

– Нет, – ответил Фрост. – Как и грязных бокалов в раковине или на столе.

– Она могла выпить где-то в другом месте, – сказала Джейн. – Думаешь, она встретилась с убийцей в баре?

– Это должно было произойти прямо перед тем, как она вернулась домой. Жидкости очень быстро проходят в тонкую кишку, а у нее вино все еще в желудке.

– Она ушла из студии около шести вечера. До ее квартиры всего десять минут ходьбы. Я проверю бары поблизости.

Маура переместила небогатое содержимое желудка в банку для образцов и перешла к голове жертвы. Постояла несколько секунд, глядя на пустые глазницы Кассандры Койл. Энуклеированные глазные яблоки она уже осмотрела, и теперь они лежали в банке с консервантом, словно две карикатурные оливки, плавающие в джине.

– Итак, она заходит куда-то выпить бокал вина, – сказала Джейн, пытаясь зафиксировать хронологию событий. – Приглашает убийцу к себе домой. Или он сам идет за ней. Но что потом? Как он ее убивает?

Маура не ответила. Вместо ответа она снова взяла скальпель. Начав от одного уха, она надрезала скальп через макушку до другого уха.

«Как легко уничтожить все узнаваемые черты человеческого существа», – подумала Джейн, глядя, как Маура оттягивает скальп вперед одним вялым лоскутом. Хорошенькое лицо Кассандры Койл превратилось в мясистую маску, черные крашеные волосы, упавшие вперед, скрыли его подобно бахромчатому занавесу. Вой осциллирующей пилы пресек все дальнейшие разговоры, и Джейн отвернулась, почувствовав запах костной пыли. Череп хотя бы имел обезличенную природу. Не поймешь, чью черепную коробку распиливают, чей мозг сейчас увидишь.

Маура сняла черепную крышечку, и обнажилась сверкающая поверхность мозгового вещества. Вот то, что делало Кассандру единственным в своем роде человеческим существом. В ее мозгу весом в три фунта хранились все воспоминания, все переживания, всё, что Кассандра знала, чувствовала или любила. Маура осторожно приподняла доли, перерезала нервы и артерии, после чего полностью извлекла мозг из черепного ложа.

– Никаких очевидных кровоизлияний, – сказала она. – Никаких контузий, никаких отеков.

– Значит, он выглядит нормальным? – спросил Фрост.

– По крайней мере, на поверхности. – Маура осторожно опустила мозг в ведерко с формалином. – Это молодая женщина со здоровыми на вид сердцем, легкими и мозгом. Она не была задушена. Никаких синяков на теле. Сексуальному насилию не подвергалась. Никаких повреждений, следов инъекций, никаких очевидных травм, если не считать глаз. Но глаза были вырезаны после смерти.

– Так что же с ней случилось? Что ее убило? – спросила Джейн.

Несколько секунд Маура стояла молча, пристально глядя на мозг, погруженный в формалин. Мозг, который не дал ни одного ответа. Она посмотрела на Джейн и ответила:

– Не знаю.

В кармане Джейн зазвонил сотовый. Она сняла перчатки, сунула руку под защитный халат, выудила из кармана телефон и увидела на экране незнакомый номер.

– Детектив Риццоли, – сказала она.

– Прошу прощения, что не мог связаться с вами раньше, – произнес мужской голос. – Но я только что вернулся из Бока-Ратона[9] и теперь жалею, что сделал это. Ну и погодка тут у вас!

– Кто это?

– Меня зовут Бенни Лима. Ну, бюро путешествий «Лима». Вы оставили мне голосовое сообщение о моей камере видеонаблюдения. О той, что смотрит на Утика-стрит.

– Ваша камера действует?

– Конечно. В прошлом году мы отловили паренька, который бросал камни из окна.

Слово «камера» привлекло внимание Фроста, и он с внезапным интересом прислушался к разговору.

– Нам нужно все, что у вас есть с вечера понедельника, – сказала Джейн. – Вы ничего не стерли?

– Ничего. Оно ждет вас.

9

Ледяной дождь, сыплющийся с неба, неприятно колол лицо Джейн, когда она с Фростом вышла из машины и быстрым шагом пересекла улицу в направлении офиса бюро путешествий. Они нырнули внутрь, дверь закрылась, и звякнул колокольчик, извещая об их приходе.

– Эй! – позвала Джейн. – Мистер Лима?

Офис казался пустым. Судя по запыленному пластмассовому филодендрону и выцветшим постерам, рекламирующим круизный отдых, уже очень давно никто не пытался поменять здесь обстановку. Экран стационарного компьютера в режиме скринсейвера демонстрировал соблазнительные фотографии тропических берегов – именно таких мест, где мечтал бы оказаться каждый бостонец в этот серый, ужасный день.

Где-то в глубине помещения послышался звук сливаемой воды, и несколько секунд спустя из коридора появился идущий вразвалочку человек. Не просто человек – на них надвигалась гора плоти с пухлой рукой, протянутой в приветствии.

– Вы из бостонской полиции, да? – Он с энтузиазмом пожал руку Джейн. – Бенни Лима. Я бы раньше ответил на ваш звонок, но, как вам уже говорил, только что вернулся из…

– Бока, – сказала Джейн.

– Да. Летали на похороны моего дядюшки Карло. Большая потеря. Очень. Он там среди пенсионеров был как знаменитость. В общем, я услышал ваше послание в голосовой почте, только когда сегодня утром пришел в офис. Буду рад помочь бостонской полиции всем, чем могу.

– Вы сказали, что у вас есть запись с камеры наблюдения, мистер Лима? – спросил Фрост.

– Да, наша система имеет емкость для записи всего на сорок восемь часов, и если вам нужно то, что происходило в этот период, тогда пожалуйста.

– Нам нужно все, что было записано в понедельник вечером.

– Должно сохраниться. Идемте, я покажу наше устройство.

С убийственной неторопливостью Бенни повел их в заднюю часть офиса, которая была настолько невелика, что едва вместила всех троих. Фрост протиснулся следом за массивной фигурой Бенни и сел за компьютер.

– Нам установили эту систему три года назад, после того как у нас за месяц произошло три взлома. Нет, мы денег тут не держим, но эти сукины дети воровали наши компьютеры. Наконец камера засняла одного из них на месте преступления. Можете себе представить, парнишка жил прямо тут за углом. Маленький говнюк.

Фрост постучал по клавиатуре, и на экране появилось изображение, передаваемое камерой. Она была направлена на начало узкой Утика-стрит, где располагался дом Кассандры Койл. В объектив камеры попадала лишь часть улицы, и картинка не отличалась высоким разрешением, но из всех камер поблизости лишь эта могла зафиксировать всех, кто сворачивал на Утика-стрит или уходил с нее с южного конца. Видео, которое они сейчас просматривали, было снято в светлое время, в кадре присутствовали три пешехода. Судя по временно́му маркеру, запись была сделана в 10:00 в понедельник, когда Кассандра Койл была еще жива.

– Это самое начало записи, – пояснил Бенни. – Как только я прослушал ваше послание, я нажал «Сохранить», чтобы не стерлось то, что вам нужно.

Фрост кликнул по иконке быстрой перемотки вперед:

– Перенесемся в вечер понедельника.

Бенни посмотрел на Джейн:

– Это связано с девушкой, которую убили здесь на улице? Я видел в новостях по телевизору. Таких вещей в нашем районе раньше не случалось.

– Такие вещи могут случиться в любом районе, – возразила Джейн.

– Но я тут целую вечность. Мой дядюшка открыл это агентство еще в семидесятые, в те времена, когда людям для планирования путешествий требовалась небольшая помощь. Мы бронировали много билетов в Гонконг и на Тайвань. У нас ведь Чайна-таун за углом. А теперь каждый может войти в Интернет и заключить любую самую дурацкую сделку через компьютер. Район тут безопасный, и я не помню у нас ни одного убийства. Ну, то есть если не считать ту стрельбу на Кнапп-стрит. – Он помолчал. – И того парня, что на складе убили. – Еще одна пауза. – О да, было время, когда…

– Вот оно, – перебил его Фрост.

Джейн уставилась на экран, где маркер времени показывал 17:05:

– Видишь что-нибудь?

– Нет пока, – ответил Фрост.

– Как раз в это время я был в Бока-Ратоне, – сказал Бенни. – У меня все квитанции от авиакомпании и все остальное, если хотите взглянуть.

Джейн не хотела. Она подтащила стул к Фросту и села. Просмотр записей с камеры видеонаблюдения представлял собой одну из тех изматывающих душу и мозг обязанностей, которые обещали много часов скуки и редкие впрыски адреналина в случае находки. Три коллеги Кассандры утверждали, что она покинула студию «Крейзи Руби филмз» около шести вечера, проведя целый день за монтажом «Мистера Обезьяны». Из студии до Утика-стрит ходу всего десять минут. Если она повернула на Утика с Бич-стрит, то должна была попасть в объектив камеры.

Так где же она?

Фрост увеличил скорость просмотра видео, и минуты замелькали в два раза быстрее. Машины проносились мимо. Пешеходы появлялись и исчезали дерганой походкой. Никто не сворачивал на Утика-стрит.

– Шесть тридцать, – сказал Фрост.

– Значит, с работы она не пошла прямо домой.

– Или мы ее пропустили, – произнес Бенни так, словно уже стал частью команды. Он стоял за спиной у Джейн и смотрел через ее плечо. – Она могла войти с другой стороны улицы – со стороны Книланд-стрит. Но в этом случае моя камера ее не засекла.

Джейн не хотелось это слышать, но Бенни был прав: Кассандра могла оказаться на Утика вне поля зрения этой или какой-либо другой камеры.

Бенни дышал ей прямо в шею, и его сопение навело Джейн на мысль о зимних вирусных заболеваниях. Она старалась не замечать его, сосредоточиться на видео. Вечер в понедельник стоял холодный, мороз минус девять, и пешеходы быстро проходили мимо камеры, одетые в теплые пальто и обмотанные шарфами. Если Кассандра и есть среди них, то как они ее узнают? Джейн подалась ближе к экрану, наклонился и Бенни, с каждым выдохом увеличивая популяцию микробов на ее шее.

– Мистер Лима, не могли бы вы оказать нам огромную услугу? – спросила она.

– Да, конечно!

– Я заметила тут кофейню поблизости. Мы бы с напарником выпили по стаканчику кофе.

– Вам какой? С молоком? Капучино? У них всякий есть.

Она вытащила из сумочки двадцать долларов и протянула ему:

– Черный с сахаром. Для нас двоих.

– Со всем удовольствием.

Он натянул на себя пуховик, такой объемистый, что Джейн показалось, будто к дверям покатилось кучевое облако.

– Рад услужить бостонской полиции!

«Не спеши возвращаться», – подумала она, услышав, как за ним захлопнулась дверь.

На компьютере маркер времени показывал 20:10, и число пешеходов на улице все сокращалось. К этому времени Кассандра уже должна была добраться до дома – значит, она вошла на Утика с другой стороны. «Черт побери, мы ее потеряли».

– Опаньки! – сказал вдруг Фрост.

Джейн мигом сосредоточилась и перевела взгляд на экран, на котором замер остановленный Фростом кадр.

Две фигуры, слившиеся в один силуэт, попали в объектив камеры в тот момент, когда они сворачивали на Утика. Хотя лиц Джейн не видела, но, судя по росту и ширине плеч, более высокая фигура принадлежала мужчине. Меньшая фигура, казалось, прижималась к большей, ее голова покоилась на его плече. Джейн уставилась на этот двухголовый контур, пытаясь обнаружить какие-нибудь особенности, которые позволили бы идентифицировать этих двоих, но темнота не позволяла толком их разглядеть.

– В Кассандре было пять футов шесть дюймов. Если это она, то рост мужчины не менее шести футов, – сказала она.

– И время восемь пятнадцать, – откликнулся Фрост. – Если она ушла из студии в шесть, то где была все это время? Где встретила этого типа?

Джейн пригляделась к тому, что висело на плече у мужчины: рюкзачок. Она подумала о том, что он мог нести в этом рюкзачке. Латексные перчатки. Хирургические инструменты. Все, что нужно хорошо

подготовившемуся убийце, чтобы совершить необычный ритуал над трупом.

От прикосновения Бенни к ее плечу она чуть не подпрыгнула.

– Эй, это всего лишь я! Ваш кофе. – Бенни подал ей стаканчик.

Джейн откинулась на спинку стула, чувствуя, как колотится сердце, и глотнула кофе, такой горячий, что она чуть язык не обожгла. «Успокойся. Не спеши».

– Это он? – спросил Бенни.

Джейн повернулась: Бенни стоял, уставившись на экран. По крайней мере, его можно исключить из подозреваемых. Никакая куртка не скроет человека размером с дом.

– Назовем его лицом, представляющим интерес, – ответила Джейн.

– И вы увидели его на моей камере наблюдения! Круто.

Но видение было мимолетным – всего лишь тень двух людей, промелькнувшая по экрану.

– Быстрая перемотка вперед, – скомандовала Джейн. – Попробуем поймать его на выходе.

Маркер времени понесся вперед – 21:00, 22:00.

В 23:10 Фрост остановил кадр.

– Приехали, – тихо сказала Джейн.

Голова мужчины была в капюшоне, так что лица его было не разглядеть.

– Он проходит по Утика-стрит с жертвой в восемь пятнадцать, – сказал Фрост. – Уходит в одиннадцать десять. Через три часа.

Времени, чтобы убить и изуродовать, более чем достаточно. «Чем еще вы занимались в ее доме в течение этих трех часов? Наслаждались видами?» Она подумала о Кассандре Койл, безмятежно лежащей на кровати. Причина ее смерти пока неизвестна. Наркотик? Токсин? Как можно уговорить жертву принять яд? Знала ли Кассандра, что ей предлагают смерть?

– Он вообще не показывает лицо, – заметил Фрост. – Ни возраста, ни расовой принадлежности мы не знаем. Можем только предполагать, что это мужчина. Или *очень* крупная женщина.

– Мы знаем кое-что еще, – сказала Джейн.

– Что?

– Это не какой-то посторонний. – Джейн посмотрела на Фроста. – Она привела его к себе домой.

10

Похороны Кассандры Койл напоминали зону боевых действий.

Со своей скамьи в седьмом ряду церкви Святой Анны Джейн видела ядовитые взгляды, стрелами перелетавшие между двумя враждебными лагерями: прежней жены Мэтью Койла, Элейн, с одной стороны, и его нынешней жены Присциллы – с другой. На скамье за спиной у Джейн женщины сплетничали – и не так чтобы тихо – о второй жене:

– Посмотрите на нее – делает вид, будто переживает за бедную девочку.

– И что Мэтью в ней нашел?

– Ее деньги, конечно. Что же еще? Она сплошной пластик – от лица до банковской карточки.

– Бедняжка Элейн. Ей приходится в такой ужасный день сидеть в одной церкви с этой.

Джейн обернулась: две женщины под шестьдесят сидели, наклонив головы друг к дружке, соединенные неодобрением. Как и первая супруга Мэтью Койла, они несомненно принадлежали к сообществу дам, которые опасались и презирали женщин вроде Присциллы, уводивших таких слабовольных мужей у законных жен. Их группа заявилась сюда сегодня в полном составе, и кое-кто из них, не таясь, бросал недовольные взгляды на Присциллу, которая встала, чтобы обратиться к провожающим. Для этих похорон Присцилла не пожалела денег: гроб ее падчерицы был из красного дерева и щедро украшен белыми гладиолусами. Она прикоснулась к закрытому гробу и театрально замерла, отчего даже Джейн поморщилась, потом подошла к микрофону.

– Большинство из вас, вероятно, знает, что Мэтью сегодня не может быть с нами, – начала Присцилла. – Я знаю, он хотел быть здесь, но он в больнице, приходит в себя после страшной потери замечательной

дочери. Поэтому я должна говорить от нас обоих. Мы потеряли – мир потерял – красивую и талантливую молодую женщину. И наши сердца разбиты.

За спиной у Джейн раздалось фырканье, достаточно громкое, чтобы его услышали по другую сторону прохода, где в команде скорбящих со стороны Присциллы сидел Фрост. Джейн увидела, как Фрост недоуменно качает головой, и подумала о том, какие комментарии он слышит от союзников Присциллы, которая мрачно уставилась на фыркнувшую женщину.

– Я познакомилась с Касси, когда ей было всего шесть лет. Застенчивая, худенькая девочка, одни только ноги и длинные волосы, – продолжила Присцилла.

Если она и слышала неодобрительный шумок, гуляющий по церкви, то стойко игнорировала его. И еще она избегала смотреть на переднюю скамью, где сидела ее соперница Элейн.

– Хотя мы еще не знали друг друга, Касси обняла меня тоненькими ручками и сказала: «Теперь у меня есть еще одна мамочка». Тогда-то я и поняла, что мы станем настоящей семьей.

– Вранье, – пробормотала женщина за спиной Джейн.

В гробу лежала молодая женщина, ее отец в критическом состоянии находился в больнице, а семья Койл скорбела вот так – с негодованием и яростью. Джейн и прежде сталкивалась с подобным на похоронах жертв. Убийства случаются без предупреждений, не давая возможности заключить перемирие в феодальной войне или попрощаться. Разговоры остаются незаконченными, и вот результат – семья, которая навсегда останется разделенной этой потерей.

Присцилла села, и произнести прощальное слово встала знакомая Джейн троица – коллеги Кассандры, умудрившиеся привести себя в более или менее божеский вид: на обоих мужчинах были темные костюмы и галстуки. Амбер облачилась в мрачное черное платье, золотое колечко у нее в носу эпатажно посверкивало в свете алтарных ламп. Они напоминали трех ошеломленных первопроходцев, которые каким-то образом забрели в это собрание и не вполне уверены, как себя вести.

Амбер была слишком расстроена, чтобы произнести хоть слово, а Бен просто смотрел на свои кроссовки. Наконец от имени всех троих заговорил Трэвис Чан, моргая в свете прожектора.

– Мы были четырьмя мушкетерами, и Касси была нашим д’Артаньяном, – сказал Трэвис. – Бойцом и лидером. Рассказчицей, которая могла сплести золотую пряжу из детской травмы. Такой была наша Кассандра. Мы четверо познакомились в кинематографическом классе Нью-Йоркского университета, где узнали, что самые сильные истории рождаются из самых болезненных эпизодов нашей жизни. Мы превращали одну из таких историй в кинофильм, когда потеряли Касси.

У Трэвиса сорвался голос, и он сделал паузу, чтобы овладеть собой, Амбер взяла его за руку, а Бен еще ниже опустил голову.

– Если то, что мы узнали на занятиях, правда, – продолжил Трэвис, – если боль и в самом деле рождает лучшие истории, то из этого получится самая адская из историй. Эта потеря принесла нам столько боли, что мы не знаем, что делать с ней. Но мы клянемся закончить то, что начала ты, Касс. Этот фильм – твоя история, твое дитя. Мы тебя не подведем.

Они сошли с подиума и сели на прежнее место.

Несколько секунд все оставались на своих местах.

И в этой затянувшейся тишине неожиданный скрип скамьи оказался подобен удару грома. Со своего места поднялась Элейн Койл. Сегодня мать Кассандры казалась гораздо более внушительной, чем четыре дня назад, когда Джейн и Фрост допрашивали ее и когда потрясение от потери дочери было таким сильным, что она почти не могла говорить – едва шептала. Теперь она с мрачной решимостью поднялась на подиум и замерла на несколько мгновений, оглядывая аудиторию. В отличие от Присциллы, чье лицо было выщипано и выглажено до лощеной, хотя и искусственной версии вечной молодости, Элейн не скрывала своего возраста, а потому производила более сильное впечатление. В ее неухоженных волосах виднелись белые пряди, лицо бороздили морщины, накопившиеся за пятьдесят восемь лет, но она излучала силу.

И горечь.

– Моя дочь не выносила глупцов, – сказала Элейн. – Она выбирала в друзья только тех, в кого верила, и тысячекратно возвращала их преданность. – Она посмотрела на трех молодых друзей. – Спасибо, Трэвис, Бен и Амбер, за то, что были друзьями моей дочери. Вы знаете о препятствиях, которые пришлось преодолевать Касси. Когда становилось трудно, вы приходили ей на помощь. В отличие от иных людей, которые лишены чувства преданности. Которые отказываются от своих обязанностей при первом же искушении.

Элейн перевела взгляд на Присциллу, и ее лицо посуровело.

За спиной у Джейн среди женщин из команды Элейн пронесся одобрительный шепот.

– Если бы Касси была здесь, она бы сказала вам, что такое настоящая любовь. Она бы сказала вам, что любить – это не отворачиваться от ребенка, которому всего шесть лет. Подобное предательство не загладить никакими деньгами и подарками. Ребенок всегда знает. Ребенок никогда не забывает.

– Господи, кто-нибудь может это остановить? – прошептал мужской голос.

Присцилла встала и вышла из церкви.

Ситуацию попытался выправить священник. Он взошел на подиум, и включенный микрофон транслировал их тихие переговоры:

– Будем переходить к следующему оратору, моя дорогая?

– Нет, мне еще есть что сказать, – возразила Элейн.

– Но возможно, для этого найдется лучшее время? Пожалуйста, позвольте мне проводить вас на место.

– Нет, я…

Элейн неожиданно пошатнулась. Лицо ее побледнело, и она попыталась вцепиться в кафедру.

– Помогите! Кто-нибудь может мне помочь? – воззвал священник, подхватывая ее под мышки.

Он продолжал держать ее, когда ноги Элейн подогнулись и она рухнула на пол.

* * *

Элейн сидела в кабинете священника, прихлебывая очень сладкий чай. Бледность сошла с ее лица, и к ней вернулась твердость; она отказалась от «скорой» и решительно пресекла все разговоры о больнице. Женщина сидела с мрачным лицом и прямой спиной, пока священник суетливо спешил наполнить заварной чайник горячей водой. Позади Элейн высился книжный шкаф, набитый книгами о сострадании, вере и милосердии, но ничего этого не было в ее глазах.

– Уже неделя прошла, – сказала Элейн, глядя на Джейн и Фроста. – А вы так и не имеете представления о том, кто убил мою дочь?

– Мы разматываем все ниточки, мадам, – ответила Джейн.

– И что вы нашли?

– Мы нашли, что у вас очень непростые семейные отношения. – «И нет ничего хуже, чем видеть их во всей их жестокой красе». Джейн подтащила стул и села так, чтобы смотреть в глаза Элейн. – Должна сказать, вы были довольно неделикатны с Присциллой.

– Она этого заслуживает. Что еще можно сказать о женщине, которая крадет у вас мужа?

– Я бы напомнила, что известное отношение к этому имеет и ваш муж.

– Оба они хороши. Вы знаете, что случилось?

«Не уверена, что хочу знать».

– Мэтью был ее бухгалтером. Платил налоги, отслеживал состояние всех ее многочисленных счетов. Он знал, сколько она стоит. Знал, что она может обеспечить ему безбедную жизнь. Когда он начал летать в командировки, я понятия не имела, что он катается с *ней*. Я сидела дома с бедной маленькой Касси, и, оставаясь одни, мы чувствовали себя ужасно. По соседству недавно похитили маленькую девочку, все семьи пребывали в смятении, но ему было плевать. Он был занят тем, что обхаживал эту сучку.

Священник замер, держа исходящий паром чайник над заваркой. Он покраснел и отвернулся.

Элейн посмотрела на Джейн:

– Вы с ней разговаривали. Готова поклясться, что она выдала совсем другую версию этой истории.

– Она сказала, что ваш брак уже фактически распался, – ответила Джейн.

– Конечно, она так сказала. Разрушители семей всегда так говорят.

Джейн вздохнула:

– Мы не психотерапевты вашей семьи, мадам. Мы пытаемся найти убийцу вашей дочери. Как по-вашему, смерть Касси могла быть связана с различными конфликтами в вашей семье?

– Я знаю, что они друг друга ненавидели.

– Ваша дочь ненавидела Присциллу?

– Другая женщина налетает, как стервятник, и похищает вашего папочку. Попытайтесь представить, что Касси чувствовала. Вы бы на ее месте Присциллу не возненавидели?

Представить это было нетрудно. Джейн вспомнила, как ее собственный отец завел интрижку с женщиной, которую они теперь называли не иначе как «телка». Она подумала о том, что этот роман разбил сердце Анжелы. Теперь, когда увлечение прошло и Фрэнк вернулся домой, можно ли будет соединить осколки в прежнее целое?

– Если вы ищете подозреваемого, который ненавидел мою дочь, – сказала Элейн, – то вам следует присмотреться к Присцилле.

– Нет ли еще кого-то, к кому нам стоит присмотреться? – спросил Фрост. – На прощальную службу пришло много людей. Вы многих из них знаете?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что убийца иногда пытается провести собственное расследование. Он приходит на похороны понаблюдать, как убийство повлияло на семью жертвы. Он задает множество вопросов, стараясь понять, не вышла ли полиция на его след.

Священник уставился на Фроста:

– Вы думаете, что убийца, возможно, был *здесь*? В моей церкви?

– Такая вероятность всегда существует. Поэтому мы повесили при входе камеру наблюдения, чтобы записать лица всех, кто пришел в церковь. Если убийца приходил, он может оказаться на записи. – Фрост посмотрел на Элейн. – Вы не видели кого-то, кто показался вам не на месте? Кто был здесь чужим?

– Если не считать этого жуткого стада Присциллы? – Элейн отрицательно покачала головой. – Большинство я знаю. Однокашники Касси. Несколько старых друзей из Бруклайна, где она росла. Многие любили ее и пришли отдать дань уважения. – Она с отвращением взглянула на свой остывший чай. – Слава богу, *его* не пришлось увидеть.

– Кого?

– Мэтью. Говорят, он в коме и прогноз для него неблагоприятный. – Она с торжествующим стуком поставила чашку. – Если он умрет, то я на его похороны не приду.

* * *

– Нет ничего чудеснее, чем большая счастливая семья, слышишь, Фрост? – сказала Джейн, пока они ехали обратно в Бостонское управление полиции, причем Джейн сидела за рулем. – Ее дочь убили, бывший муж при смерти, а ей все не дает покоя ненависть к дрянной второй жене. Я думала, что Присцилла – та еще штучка, но ты посмотри на эту даму.

– Да, чудовищно. Как можно так долго ненавидеть бывшего мужа? Я говорю, это ведь когда было-то? Девятнадцать лет прошло со времени развода.

Джейн остановилась на красный свет и взглянула на Фроста, который прошел через собственный мучительный развод, но никогда не испытывал ненависти к бывшей жене. Теперь он снова смотрел с ней кинофильмы и ел пиццу. Если у кого и отсутствовал ген, ответственный за злопамятство, так это у Фроста, чье легендарное дружелюбие только выставляло Джейн в дурном свете. Проблема с дружелюбием состояла в том, что люди начинают вытирать о тебя ноги. Джейн росла с двумя братьями, и это научило ее тому, что молниеносный пинок в голень обычно действует куда лучше, чем «очень тебя прошу».

– И ты даже ничуть не злишься на Элис? – спросила она.

– Почему это мы снова заговорили об Элис?

– Потому что мы затронули тему злопамятных бывших.

– Ну, я злюсь, – признался он. – Немного.

– Немного?

– А какая польза от того, что всю жизнь ходишь злым? Это вредит здоровью. Нужно прощать и жить дальше, как твоя мать. Она взялась за ум, верно?

– Ага. Проблема только в том, что папа тоже взялся за ум. И вернулся в ее жизнь.

– Разве плохо, что они снова вместе?

– Приходи на рождественский обед к Риццоли. Увидишь своими глазами, что из этого получается.

– Как мне это воспринимать – как угрозу или как приглашение?

– Моя мать постоянно спрашивает, когда ты снова придешь на обед. Ты для нее как хороший сын, какого у нее никогда не было, и она всегда к тебе неровно дышит, после того как ты поменял ей спущенную покрышку. Так что вполне можешь прийти – еды будет много. Я имею в виду – до безумия много.

– Ой, я бы пришел, но у меня уже есть планы на рождественский вечер.

– Не говори, я сама догадаюсь. – Она посмотрела на него. – Элис?

– Да.

Джейн вздохнула:

– Ладно. Полагаю, ты можешь прийти с ней.

– Ну ты видишь? Вот почему я не могу прийти с Элис. Она очень остро чувствует твою неприязнь.

– Моя неприязнь объясняется тем, как она поступила с тобой. Я ненавижу, когда тебе делают больно. И если она сделает это еще раз, я приду и дам ей поджопника.

– Вот поэтому я и не приду с ней на обед. Но матушке своей передай от меня привет. Она милая дама.

Джейн заехала на полицейскую парковку и заглушила двигатель.

– Жаль, я не могу придумать предлог, чтобы не приходить. Судя по тому, как развиваются отношения между матерью и отцом, от этого вечера не приходится ждать ничего хорошего.

– Ну, у тебя нет выбора. Это твоя семья, и это рождественский вечер.

– Да. – Джейн фыркнула. – О-хо-хо.

11

– Так что там с этой девочкой, у которой выскребли глаза?

Джейн, нахмурившись, посмотрела через обеденный стол на своего брата Фрэнки, который отреза́л себе щедрый кусок от жареной бараньей ножки. Их мать целый день провела в кухне, создавая блюда, во всем великолепии расставленные теперь на семейном столе. Баранья ножка была нашпигована зубчиками чеснока и прожарена до идеального промежуточного состояния, когда внутри остается кровь. Вокруг стояли тарелки и салатники, наполненные хрустящим

картофелем с розмарином, спаржевой фасолью с миндалем, тремя видами салатов и домашними булочками. Анжела сидела во главе стола с лоснящимся от пота лицом (следствие кухонного жара) и ждала, когда семья поблагодарит ее за это восхитительное пиршество.

Так нет же, Фрэнки понадобилось начать прямо с убийства, и сделал он это, пока нарезал мясо, высвобождая целые ручьи сока с примесью крови.

– Сейчас не время и не место, Фрэнки, – пробормотала Джейн.

– Анжела, еда изумительная, – сказал Габриэль, как всегда внимательный и учтивый зять. – Каждое Рождество вы сами себя превосходите!

– Прошло уже больше недели, – продолжал Фрэнки, ничуть не устрашенный отповедью Джейн. – Какое там сорок восемь часов. – Он посмотрел на своего отца, Фрэнка, и изрек с авторитетным видом: – Если ты не слышал, па, то первые сорок восемь часов после совершения преступления – это самое благоприятное время для его раскрытия. А у бостонской полиции, кажется, до сих пор и подозреваемого нет.

Джейн мрачно нарезала картошку и спаржевую фасоль для своей трехлетней дочки Реджины.

– Ты знаешь, что я не могу говорить о деле.

– Да прекрасно можешь. Мы же здесь семья. И потом, про него столько говорили в новостях – о том, что преступник сделал с девочкой.

– Во-первых, та конкретная подробность насчет глаз не должна была попадать в новости. Кто-то допустил утечку, и я пытаюсь выяснить кто, черт бы его подрал. Во-вторых, она никакая не девочка. Ей двадцать шесть лет, а значит, мы должны говорить о ней как о женщине.

– Ну-ну, ты все время несешь эту пургу.

– А ты все время игнорируешь мои слова. Мама, жаркое – просто высший класс, – сказала она Анжеле. – Как оно у тебя получается таким нежным?

– Все дело в маринаде, Джейн. Я тебе давала рецепт в прошлом году. Ты забыла?

– Нужно будет найти. Только у меня все равно не получится, как у тебя.

– Вырезать глаза у девушки – в этом, наверно, есть какой-то глубокий психологический подтекст, – сказал Фрэнки, всезнающий авторитет по всем вопросам. – Тут невольно задумаешься, что значит такая символика. Возможно, этому типу не нравилось, как на него смотрят девочки… извини, женщины.

Джейн рассмеялась:

– Так ты теперь считаешь себя судебным психологом?

– Джейни, – вмешался Фрэнк-старший, – твой брат имеет право на собственное мнение.

– Мнение о том, о чем он ни шиша не знает?

– Я знаю то, что слышал.

– И что же ты слышал?

– Что глаза у жертвы были вырезаны и преступник вложил их ей в руку.

Анжела стукнула по столу вилкой и ножом:

– Неужели мы в рождественский вечер должны говорить о таких ужасах?

– Это их работа, – сказал отец Джейн, набивая рот картошкой. – Нам нужно к этому привыкнуть.

– С каких пор это работа Фрэнки? – поинтересовалась Джейн.

– С тех самых, как он пошел на криминологические курсы на Банкер-Хилл. Ты его сестра, ты должна одобрить его решение. И должна будешь ему помочь, когда он подаст заявление.

– Но я не собираюсь подавать заявление в бостонскую полицию, – произнес Фрэнки с возмутительной ноткой превосходства. – Я уже прошел два этапа в СОСА. Хорошее впечатление. Очень хорошее.

Джейн нахмурилась:

– Что такое СОСА?

– Твой муж знает. – Фрэнки взглянул на Габриэля.

До этого момента Габри занимался тем, что нарезал кусочки мяса для Реджины под размер ее ротика.

– Система отбора специальных агентов, – ответил он с покорным видом.

– Круто, да? – сказал Фрэнк-старший, хлопнув сына по спине. – Наш Фрэнки будет агентом ФБР.

– Не спеши, па. – Фрэнки скромно поднял обе руки. – Это еще только начало. Я прошел первый экзамен. Теперь мне нужно пройти собеседование. И вот тут факт работы моего зятя в агентстве может сослужить мне хорошую службу. Верно, Гейб?

– Полагаю, это не повредит, – дал Габриэль ни к чему не обязывающий ответ. Потом обратился к Анжеле: – Можно еще фасоли? Реджина ее сметает, только успевай подавать.

– Вот почему я хочу быть в курсе текущих расследований, – заявил Фрэнки. – Вроде дела этой девицы, у которой вырезали глаза. Я хочу посмотреть, как ведется это дело на местном уровне.

– Знаешь, Фрэнки, я не думаю, что могу тебя чему-то научить, – сказала Джейн. – Я ведь ничего не вижу, кроме работы на *местном* уровне.

– Странная у тебя позиция! – недовольно произнес отец. – Что, Фрэнки недостаточно хорош для твоего клуба?

– Тут дело не в том, достаточно или недостаточно хорош, папа. Ведется активное расследование, и я не имею права о нем говорить.

– Вскрытие делала твоя зловещая подружка? – спросил Фрэнки.

– Что-о?

– Я слышал, копы дали ей прозвище Королева мертвых.

– Это кто тебе сказал?

– Есть у меня источники. – Фрэнки ухмыльнулся отцу. – Я бы провел с ней ночку в морге.

Анжела оттолкнула назад стул и встала:

– На кой черт я все это затевала? В следующий раз закажу пиццу.

Она прошла через распашную дверь в кухню.

– Не беспокойтесь за нее. Все будет в порядке, – сказал Фрэнк-старший. – Пусть остынет пару минут.

Джейн хлопнула вилкой по столу:

– Ну-ну, продолжайте в том же духе.

– Что? – спросил отец.

– Вы с мамой только что снова соединились. И ты так к ней относишься?

– А в чем проблема? – спросил ее брат. – Так всегда было.

– А если так было всегда, значит это хорошо? – Джейн бросила салфетку и встала.

– Теперь и ты выходишь из-за стола?

– Кто-то должен помочь маме отравить десерт.

Анжела стояла у кухонной раковины и щедро наливала себе вино в стакан.

– Не хочешь поделиться? – спросила Джейн.

– Нет. Я думаю, что заслужила целую бутылку. – Анжела сделала большой глоток. – Все вернулось на круги своя, Джейни. Ничто не изменилось.

«Ты изменилась». Прежняя Анжела не обратила бы внимания на бездумные замечания мужа и стойко отсидела бы весь обед до конца. Но для новой Анжелы эти замечания были как тысячи мелких порезов души. И вот она пыталась здесь, в кухне, заглушить боль с помощью кьянти.

– Ты уверена, что хочешь пить одна? – спросила Джейн.

– Да нет. Давай присоединяйся, – сказала Анжела и налила стакан Джейн.

Они обе отхлебнули вина и вздохнули.

– Ты приготовила королевский стол, мама.

– Я знаю.

– И папа тоже знает. Он просто не умеет выражать благодарность.

Они выпили еще, и Анжела тихо спросила:

– Ты, случайно, не видела Винса?

Джейн вздрогнула, услышав имя Винса Корсака, отставного копа, который сделал ее мать на короткий промежуток времени невероятно счастливой. Пока не вернулся Фрэнк и не предъявил права на жену. Пока католическое чувство вины и долга не вынудило его жену закончить роман с Корсаком.

Джейн нахмурилась, глядя в стакан:

– Да, я довольно часто вижу Винса. Обычно за ланчем у «Дойла».

– Как он там?

– Да все так же, – солгала Джейн.

На самом же деле Винс Корсак выглядел несчастным. У него был такой вид, словно он решил напиться и наесться до смерти.

– Он… встречается с кем-нибудь?

– Не знаю, мама. У нас с Винсом не было возможности толком поговорить.

– Я бы не стала его винить, если он с кем-то встречается. У него есть право жить дальше, но… – Анжела поставила свой стакан. – Боже, я думаю, что совершила ошибку. Я не должна была его отпускать, а теперь уже слишком поздно.

Кухонная дверь распахнулась, и вошел брат Джейн.

– Эй, папа спрашивает, что на десерт.

– Десерт? – Анжела быстро отерла глаза и повернулась к холодильнику. Вытащила картонку с мороженым и вручила Фрэнки. – На.

– И это все?

– А ты рассчитывал на «Запеченную Аляску»?[10]

– Ладно, ладно. Я просто спросил.

– У меня и шоколадный сироп есть. Возьми его для всех.

На пороге Фрэнки повернулся к Анжеле:

– Ма, хорошо, что все вернулось к норме. Я про тебя и папу говорю. Все так, как и должно быть.

– Конечно, Фрэнки, – вздохнула Анжела. – Все так, как и должно быть.

Зазвонил сотовый Джейн. Она вытащила его из кармана, посмотрела на номер и резко ответила:

– Детектив Риццоли.

К ее раздражению, Фрэнки следил за разговором ястребиными глазами. Мистер Будущий Специальный Агент был готов даже подслушивать, чтобы разузнать о деле.

– Сейчас буду, – сказала Джейн и отключилась. – Извини, мама, нужно бежать.

– Что, новое дело? – спросил Фрэнки. – Какое?

– Ты действительно хочешь знать?

– Да!

– Читай завтрашние газеты.

* * *

– Это и вправду из-за меня или нам всегда достаются самые жуткие дела? – спросил Фрост.

Они стояли, дрожа от холода, на пристани Джеффриз-Пойнт, где ветер, гулявший по внутренней гавани, нес с собой тысячи иголок и все их бросал в лицо Джейн. Она подтянула шарф кверху, прикрывая онемевший нос. Всего четыре дня, как зима началась официально[11], а в гавани на воде уже покачивались тонкие ледяные плитки. В расположенном неподалеку аэропорту Логан в небо поднялся самолет, и в реве его двигателей на короткое время исчез ритмический звук воды, плещущейся о сваи.

– Все убийства по-своему жуткие, – сказала Джейн.

– Нет, вовсе не так собирался я провести канун Рождества. Только мы с Элис стали устраиваться поудобнее, как пришлось уходить. – Он уставился на причину, по которой его и Джейн оторвали от праздничного стола и вызвали в это пустынное место. – Ну, по крайней мере, в данном случае установить причину смерти будет нетрудно.

Их фонарики высвечивали белого молодого человека с грудью, обнаженной холодным ветрам. В остальном он был хорошо одет: свободные брюки, ремень из кожи страуса, кожаные броги. Миловидный

парень лет двадцати пяти, прикинула Джейн. Хорошо выбритый, холеный, модная прическа со светлой прядью спереди. Грязи под ногтями нет, нет и мозолей на руках. Таких ребят можно увидеть в офисах в центре города.

А не на обдуваемой ветрами пристани с тремя стрелами, торчащими из груди.

Заметив приближающийся свет фар, Джейн повернулась и увидела, как рядом с патрульной машиной остановился «лексус». Из него вышла Маура Айлз, полы ее длинного пальто трепыхались на ветру, как накидка. Она оделась во все по-зимнему черное: сапоги, свободные брюки, водолазка. Подходящее одеяние для бостонской Королевы мертвых.

– Счастливого Рождества, – сказала Джейн. – У нас для тебя специальный подарочек.

Маура не ответила: ее внимание сосредоточилось на молодом человеке, лежащем у ее ног. Она стянула шерстяные перчатки и засунула их в карман. Ярко-красные латексные перчатки, которые она надела, не могли защитить от холода на таком ветру, и, пока пальцы не онемели, она поспешила присесть и разглядеть стрелы. Все три вошли в грудь спереди, две с левой стороны грудной кости, одна – с правой. Все три проникли так глубоко, что над грудью оставалась лишь половина ствола.

– Кажется, кто-то обзавелся на Рождество новехоньким луком и стрелами, – сказала Джейн. – А этого беднягу использовал как мишень для тренировки.

– Что тут за история? – спросила Маура.

– Охранник во время обхода увидел тело. Он клянется, что за три часа до этого, когда делал предыдущий обход, тела здесь не было. Место удаленное, так что никаких камер наблюдения. Свидетелей найти будет трудно, в особенности учитывая то, что канун Рождества.

– Похоже, это стандартные алюминиевые стрелы, все с одинаковым оранжевым оперением. Такие, вероятно, продаются в любом спортивном магазине, – сказала Маура. – Они вошли в грудь под немного разными углами. Других ран я не вижу…

– И мне это кажется странным, – подхватил Фрост.

– Это единственное, что кажется тебе странным? – спросила Джейн.

– Человека убивают тремя стрелами, все они входят ему в грудь. Чтобы зарядить в лук новую стрелу, требуются секунды две. Но разве этот парень не мог развернуться и броситься наутек? А он, похоже, стоял и ждал, пока кто-то три раза выстрелит в него.

– Я не думаю, что его убили стрелы, – сказала Маура.

– По крайней мере одна из них должна была прошить легкое или что-нибудь еще.

– Безусловно. Судя по их расположению. Но посмотрите, как мало крови натекло из этих ран. Посветите-ка сюда.

Джейн и Фрост навели лучи фонариков на тело, а Маура засунула руку под правую мышку и надавила на кожу пальцами в перчатке.

– В правой подмышечной впадине уже наблюдается синюшность и начинается окоченение. – Она подошла к телу с другой стороны. – А слева синюшности нет. Помогите мне положить его на бок. Я хочу получше разглядеть спину.

Джейн и Фрост присели на корточки рядом с телом. Стараясь не сместить стрелы, они положили тело на правый бок. Сквозь латексные перчатки тело ощущалось таким же холодным, как мясо только что из морозилки. Глаза на ветру щипало, и Джейн прищурилась, глядя на обнаженную спину, освещенную теперь фонарем Мауры.

– Это тело перемещали после его обнаружения? – спросила Маура.

– Охранник говорит, что он к нему даже не прикасался. А что?

– Ты видишь, что синюшность только справа? Кровь скапливалась там под воздействием силы тяжести, потому что он как минимум несколько часов лежал на правом боку. Но мы его увидели лежащим на спине.

– Значит, его убили где-то в другом месте. А сюда привезли в багажнике машины.

– Судя по трупным пятнам, так и произошло. – Маура попробовала согнуть руку убитого. – В конечностях трупное окоченение только начинается. Значит, смерть наступила от двух до шести часов назад.

– И его привезли сюда и положили на спину. – Джейн уставилась на три стрелы с оранжевым оперением, подрагивающим на ветру. – Какой был смысл протыкать его стрелами, если его уже убили? Тут какая-то символическая хрень.

– Возможно, это убийство в состоянии аффекта, – сказала Маура. – Преступник не получил достаточного эмоционального удовлетворения от убийства. И потому убивал его снова и снова, вонзая в него стрелы.

– Или стрелы имеют какой-то скрытый смысл, – заметил Фрост. – Знаете, кто мне приходит на ум? Робин Гуд. Грабь богатых, раздавай бедным. У него ремень из кожи страуса, такой немалых денег стоит. Похоже, деньги у парня водились.

– И тем не менее он оказывается на пристани мертвым и без рубашки, – сказала Джейн. Она повернулась к Мауре. – Если он умер не от стрел, то от чего?

В этот момент в аэропорту Логан взлетел еще один самолет. Маура стояла молча, синий и белый проблесковые огни патрульной машины высвечивали ее лицо. Она дождалась, когда стихнет рев двигателей, и ответила:

– Не знаю.

12

Маура не помнила такого холодного рождественского утра. Она стояла у окна кухни, сжимая в руках кружку с кофе. Если верить наружному термометру, сейчас минус пятнадцать, причем без учета холодного воздействия ветра, и дворик, мощенный плиткой, превратился в каток. Выйдя утром на улицу, чтобы взять газеты из почтового ящика, Маура поскользнулась на дорожке и чуть не упала, и ее спинные мышцы до сих пор побаливали от резкого движения, которое она сделала, чтобы сохранить равновесие. В такой день из дома лучше не выходить, и она порадовалась тому, что никаких дел у нее нет. Сегодня дежурил ее коллега Эйб Бристол, и она могла провести день за чтением, а вечером насладиться ужином в одиночестве. В раковине уже размораживалась баранья ножка, и бутылка «Амароне» ждала, когда ее откупорят.

Долив кофе в кружку, Маура села за кухонный стол почитать «Бостон глоуб». Рождественское издание было таким тонким, что казалось бессмысленным листать его, но в выходные дни Маура свято соблюдала свой ритуал: две чашки кофе, английская булочка и газета. Настоящая бумажная газета, а не пиксели с экрана ноутбука. Маура проигнорировала серого кота, который мяукал и терся о ее ноги, требуя второго завтрака. Месяц назад она взяла к себе это голодное животное, найдя его разгуливающим по месту преступления, и с тех пор дня не проходило, чтобы она не пожалела о своем поступке. Но теперь пути назад не было – кот принадлежал ей. Или она принадлежала коту. Иногда Маура затруднялась ответить, кто кому принадлежит.

Она оттолкнула кота ногой и принялась читать новую страницу в «Глоуб». Сообщение о вчерашнем трупе на пристани в газету еще не попало, но она увидела новости про убийство Кассандры Койл.

ПРИЧИНА СМЕРТИ ЖЕНЩИНЫ ОСТАЕТСЯ НЕИЗВЕСТНОЙ

Следователи назвали подозрительной причину смерти молодой женщины, чье тело было найдено в прошлый вторник. Кассандра Койл, 26 лет, была найдена у себя дома отцом, после того как он не дождался ее на ланч, о котором они договорились ранее. Аутопсия проводилась в среду, но офис коронера пока так и не определил причину смерти…

Кот вспрыгнул на стол и уселся на газету, пристроив задницу прямо на статье.

– Спасибо за комментарий, – сказала Маура и скинула кота на пол.

Он смерил ее полным презрения взглядом и удалился в кухню. «Значит, вот до чего дошло, – подумала Маура. – Я уже разговариваю с котом». Когда это она успела превратиться в еще одну кошатницу, попавшую под власть животного? Ей вовсе не обязательно было встречать Рождество в одиночестве. Она могла съездить в Мэн, посетить своего семнадцатилетнего питомца Джулиана в его школе-интернате. Могла устроить праздничную вечеринку для соседей, или пойти волонтером в бесплатную столовую, или принять одно из многочисленных приглашений на обед.

«Я могла позвонить Дэниелу».

Она вспомнила канун Рождества, когда ей так отчаянно захотелось увидеть его хотя бы на расстоянии, что она украдкой вошла и уселась на заднюю скамью церкви, чтобы услышать, как он служит праздничную мессу. Она, атеистка, слушала его слова о Боге, любви и надежде, но их взаимная любовь не привела ни к чему хорошему, лишь оставила их обоих с разбитыми сердцами. В это рождественское утро, стоя перед своими прихожанами, оглядывал ли Дэниел церковь в надежде еще раз увидеть ее? Или они теперь будут стареть параллельно и их жизни никогда не пересекутся?

Раздался звонок в дверь.

Она слегка вздрогнула, испуганная звуком. Мысли о Дэниеле настолько поглотили ее, что, конечно же, она мигом представила его на пороге своего дома. Кто еще мог позвонить в ее дверь в рождественское утро? «Привет, Искушение. Хватит ли у меня духу открыть?»

Она прошла в прихожую и открыла дверь.

Это был не Дэниел, а женщина средних лет, стоявшая на крыльце с большой картонной коробкой в руках. На женщине был мешковатый пуховик, шерстяной шарф и вязаная шапочка, надвинутая по самые брови, оставлявшие открытой лишь часть лица. Маура увидела усталые карие глаза. Несколько прядей светлых волос выбились из-под шапочки, и их трепал ветер.

– Вы доктор Маура Айлз?

– Да.

– Она просила принести это вам. – Женщина передала Мауре коробку, не тяжелую, но с позвякивающим содержимым.

– Что это?

– Не знаю. Меня просто попросили доставить это вам, мадам. Счастливого Рождества.

Женщина развернулась и спустилась по ступенькам на скользкую дорожку.

– Постойте. Кто просил вас доставить мне это? – крикнула Маура ей вслед.

Женщина не ответила – она целеустремленно направлялась к белому фургону, ожидающему ее у тротуара. Встревоженная Маура увидела, как та села в машину и уехала.

Мороз прогнал Мауру в дом, и, закрывая дверь ногой, она услышала, как содержимое коробки сместилось и звякнуло. Она пошла с коробкой в гостиную и поставила ее на кофейный столик. Верх был заклеен потрепанной упаковочной лентой, никаких бирок, ничего, что говорило бы об отправителе или о содержимом.

Маура отправилась в кухню за ножницами, а вернувшись, увидела на кофейном столике кота – тот царапал коробку лапой, намереваясь забраться внутрь.

Она разрезала ленту и откинула крышку.

Внутри обнаружился случайный набор предметов, которые вполне могли бы оказаться в мусорном мешке благотворительного магазина. Старушечьи часы со стрелками, замершими на 4:15. Полиэтиленовый пакет с бижутерией. Сумочка лакированной кожи, потрескавшаяся и

шелушащаяся. Ниже лежало с десяток фотографий незнакомых ей людей, позирующих в разных местах. Маура увидела старый фермерский дом, улицу маленького городка, пикник под деревом. Судя по одежде и прическам, эти фотографии были сняты в сороковых-пятидесятых годах. Зачем кому-то понадобилось посылать это в ее дом?

Еще глубже Маура обнаружила конверт тоже с разными фотографиями. Она принялась быстро их просматривать, но вдруг остановилась на знакомом лице, при виде которого волосы у нее на загривке встали дыбом. Фотографии упали на пол и улеглись, словно ядовитая змея, у ее ног.

Она бросилась в кухню и позвонила Джейн.

* * *

– Ты видела номерные знаки? – спросила Джейн. – Можешь сказать что-нибудь, что помогло бы ее найти?

– Белый фургон, – сказала Маура, расхаживая из угла в угол гостиной. – Больше я ничего не помню.

– Старый, новый? «Форд», «шеви»?

– Ты же знаешь, я их не различаю! Для меня все машины одинаковы. – Маура громко выдохнула и опустилась на диван. – Извини, не нужно было звонить тебе в Рождество, но я струхнула. Наверное, чрезмерная реакция.

– Чрезмерная? – Джейн недоуменно усмехнулась. – Ты получаешь на Рождество зловещий подарок от серийного убийцы, которого нужно держать под крепким замком. Еще бы ты не испугалась. Я сама испугалась. Вопрос в том, чего Амальтея хочет от тебя.

Маура взглянула на фотографию, которая так ее потрясла. Темноволосая женщина, стоявшая под разлапистым дубом, с немигающей прямотой смотрела в объектив камеры. Ее белое платье было прозрачным, как марля, выставляя напоказ осиную талию и тонкие руки. Будь это фотография какого-то незнакомого человека, Маура сказала бы: очаровательный снимок на сельской дороге. Но она знала эту молодую женщину. Маура обхватила себя руками и прошептала:

– Она так на меня похожа…

Джейн медленно перебирала фотографии, а Маура сидела молча, уставившись на елочку, которую она без особого энтузиазма украсила на прошлой неделе. Она до сих пор не открывала подарки под ней, в

основном от коллег по работе. Подарок от Джейн, завернутый в яркую фольгу, алую и серебристую, стоял в середине. Маура собиралась распаковать их все сегодня утром, но этому помешало появление коробки, уничтожившей праздничную атмосферу в доме. Не была ли эта коробка своеобразным предложением мира? Возможно, Амальтея, следуя собственной извращенной логике, решила, что Маура будет рада этим сувенирам от своей кровной родни. Родни, о которой Маура предпочла бы никогда не знать. Родни в обличье монстров.

Последний из этих монстров умирал сейчас от рака медленной и мучительной смертью. «Освобожусь ли я наконец от них, когда уйдет Амальтея? – подумала Маура. – Смогу ли снова думать о себе как о Мауре Айлз, дочери уважаемых мистера и миссис Айлз из Сан-Франциско?»

– Господи Исусе, целая галерея счастливого семейства, – сказала Джейн, глядя на фотографию Амальтеи, ее мужа и их сына. – Мамочка, папочка и маленький Тед Банди[12]. Малыш явно похож на нее.

«Малыш. Мой убийца-брат», – подумала Маура. Она впервые увидела его, делая аутопсию его трупа. Вот здесь, на фотографии, была ее родня, семья, чьей профессией стало убийство ради денег. Может быть, Амальтея прислала эти сувениры, чтобы напомнить Мауре: ей никогда не уйти от того, кто она есть?

– Амальтея опять принялась за свои игры разума, – сказала Джейн, кидая фотографии на стол. – Вероятно, припрятала где-то эту коробку. Может, в отделе хранения. А потом попросила эту женщину доставить коробку тебе. Ни больше ни меньше как на Рождество. Жаль, что ты ничего не можешь сказать о машине. Это помогло бы отыскать женщину.

– Даже если бы ты ее нашла, какой от этого прок? Нет ничего преступного в том, чтобы принести коробку с фотографиями.

– Это устрашение. Амальтея запугивает тебя.

– С больничной кровати?

– Маура, это не могло тебя не напугать. Иначе ты бы мне не позвонила.

– Я не знала, кому еще позвонить.

– Значит, я вроде как твоя последняя надежда? Господи, да я же первый человек, которому ты должна звонить. Ты не должна вариться в собственном соку. И что это за дела – сидеть в Рождество дома в компании с этим чертовым котом? Клянусь, на будущий год я вытащу тебя на обед у матери.

– Ой-ой, это, похоже, будет забавно.

Джейн вздохнула:

– Скажи, что мне сделать с этой коробкой.

Маура посмотрела на кота, который терся о ее ногу, изображая любовь в надежде получить еще одну порцию еды.

– Не знаю.

– Тогда я скажу тебе, что я сделаю. Я приложу усилия к тому, чтобы Амальтея больше не смогла это сделать. У нее явно есть на свободе люди для подобных поручений. Я запру ее на такой прочный засов, что она никогда не сможет до тебя дотянуться.

Неожиданно Мауре в голову пришла тревожная мысль, от которой ее пробрал озноб. Даже кот, похоже, почувствовал ее тревогу и настороженно уставился на нее.

– А что, если это посылка не от Амальтеи?

– А от кого еще? Ее муж умер. Сын умер. В этой семье не осталось никого живого.

Маура посмотрела на Джейн:

– Мы в этом уверены?

13

Официально неделя после Рождества не является праздничной, но если вы работаете в пиар-бизнесе, как я, то у вас праздники могут продлиться. Сегодня никто не отвечает на мои звонки и имейлы. Ни один из моих контактов в газетах не хочет слышать про новые скандальные мемуары телевизионной знаменитости, которая случайно оказалась моим прекошмарнейшим клиентом. Последняя неделя декабря – мертвая зона в том, что касается продажи книг, но получилось так, что именно в эту неделю на рынок вышвырнули мемуары мисс Виктории Авалон, звезды реалити-телевидения. Конечно, мисс Авалон не сама написала эту книжку, ведь она почти неграмотная. Для этого наняли надежного литературного негра, женщину по имени Бет, которая всегда вовремя предоставляет чистый, хотя и бескрылый вариант рукописи. Бет ненавидит Викторию – по крайней мере, так говорят. Как рекламный агент, я в курсе многих инсайдерских сплетен, и эта конкретная почти наверняка соответствует действительности, потому что Викторию все ненавидят. Я ее тоже ненавижу. Но и восхищаюсь ею за наплевательское

отношение ко всему и всем, потому что именно с таким отношением ты и можешь пробиться в мире. В этом смысле мы с Викторией похожи. Мне и вправду тоже все похрен; просто я умело это скрываю.

Да что говорить, я это скрываю совершенно бесподобно.

И потому я сижу за своим столом с улыбкой на лице и объясняю Виктории по телефону, почему ни одно из интервью, на которые мы возлагали надежды и которые пробивали на радио или телевидении, так и не состоялось. «Это из-за того, что только-только было Рождество, – говорю я ей, – и никто еще не успел переварить индейку и похмелиться, поэтому никто не отвечает на мои звонки. Да, Виктория, это черт знает что. Да, Виктория, все знают, как громко звучит ваше имя. (Ваши сиськи появлялись в „Эсквайре“! Вы были в общем и целом восемь месяцев замужем за тайт-эндом[13] „Нью-Ингленд пэтриотс“!)». Виктория считает меня виноватой в том, что реклама не звучит во всю мощь, что кипы ее книг (вообще-то, книг Бет) лежат без движения на складе «Барнс и Нобл».

Я продолжаю улыбаться, даже когда она начинает кричать на меня. Важно улыбаться, даже если ты говоришь по телефону, потому что люди слышат улыбку в твоем голосе. И еще это важно, потому что мой босс Марк наблюдает за мной от своего стола и я не могу допустить, чтобы он увидел, что наш клиент срывается с катушек и, возможно, откажется от «Буксмарт медиа» как от своего рекламного агента. Я улыбаюсь, когда она называет меня «глупая маленькая Барби», я продолжаю улыбаться даже после того, как она швыряет трубку.

– Она расстроена? – спрашивает Марк.

– Да. Она предполагала оказаться в списке бестселлеров.

Он фыркает:

– Все они так предполагают. Вы умело с ней говорили.

Не знаю, льстит он мне или искренен. Мы оба знаем, что книга Виктории Авалон никогда не появится ни в одном списке бестселлеров. И мы оба знаем, что виноватой в этом объявят меня.

Мне срочно нужно, чтобы пресса дала хоть несколько отзывов об этой дурацкой книге. Я поворачиваюсь к компьютеру, чтобы посмотреть, не упоминается ли имя Виктории в каком-нибудь из медиа. Хотя бы в колонке сплетен. Я бужу экран, и появляется стартовая страница «Бостон глоуб». Там-то я и нахожу последние новости… но не о Виктории, на которую мне вдруг становится наплевать с высокой

колокольни. Нет, мое внимание приковывает история о молодом человеке, найденном на пристани Джеффриз-Пойнт несколько дней назад. Вчера по телевизору сообщали, что жертву убили стрелами из лука. Теперь полиции стало известно его имя.

– Может быть, снова сунем ее книгу Артуру, – говорит Марк. – Я думаю, ему нужен толчок. Ее мемуары по касательной связаны с футболом, и я полагаю, это можно напечатать в спортивной колонке.

Я поднимаю глаза на Марка:

– Что?

– Виктория была замужем за каким-то футболистом, и спортивный колумнист может оценить книгу под этим углом зрения. Как вы думаете?

– Извините. – Я хватаю сумочку и вскакиваю со стула. – Мне нужно убежать ненадолго.

– Ладно, сегодня все равно мертвый день. Но если у вас будет возможность просмотреть рассылку, которую мы делаем по книге Элисон Рив…

Конца предложения я не слышу, потому что я уже за дверью.

14

Имя убитого установлено. На анатомическом столе лежит Тимоти Макдугал, двадцати пять лет, холостой бухгалтер, проживавший в бостонском Норт-Энде. Наконечники трех стрел по-прежнему остаются в его груди, но Йошима обрезал стволы с оперением, и из тела торчат лишь металлические обломки. Тем не менее Y-образный разрез в данном случае был нелегок, и скальпель Мауры провел по груди кривую линию, так как она обходила раны, оставленные стрелами. Угол проникновения стрел уже зафиксирован рентгеном, на рентгенограмме ясно видно, что одна из стрел пронзила нисходящую аорту. Такое ранение, безусловно, квалифицировалось бы как смертельное.

Дверь морга открылась, и вошла Джейн, завязывая маску на лице.

– Фроста не будет. Он опять поехал к сестре убитого. Она очень переживает. Худшее Рождество в жизни.

Маура посмотрела на тело Тимоти Макдугала, которого в последний раз видели живым днем 24 декабря, когда он весело помахал соседу, выходя из дома. На следующее утро его ждали на рождественский бранч в доме младшей сестры в Бруклайне. К сестре он так и не приехал. К тому

времени сообщение о находке на пристани Джеффриз-Пойнт уже появилось в новостях, и сестра, опасаясь худшего, позвонила в полицию.

– Их родители умерли, и, кроме него, других братьев или сестер у нее нет, – сказала Джейн. – Представь, ей всего двадцать два, и ни одного близкого человека в мире.

Маура положила скальпель и взяла пилу:

– И что узнали от сестры? Есть какие-то ниточки?

– Она утверждает, что у Тима не было врагов и он никогда не попадал ни в какие переделки. Лучший в мире старший брат. Все его любили.

– Кроме того, кто всадил в него эти стрелы, – заметил Йошима.

Маура закончила резку ребер и подняла грудину. Нахмурилась, глядя в открывшуюся полость, и спросила:

– Наркотиками он не баловался?

– Сестра категорически отрицает. Он был помешан на здоровом питании.

– На месте проживания наркотики не обнаружены?

– Мы с Фростом осмотрели его квартиру дюйм за дюймом. У него студия, так что особо искать негде. Наркотиков не обнаружено, никаких шприцев, даже пакетика травки не нашли. Немного вина в холодильнике и бутылка текилы в шкафу. Парень был совершенно чист, просто стерилен.

– По крайней мере, все так считают.

– Да. – Джейн пожала плечами. – Никогда не знаешь, где правда.

У каждого человека есть тайны, и Маура очень часто раскрывала их. Уважаемый горожанин обнаружен мертвым с компакт-диском в безжизненной руке, а на диске – детское порно. Или найден труп женщины, имевшей идеальную репутацию, а у нее в вене игла со шприцем, наполненным героином. У Тимоти Макдугала тоже почти наверняка были свои тайны, и Мауре предстояло открыть самую непостижимую из них.

«Что тебя убило?»

Глядя на открытую грудную клетку, она пока не видела ответа, хотя, судя по рентгенограмме, причина смерти не вызывала сомнений. Теперь Маура видела саму стрелу и понимала, как стальной наконечник пронзил стенку аорты. Нисходящая аорта была главным путем снабжения кровью всей нижней части тела. При малейшем ее разрыве кровь, нагнетаемая сердцем, будет вытекать ручьем. Если этот человек умер от внутреннего кровотечения, то сейчас она смотрела бы в емкость, заполненную кровью, но крови тут почти не было. А это означало, что, когда стрела пронзила аорту, его сердце уже не работало.

– По твоему лицу я вижу, что у нас проблема, – сказала Джейн.

В ответ Маура потянулась к скальпелю. Она не любила неопределенность, а потому продолжила работать с удвоенным вниманием. Маура извлекла сердце и легкие молодого человека. Никаких коронарных заболеваний сердца, никакого свидетельства злоупотребления куревом. Печень и селезенка совершенно здоровы, поджелудочная вполне могла еще очень долго обеспечивать его инсулином.

Маура положила на поднос желудок и вскрыла его. Изнутри вытекла коричневатая жидкость с сильным запахом алкоголя. Она замерла с зависшим в воздухе скальпелем, внезапно вспомнив о другом вскрытом желудке. О другом запахе алкоголя.

– Виски, – сказала она.

– Значит, он пил перед смертью.

Маура посмотрела на Джейн:

– Тебе это не напоминает другую жертву?

– Ты думаешь о Кассандре Койл?

– У нее в желудке было вино. И причину ее смерти я тоже не смогла установить. Не является ли здесь алкоголь общим знаменателем? Жертва получила смертельную дозу чего-то вместе с алкоголем.

– Мы обошли все бары близ дома Кассандры. Все заведения в шаговой доступности.

– И никто ее не вспомнил?

– Одна официантка сказала, что лицо Кассандры ей вроде знакомо, но, по ее словам, женщина, которая могла бы быть Кассандрой, пила с другой женщиной. Мужчину с ней официантка не помнила.

– Эти две жертвы знали друг друга? У них есть общий круг знакомств?

Джейн задумалась.

– Мне неизвестно о каких-либо связях между ними. Они жили в разных районах, работали в совершенно разных областях. – Она вытащила сотовый. – Фрост все еще должен быть у сестры Тима. Попробуем выяснить, знал ли убитый Кассандру.

Пока Джейн говорила с Фростом, Маура полностью рассекла желудок. Непереваренной пищи в нем не обнаружилось. Последний раз жертву видели живым днем в канун Рождества, когда молодой холостяк может отправляться на встречу с друзьями, чтобы выпить перед обедом. Желудок Кассандры Койл тоже пребывал в предобеденном состоянии, в нем обнаружилось только вино в остаточном виде. Не была ли выпивка с друзьями общим знаменателем?

Маура посмотрела на Йошиму:

– У нас уже есть анализ на токсины по Кассандре Койл?

– Две недели еще не прошли, но я сделал пометку «срочно». Сейчас проверю.

Джейн закончила разговаривать по телефону:

– Сестра Тимоти утверждает, что впервые слышит про Кассандру Койл. И мне не приходят в голову никакие связи между двумя жертвами, кроме того, что оба были молоды, здоровы и выпивали перед смертью.

– И оба были после смерти искалечены.

Джейн помедлила, обдумывая это.

– Да. Ты права.

– Пришло, – раздался голос Йошимы. – У Кассандры положительные результаты на алкоголь. И кетамин.

– Кетамин? – Маура подошла к компьютеру и уставилась на результаты. – Содержание алкоголя в крови – ноль четыре. Уровень кетамина – два миллиграмма на литр.

– Это та самая штука, наркотик изнасилования? – спросила Джейн.

– Вообще-то, это анестетик, но иногда им действительно опаивают жертву перед изнасилованием. Однако у меня нет данных, что Кассандру изнасиловали.

– Значит, теперь мы знаем, что ее убило, – сказала Джейн.

– Нет, не знаем. – Маура посмотрела на экран компьютера. – Она умерла не от кетамина. Уровень кетамина в ее крови находится в терапевтическом диапазоне для анестезии. Этого достаточно, чтобы нейтрализовать человека, но недостаточно, чтобы убить здоровую молодую женщину.

– Может быть, ей дали наркотик, проверку на который ты не запрашивала.

– Я запросила проверку на все, что мне известно.

– Тогда что же ее убило, Маура?

– Не знаю. – Маура вернулась к столу и уставилась на Тимоти Макдугала. – И я не знаю, что убило *его*. Мы знаем только, что умерли два молодых человека и без видимых причин. – Маура покачала головой. – Я что-то упускаю.

– Ты никогда ничего не упускаешь.

– Если наш убийца использует алкоголь и кетамин для нейтрализации жертвы, то что он делает потом? Они без сознания и уязвимы. Как он их убивает, не оставляя никаких следов… – Она резко повернулась к Йошиме. – Дай-ка сюда краймскоп. Прежде чем продолжить вскрытие, я хочу исследовать его лицо.

– Что ты предполагаешь найти? – спросила Джейн.

– Надевай очки, и посмотрим.

Детали, невидимые невооруженным глазом при обычном свете, иногда волшебным образом становятся видимыми при длине волн, излучаемых источником света, которым пользуются криминалисты. Волокна и телесные жидкости будут светиться, и на фоне бледной кожи невидимые в обычном свете вещества и краски проявятся как темные пятна. Поиск такого рода не делается наобум, и Маура уже знала, что ищет. И где найдет.

– Выключай свет, – велела она Йошиме, и тот щелкнул выключателем.

Морг погрузился в темноту. Маура принялась настраивать краймскоп, изменять длину волны, и в его свете неожиданно стали видны новые детали, невидимые прежде. Прядь волос на полу, грязь, оставленная многочисленными копами и персоналом морга. Перчатки, халаты, бахилы не на все сто процентов предотвращали падение волос и волокон, и свидетельство этому они сейчас увидели.

Маура направила луч на лицо Макдугала.

– Криминалисты из группы экстренного реагирования уже проверяли его на месте, где было обнаружено тело, – сказала Джейн.

– Знаю. Но я ищу кое-что другое. Правда, не уверена, что найду.

На лице жертвы она пока не видела того, что ищет, поэтому опустила луч на область шеи и снова стала изменять длину волны, не обращая внимания на кровавые капли, появившиеся после рассечения тела. Она искала кое-что более неожиданное. Кое-что геометрическое.

И вот чуть выше уровня щитовидного хряща она увидела это. Едва заметную полосу, охватывающую горло и тянущуюся к задней части шеи, где она исчезала из виду.

– Это что за чертовщина? – спросила Джейн. – Странгуляционная борозда?

– Нет. Шею я уже осматривала – ничего подобного на ней нет, никаких синяков или вдавлений на коже. И рентген показал, что его подъязычная кость цела.

– Тогда откуда эта полоса?

– Я думаю, она остаточная. Изготовители адгезивов иногда добавляют в них вещества вроде диоксида титана или окиси железа. Я надеялась, что они проявятся в свете краймскопа, и, как видишь, не ошиблась.

– Адгезивы? Ты имеешь в виду клейкую ленту?

– Возможно, но эту ленту использовали не для того, чтобы удерживать его. Посмотри на след – он только в передней части шеи. Лента понадобилась для удержания чего-то на месте, но в то же время ее не налагали слишком плотно, чтобы не осталось следов. Если анализ Макдугала на токсины тоже покажет кетамин, то я почти наверняка знаю, что произошло с ним. И с Кассандрой Койл. Йошима, свет.

Джейн стащила с лица очки и нахмурилась, глядя на Мауру:

– Ты думаешь, их убил один преступник?

Маура кивнула:

– И я знаю, как он это сделал.

15

Голубоглазый явно удивлен, увидев меня на пороге своего жилища. Мы с ним делили постель почти две недели назад, а утром я потихоньку покинула его спальню. Я ни разу не пыталась связаться с ним: иногда девушка не хочет брать на себя никаких новых обязательств. Сделать мужчину счастливым – нелегкий труд, а у меня хлопот и без того хватает.

Почему же я стою сейчас в дверях его квартиры? Потому что он нужен мне. Не конкретно он, а кто-нибудь, кто позволит мне снова – после пугающей новости, о которой я прочла на сайте «Бостон глоуб», – почувствовать себя в безопасности. Я даже не знаю толком, почему прибежала именно к нему. Может, потому, что инстинкт говорит мне: он надежный и абсолютно безобидный человек, к нему я могу повернуться спиной, не опасаясь, что он всадит мне нож между лопаток. А может, потому, что он человек для меня относительно посторонний, не способный отличить правду от вымыслов, которые время от времени слетают с моих губ. Я знаю одно: впервые с тех пор, как я себя помню, у меня возникла потребность в человеческом общении. Я думаю, он чувствует то же самое.

Но он, похоже, не торопится приглашать меня. Смотрит хмуро, словно на назойливого соседа-евангелиста, от которого хочет поскорее избавиться.

– Здесь холодно, – говорю я. – Можно войти?

– Ты даже не взяла на себя труд попрощаться.

– Это было очень плохо с моей стороны. Пожалуйста, прости. У меня были трудные времена на работе, я была сама не своя. Потом провела с тобой ту ночь, и меня как бы переполнило. Мне требовалось время подумать о том, что произошло между нами. Вот так все и было.

Он испускает смиренный вздох:

– Хорошо, Холли, входи. На улице минус десять, не хочу, чтобы ты подхватила воспаление легких.

Я не собираюсь сообщать ему о том, что воспаление легких не подхватишь от холода. Я просто вхожу в его квартиру. И, оказавшись внутри, снова поражаюсь его таунхаусу, который рядом с моей

поганенькой квартиркой кажется дворцом. Моя покойная мать называла таких, как Эверетт, качественным знакомством, то есть бойфрендом, с которым стоит развивать отношения. Боюсь, что в наших отношениях я успела кое-что подпортить, а он слишком порядочный парень, чтобы выставить меня за дверь на этом этапе. На нем джинсы и старая фланелевая рубашка, – вероятно, сегодня у него выходной, и это дает мне время выправить отношения между нами. Несколько секунд мы стоим в неловкой тишине, глядя друг на друга. Я загипнотизирована голубизной его глаз. Волосы у него не причесаны, на рубашке нет пуговицы, но эти мелочи только делают его более естественным. Хоть раз у меня появился мужчина, которого я могу не опасаться.

– Хочу объяснить, почему ушла не попрощавшись, – говорю я ему. – В тот вечер, когда мы познакомились, ты… в общем, ты просто свел меня с ума. Я ничего не могла с собой поделать. Слишком быстро легла с тобой в постель. А на следующее утро мне стало… стыдно.

Его взгляд тут же смягчается.

– Почему?

– Потому что я не такая. – Вообще-то, я именно такая, но ему знать об этом не обязательно. – Когда я проснулась утром, то поняла, что´ ты можешь обо мне подумать, и побоялась посмотреть тебе в глаза. Я была слишком смущена…

Я умолкаю и опускаюсь на диван. Прекрасный диван черной кожи, очень удобный и явно дорогой. О таком я могу только мечтать.

Еще одно очко в его пользу.

Эверетт садится рядом и берет меня за руку.

– Холли, я тебя прекрасно понимаю, – тихо говорит он. – Я хоть и мужчина, но тоже чувствовал что-то подобное, слишком быстро прыгнув с тобой в постель. Я боялся, что ты подумаешь, будто я просто тебя использую. Не хочу, чтобы ты думала обо мне как о каком-то козле. Потому что я не такой.

– Я никогда о тебе так не думала.

Эверетт делает глубокий вдох и улыбается:

– Так что, начнем все сначала? – Он протягивает мне руку. – Привет. Меня зовут Эверетт Прескотт. Рад с вами познакомиться.

Мы обмениваемся рукопожатием и улыбаемся друг другу. Мгновенно все между нами меняется к лучшему. Я чувствую, как меня охватывает приятное тепло, но теперь это не сексуальное желание, а нечто более глубокое. Нечто такое, что застает меня врасплох. Связь. Неужели это и называется «влюбиться»?

– Скажи мне, почему ты все же вернулась? – спрашивает он. – Почему сегодня?

Я смотрю на наши соединенные руки и решаю сказать ему правду:

– Случилось нечто ужасное. Утром я прочла об этом в новостях.

– И что это?

– Человека убили перед Рождеством. Его тело нашли на пристани Джеффриз-Пойнт.

– Да, я слышал.

– Дело в том, что я его знала.

Эверетт смотрит на меня:

– Боже мой, я тебе сочувствую. Он был твоим добрым приятелем?

– Нет, мы всего лишь учились в одной школе в Бруклайне. Но знаешь, это известие меня потрясло. Напомнило, что со всеми нами может всякое случиться. В любой момент.

Он обнимает меня и притягивает к себе. Я прижимаюсь щекой к его мягкой фланелевой рубашке, вдыхаю запах стирального порошка и лосьона после бритья. Такие утешительные запахи – я снова чувствую себя маленькой девочкой, в безопасности на руках у папы.

– С тобой ничего не случится, Холли, – шепчет он.

Отец тоже всегда так говорит, но я и ему не верю.

Я дышу в его рубашку:

– Никто не может давать такие обещания.

– А я вот пообещал.

Эверетт берет меня за подбородок и поднимает мою голову. Вглядывается в лицо, пытаясь понять, что же потрясло меня так сильно.

Я сказала ему о Тиме, но это только часть истории. Ему не обязательно знать остальное.

Ему не обязательно знать о других умерших.

– Что я могу сделать, чтобы ты чувствовала себя в безопасности? – спрашивает он.

– Просто будь моим другом. – Я перевожу дыхание. – Мне сейчас это очень нужно. Очень нужен человек, на которого я могу положиться.

Человек, который не будет задавать слишком много вопросов.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой на похороны?

– Что?

– На похороны твоего друга. Если его смерть тебя расстроила, то нужно сходить. Это важно – давать выход скорби. Это даст тебе возможность поставить точку. А я буду рядом.

Если он будет со мной на похоронах Тима… что ж, в этом есть свои плюсы. Еще одна пара ушей для сбора сплетен и информации о том, как умер Тим и что думает полиция. Но будут и опасности. На похоронах Сары Бирн я поспешила уйти. На похоронах Касси Койл мне удалось выдать себя за ее однокашницу в колледже по имени Саша, потому что никто меня не узнал. Но Эверетт знает мое имя – Холли. Он знает частичку правды, хотя и не всю правду, а это осложнит мою неизбежную ложь. В одном старом стихотворении говорится: «Как сложен тот узор, что ткем, когда впервые в жизни лжем»[14], но это все ерунда. Настоящие проблемы проистекают не от лжи, а от правды.

– Если хочешь, Холли, я могу стать твоей опорой, камнем, за который ты сможешь уцепиться, – предлагает он.

Я заглядываю в глаза Эверетту и вижу в них легко узнаваемый блеск страсти. Да, он может быть полезен, и я только сейчас начинаю понимать, как его можно использовать.

– Что ты думаешь? – спрашивает он.

Я улыбаюсь:

– Я думаю, что мне это очень нравится.

Но когда наши губы соединяются в поцелуе, мне вдруг приходит в голову, что камень – это не только то, за что можно уцепиться в качестве надежной опоры. Это еще и то, что может уволочь тебя в бездну.

16

– Это единственный способ умерщвления, какой я могу себе представить в данном случае, – сказала Маура на совещании в Бостонском управлении полиции. – Но проблема в том, что доказать это будет почти невозможно.

Маура посмотрела на судебного психолога доктора Лоренса Цукера. По выражению его лица трудно было понять, убедила она его или нет. Джейн и Фрост помалкивали, позволяя Мауре без помех изложить гипотезу. Сейчас ей приходилось защищать свои выводы перед человеком, по лицу которого она никогда не могла понять, что у него на уме. Доктор Цукер был частым гостем в отделе по расследованию убийств, бостонская полиция прибегала к его услугам, когда им требовалось понять поведение преступника. Хотя Маура и уважала его как коллегу-профессионала, приязни к нему она не испытывала. И неудивительно. С этим его холодным, прощупывающим взглядом он походил не на человека, а на андроида, на машину, созданную для глубокого и бесстрастного проникновения в мысли того, кто оказывался перед ним.

И теперь его взгляд сверлил Мауру.

– У вас есть какие-либо свидетельства, подтверждающие предложенный вами механизм смерти? – спросил доктор Цукер, глядя на нее немигающими бесцветными глазами.

– Мазок, взятый с шеи жертвы, показал следы полиизопрена и углеводородного соединения C_5, – ответила Маура. – И то и другое обычно используется при производстве клейкой ленты. Часто встречаются и неорганические компоненты, и именно они оставили следы, видимые в свете краймскопа.

– Эти следы можно видеть на фотографиях его шеи, – сказала Джейн и повернула ноутбук к Цукеру.

Психолог прищурился, глядя на фотографии:

– Они едва видны.

– Но они определенно там есть. Свидетельство наличия на его шее ленточного адгезива.

– Может быть, ленту использовали, чтобы связать его.

– На его шее нет ни синяков, ни царапин, – возразила Маура. – На его руках тоже нет ничего, что указывало бы на физическую борьбу. Я думаю, он был без сознания, когда его убили. Анализы подтвердили наличие алкоголя и кетамина в его крови – то же, что мы нашли и у Кассандры Дойл. Но их содержания недостаточно для убийства. Только для приведения в бессознательное состояние.

– Тогда для чего лента на шее, если не для ограничения подвижности?

– Я считаю, что с помощью ленты убийца что-то закрепил на его коже. Что-то такое, что требовало довольно непроницаемого уплотнения. Когда я поняла, что у него на шее адгезив, то сразу же вспомнила «Врата рая». И я не имею в виду фильм Майкла Чимино.

– Насколько я понимаю, вы говорите о Сан-Диего? – спросил Цукер.

Маура кивнула и посмотрела на Фроста:

– Это случилось в тысяча девятьсот девяносто седьмом году. «Врата рая» были странноватой сектой «нового века», ее возглавлял некто Маршалл Эпплуайт, который называл себя потомком Иисуса Христа. Он проповедовал своим последователям, что мир вот-вот будет уничтожен инопланетянами и выжить можно, только покинув Землю. В это время к нам приближалась комета Хейла – Боппа, и Эпплуайт считал, что в хвосте кометы находится инопланетный корабль, который должен принять на борт их души. Но, чтобы попасть на корабль, они должны сначала покинуть свои земные тела. – Она сделала паузу. – Я думаю, вы все понимаете, что имелось в виду.

– Самоубийство, – кивнул Фрост.

– Тридцать девять членов культа оделись в одинаковые черные рубашки, тренировочные штаны и кроссовки «Найк». Они переварили достаточно фенобарбитала и водки, чтобы не испытывать тревоги или паники. Потом надели себе на головы пластиковые мешки. Они умерли от удушья.

– В том случае причина смерти не вызывала сомнений, – сказал Цукер.

– Конечно. Когда жертву находят с пластиковым мешком на голове, причина смерти очевидна, и именно это обнаружилось в случае массового самоубийства членов секты «Врата рая». Но что, если кто-то снимет пластиковый мешок *после* смерти жертвы? Доказать убийство будет затруднительно, потому что такая форма удушения не приводит к

специфичным патологическим изменениям. Когда я делала аутопсию Кассандры Койл и Тимоти Макдугала, то выявила лишь незначительный отек легких и точечное легочное кровоизлияние. Если бы не посмертное изувечение, я бы не смогла установить факт убийства ни в одном из этих случаев.

– Позвольте мне уточнить, – сказал Цукер. – Некто совершает идеальные убийства. А потом калечит трупы, чтобы мы не сомневались в том, что это убийство?

– Да.

Доктор Цукер качнулся вперед на своем стуле, в его холодных змеиных глазах вспыхнуло любопытство.

– Это очаровательно.

– Это отвратительно, вот что это.

– Подумайте о послании, которое пытается донести до нас убийца, – сказал Цукер. – Он сообщает миру о том, как он умен: «Если мне захочется, то я смогу убивать так, что и комар носа не подточит. Но я хочу, чтобы вы знали, что́ я совершил».

– То есть он хвастается, – заметила Джейн.

– Да. Но перед кем?

– Перед нами, конечно. Он издевается над полицией, говорит, что слишком умен для нас.

– Вы уверены, что это послание адресовано нам? После бандитских разборок тоже оставляют визитки с целью устрашения.

– Мы не видим здесь никакой связи с организованной преступностью, – возразила Джейн.

– Тогда это может быть кто-то совершенно иной. Кто-то, понимающий символику извлеченных глаз или стрел в груди. Расскажите мне побольше о втором убитом, о молодом человеке. Вы сказали, труп лежал на пристани, но где его убили?

– Мы не знаем. В последний раз его видели, когда он выходил из своего дома в Норт-Энде около четырех часов дня, за пять часов до обнаружения тела. Мы установили, что синие волокна, найденные на его брюках, соответствуют материалу, из которого изготавливаются

коврики, обычно используемые в автомобилях. Значит, его убили, а потом тело на машине перевезли на пристань.

Цукер откинулся на спинку стула, переплел пальцы и задумчиво сощурился:

– Наш убийца демонстративно оставил жертву в публичном месте. Он мог сбросить его в воду или спрятать в лесу. Но нет, он хотел, чтобы тело обнаружили. Он хотел публичности. Это определенно своего рода послание.

– Поэтому я и просила, чтобы доктор Айлз изложила свою гипотезу вам, – вмешалась Джейн. – Я думаю, мы заходим в глубокие, темные психологические воды. Мы хотим, чтобы вы подсказали, с каким сумасшедшим нам придется сразиться.

Цукер любил именно такие дела, и Маура увидела, как загорелись его глаза, когда он стал обдумывать вопрос. Она спросила себя, какого рода человек способен с таким удовольствием погружаться в эту темноту. Неужели, чтобы понять убийцу, нужно иметь такие же извращенные мозги? И что это говорит о ней самой?

– Почему вы считаете, что обе эти жертвы на совести одного убийцы? – спросил Цукер у Мауры.

– Мне это кажется вполне очевидным. У обеих в крови кетамин с алкоголем. У обеих причина смерти неочевидна. Обе после смерти подверглись искалечению.

– Вынуть глазные яблоки совсем не то, что вонзить стрелы в грудь, – тут совсем разная символика.

– Но в обоих случаях действовал совершенно извращенный мерзавец, – возразила Джейн.

– Одно присутствие кетамина в анализе не является чем-то уникальным, – сказал доктор Цукер. – Это довольно распространенный клубный наркотик. Согласно недавно проведенному исследованию, его сейчас используют даже старшеклассники.

– Да, – согласилась Маура. – Он довольно распространен, но…

– Потом, тот факт, что первая жертва – женщина, а вторая – мужчина, – продолжал Цукер. – Имеется ли что-нибудь, что связывало их? – Он посмотрел на Джейн. – Они знали друг друга? У них есть общие друзья? Может, они связаны по работе?

– Насколько нам известно, нет, – признала Джейн. – Разные районы проживания, разный круг друзей, разные колледжи, разная работа.

– Онлайновые связи? Социальные сети?

– У Тима Макдугала не было аккаунтов ни в «Фейсбуке», ни в «Твиттере», так что через сети их не связать.

– Я получил выписки по их банковским картам, – сказал Фрост. – За последние шесть месяцев они не посещали одни и те же рестораны, бары, даже магазины. Младшая сестра Тимоти не знает Кассандру. А мачеха Кассандры никогда не слышала о Тимоти Макдугале.

– Тогда почему убийца выбрал именно этих двоих?

Наступила долгая пауза. Никто не знал ответа.

– У обоих в желудке был алкоголь, – вспомнила Маура.

Доктор Цукер молча сделал записи в своем желтом блокноте, затем поднял голову:

– Общая прелюдия к кетаминовым изнасилованиям – это смешение кетамина с алкоголем.

– Ни одна из жертв не подвергалась сексуальному насилию, – возразила Маура.

– Вы уверены?

Маура уставилась на него:

– Со всех отверстий брались мазки. Одежда исследовалась на наличие семени. Никаких физических свидетельств сексуального насилия не обнаружено.

– Но это не исключает сексуального мотива.

– Я не могу комментировать мотивы, доктор Цукер. Только свидетельства.

Губы доктора Цукера скривились в едва заметной улыбке. В этом человеке было что-то вызывающее тревогу, он словно знал о Мауре какие-то вещи, о которых она сама не имела представления. И определенно он знал про Амальтею. Все в бостонской полиции знали о том мучительном для Мауры факте, что ее мать отбывает пожизненное наказание за многочисленные убийства. Не увидел ли он какие-то черты

Амальтеи в ее лице, в ее личности? Эта его улыбка – не была ли она улыбкой понимания?

– Я ничуть не хотел вас обидеть, доктор Айлз. Я знаю, что ваша профессия – свидетельства, – заговорил Цукер. – Но моя обязанность в том, чтобы понять, почему убийца выбрал именно этих двоих, если, конечно, у них один убийца. Ведь между двумя жертвами есть существенные различия. Пол. Круг знакомств. Место проживания. Тип посмертного искалечения. Недели две назад, когда детективы Фрост и Риццоли спрашивали меня про Кассандру Койл, мы прорабатывали совсем иную психологическую теорию, объясняющую, почему у нее удалили глаза. – Он посмотрел на Джейн. – Вы назвали это «не видеть зла».

– И вы тогда со мной согласились, – напомнила Джейн.

– Потому что удаление глаз – мощный символический акт. И еще очень конкретный. Убийца выбирает глаза, так как они для него символизируют что-то и он получает сексуальное удовлетворение от их удаления. Я пытаюсь понять, почему он потом избрал жертвой мужчину и использовал совершенно иной метод искалечения.

– Значит, вы не считаете, что эти убийства связаны, – сказала Джейн.

– Чтобы согласиться с вами, мне нужно больше информации. – Доктор Цукер закрыл блокнот и посмотрел на Мауру. – Дайте мне знать, когда она у вас появится.

Доктор Цукер вышел из комнаты, а Маура осталась на своем месте, смиренно глядя на документы, лежащие на столе.

– Оказалось, что это труднее, чем я надеялась, – сказала Джейн.

– Однако он прав, – признала Маура. – У нас пока нет достаточных свидетельств того, что действовал один убийца.

– Но ты видишь связь, и мне этого вполне достаточно.

– Не знаю почему.

Джейн подалась вперед:

– Потому что обычно ты не полагаешься ни на какие прозрения. Ты всегда исходишь из такой занудливой вещи, как свидетельства. Когда у тебя случилось прозрение в прошлый раз, я тебе не поверила, но ты оказалась права. Ты увидела связь там, где ее не видел никто, включая меня. Так что на сей раз я собираюсь к тебе прислушаться.

– Не уверена, что ты поступаешь правильно.

– Только не говори мне, что теперь у тебя появились сомнения.

Маура собрала документы:

– Мы должны найти что-то общее у этих жертв. Что-то такое, что связывало их с убийцей.

Она положила фотографии Тимоти Макдугала с места преступления в папку и уже собиралась закрыть ее, но остановилась, глядя на изображение. Воспоминание внезапно всплыло на поверхность, воспоминание о солнечном свете, проникающем сквозь витражное стекло.

– Что? – спросила Джейн.

Маура не ответила. Он нашла фотографию Кассандры Койл и положила рядом с фотографией Тимоти на пристани. Две разные жертвы – мужчина и женщина. Мужчина утыкан стрелами, у женщины вырезаны глаза.

– Как же я не увидела этого раньше? – пробормотала Маура.

– Не хочешь сказать, что у тебя на уме? – спросила Джейн.

– Пока нет. Сначала мне придется провести кое-какое расследование. – Маура сунула фотографии в папку и направилась к двери. – Нужно проконсультироваться кое с кем.

– С кем?

Маура остановилась в дверях.

– Пожалуй, я тебе не скажу, – ответила она и вышла из комнаты.

17

Ничейная земля. Таким было соглашение: какое-нибудь публичное место, где они оба будут обязаны вести себя как профессионалы. Разумеется, они не могли встретиться в доме Мауры, где столько раз встречались прежде и где искушение будет шептать им из спальни. Не могли они встретиться и в церкви Пресвятой Богородицы, где кто-нибудь из церковного персонала или прихожан мог снова увидеть их вместе и удивиться. Нет, кафе на Хантингтон-авеню было гораздо более безопасной территорией, а в три часа дня здесь всегда достаточно тихо,

чтобы они могли посидеть сколько надо, никем не замеченные и не потревоженные.

Маура пришла первой и выбрала кабинку в дальнем конце кафе. Села спиной к стене, словно наемный убийца, ожидающий появления врага, разве что настоящим ее врагом был не Дэниел, а ее собственное сердце. Она заказала кофе. Еще и первого глотка сделать не успела, а сердце уже колотилось как сумасшедшее. Чтобы отвлечься, Маура вытащила папки с делами и стала изучать фотографии с места преступления. Ну разве это не извращение – то, что сцены насилия и смерти успокаивают ее? Мертвецы всегда были хорошим обществом. Они ничего не требовали, не ждали никаких услуг.

Не вызывали никаких желаний.

Она услышала, как открылась дверь кафе, и увидела Дэниела. В зимнем пальто, в шарфе, он вполне мог оказаться очередным клиентом, который, спасаясь от холода, хочет согреться чашечкой кофе, но Дэниел Брофи не был каким-то обычным клиентом. Официантка, раскладывавшая столовые приборы на столике, замерла и проводила его взглядом. И неудивительно. Темноволосый, в черном длиннополом пальто, он напоминал мрачного Хитклиффа[15], шагающего из болот. Дэниел не заметил на себе взгляда официантки – он увидел Мауру и не сводил с нее глаз, идя прямо к ней в кабинку.

– Как давно это было, – тихо сказал он.

– Не так уж давно. В апреле, кажется.

На самом деле она помнила точную дату, время и обстоятельства их последней встречи. Как и он.

– Станция «Роксбери-Кроссинг», – произнес Дэниел. – Вечер, когда убили того отставного копа.

Места совершения преступлений – вот где они теперь встречались. В то время как Маура занималась мертвецами, на долю отца Дэниела Брофи, капеллана бостонской полиции, доставались живые, сломленные горем, травмированные люди, зачастую тоже своего рода жертвы преступления. У Дэниела и Мауры были там свои, не пересекающиеся обязанности и никакого повода заводить беседы. Но Маура всегда чувствовала его. Даже если они ни разу не встречались взглядом, она знала, что он поблизости, и испытывала волнение в своей упорядоченной вселенной.

Теперь эта вселенная опрокинулась.

Дэниел снял пальто и размотал шарф, обнажив воротник священника. Неумолимая белая полоска представляла собой всего лишь кусочек накрахмаленной ткани, но обладала властью разделять двух любящих людей.

Избегая смотреть на воротник, Маура спросила:

– Ты ушел из полиции? Я перестала видеть тебя на местах преступлений.

– Последние шесть месяцев я провел в Канаде. Вернулся всего несколько недель назад.

– В Канаде? Почему в Канаде?

– Для ретрита[16]. Я попросил. Мне нужно было на время уехать из Бостона.

Маура не стала спрашивать о причинах, которые вынудили его уехать. Морщины на его лице стали глубже, в темных волосах появились новые седые пряди. Он не из Бостона убегал – от нее.

– Я удивился, когда ты позвонила сегодня, – сказал Дэниел. – Во время нашего последнего разговора ты попросила больше не искать встреч с тобой. Это было нелегко, но я хочу только того, что лучше для тебя, Маура. И всегда только этого хотел.

– Дэниел, речь не о нас. Это насчет…

– Принести вам что-нибудь, сэр?

Они оба подняли голову и увидели официантку возле их столика.

– Кофе, пожалуйста, – попросил Дэниел.

Они молчали, пока официантка наливала кофе ему и доливала Мауре. Что подумала она об этой странной паре, молча сидящей с мрачным видом в кабинке? Возможно, она предположила, что это пасторская беседа, что Маура ищет слов утешения у своего священника? Или эта женщина видит больше, понимает больше?

Только после того, как официантка ушла, Маура сказала Дэниелу:

– Я позвонила тебе, потому что в ходе расследования кое-что всплыло. Мне нужно твое мнение.

– О чем?

– Можешь посмотреть на это? Скажи, что тебе приходит в голову при первом взгляде.

Он нахмурился, глядя на фотографии:

– Почему ты показываешь мне это?

– Имя жертвы – Тимоти Макдугал. Его тело нашли на пристани Джеффриз-Пойнт в канун Рождества. У полиции пока нет никаких ниточек, никаких подозреваемых.

– Я не уверен, что могу тебе чем-то помочь.

– Просто держи это изображение в голове. А теперь посмотри на это.

Она подсунула ему фотографию тела Кассандры Койл. Крупный план с двумя дырами в тех местах, где прежде были глаза. Пока Дэниел смотрел, Маура молчала – ждала, не осенит ли его какое-нибудь откровение. Наконец он поднял на нее удивленные глаза:

– Луция Сиракузская.

Она кивнула:

– Именно о ней я и подумала.

– Ты никогда не ходишь в церковь, но тебе не чужда эта символика.

– Мои родители были католиками, и… – Она помедлила, не желая выдавать свою тайну. – Ты этого не знаешь, но я приходила в твою церковь – посидеть, подумать. Иногда, кроме меня, там никого не было. Последняя скамья слева – там я всегда садилась.

– Зачем? Если ты даже не верующая?

– Я хотела почувствовать себя рядом с тобой. Даже когда тебя там не было.

Он потянулся через стол и прикоснулся к ее руке:

– Маура…

– Рядом со скамьей, на которой я сидела, на левой стене есть витражные окна с изображениями святых. Я смотрела на эти окна и думала об их жизни. О том, как они страдали. Как ни странно, я находила в этом утешение, потому что их мученичество заставляло меня думать о тех благодатях, которые получила я. В особенности запомнилось мне одно

окно. На нем был изображен человек с привязанными к столбу руками и устремленным в небеса взглядом. Человек, пронзенный стрелами.

Дэниел кивнул:

– Святой Себастьян, покровитель лучников и полицейских. Один из самых узнаваемых святых в средневековом искусстве. Он был римским гвардейцем, принявшим христианство, а когда отказался почитать старых богов, его привязали к столбу и расстреляли из лука. – Дэниэл постучал пальцем по фотографии Тимоти Макдугала. – Ты думаешь, это воссоздание мученичества Себастьяна?

Маура кивнула:

– Я рада, что ты тоже чувствуешь эту символику.

Он показал на фотографию Кассандры Койл:

– Расскажи мне об этой жертве.

– Женщина, двадцати шести лет, найдена мертвой в своей спальне. Оба глаза удалены хирургическим путем после смерти. Глазные яблоки положены ей в открытую ладонь.

– Классический портрет Луции. Она была девственницей, посвятившей себя Христу, и, когда отказалась выходить замуж, человек, с которым она была обручена, добился ее помещения в тюрьму, где ее подвергли мучениям. Палач вырвал ей глаза.

– Если вспомнить об этом, то символика совершенно очевидна. Одна жертва пронзена стрелами, как святой Себастьян. У другой жертвы вырезаны глаза, как у святой Луции.

– И что думает об этом бостонская полиция?

– Я еще не говорила им об этой символике. Хотела сначала услышать твое мнение. Ты знаешь историю святых, и я подумала, что ты найдешь ответы.

– Я знаю литургический календарь и знаком с житиями большинства святых. Но я ни в коем случае не эксперт.

– Разве? Я помню, как ты со всеми подробностями объяснял мне иконографию религиозного искусства. Ты говорил, что, когда видишь старика с ключами, это почти наверняка изображение святого Петра с ключами от рая. Женщина с сосудом благовоний – Мария Магдалина, а мужчина в изодранной одежде и с ягненком – Иоанн Креститель.

– Тебе это скажет любой историк.

– Но сколько ты знаешь историков, столь же сведущих в религиозной символике, как ты? Уверена, ты сумеешь помочь нам идентифицировать других жертв этого убийцы.

– А есть и другие жертвы?

– Не знаю. Возможно, мы их пока не определили. Вот почему нам нужна твоя помощь.

Несколько секунд он молчал. Маура понимала, почему он сомневается. Из-за их общей любовной истории. Год назад они пошли каждый своим путем, и рана от этого разделения пока не зажила. Она все еще оставалась свежей, болела. Маура и надеялась, и страшилась, что он ответит согласием на ее просьбу.

Дэниел медленно потянулся за своим пальто и шарфом. «Вот, значит, каков ответ», – подумала Маура. Да, безусловно, мудрое решение. Это даже лучше, что он сейчас уйдет, но у нее заболело сердце, когда он встал. Настанет ли такой день, когда она посмотрит на Дэниела Брофи и ничего не почувствует? Если и настанет, то уж точно не сегодня.

– Пойдем прямо сейчас, – сказал Дэниел. – Я буду ждать тебя в церкви.

Она нахмурилась:

– В церкви?

– Если я собираюсь просвещать тебя, мы должны начать с основ. Встретимся там.

* * *

Сколько раз садилась Маура на скамью в церкви Пресвятой Богородицы, погружаясь в собственные страдания? Она не была верующей, но нуждалась в наставлении более высокого авторитета и находила утешение в знакомых символах, которые были повсюду в этом здании. Церковные свечи, мерцающие в тенях. Алтарь, покрытый ярким красным бархатом. Каменная Мадонна, доброжелательно взирающая со своего трона в нише. Сколько раз разглядывала Маура фигуры святых в витражных окнах и размышляла об их мучениях? Сегодня свет, проникавший через эти окна, отбрасывал холодное зимнее сияние на лицо Дэниела.

– У меня не было времени, чтобы внимательно изучить сюжеты на этих окнах, но они прекрасны, правда? – сказал он, пока Маура восхищенно

смотрела на первое окно. В каждом из четырех углов была своя фигура святого. – Мне говорили, что эти изображения не очень старые – всего сотня лет, вряд ли больше. Их изготовили во Франции в традиционном стиле, сходном с тем, который мы находим в средневековых церквях по всей Европе.

Она показала в верхний левый угол:

– Святой Себастьян.

– Да, – подтвердил Дэниел. – Его легко идентифицировать по характерной разновидности мученичества. Его часто изображают привязанным к столбу и пронзенным стрелами.

– А человек в верхнем правом углу? – спросила Маура. – Это какой святой?

– Это Варфоломей, святой покровитель Армении. Видишь нож в его руке? Это символ его мученичества.

– Его закололи?

– Нет, его смерть была гораздо страшнее. С Варфоломея живого срезали кожу в наказание за то, что он обратил армянского царя в христианство. На некоторых картинах он изображен со снятой кожей, которая свисает с его руки, как кровавый плащ. – Дэниел горестно улыбнулся ей. – Неудивительно, что он также покровитель мясников и кожевников.

– А в нижнем левом углу?

– Святая Агата, еще одна мученица.

– Что лежит на блюде, которое она держит? Похоже на хлеб.

– Вообще-то, это не хлеб. – Дэниел замолчал.

Его неловкость была настолько очевидной, что Маура нахмурилась:

– В чем состояло ее мученичество?

– Она умерла особенно жестокой смертью. Когда она отказалась чтить старых римских богов, ее подвергли пытке. Заставили ходить по стеклу, жгли раскаленными углями. Потом ей вырвали груди клещами.

Маура уставилась на предметы на блюде – теперь она знала, что это не караваи хлеба, а груди искалеченной женщины. Она покачала головой:

– Ну и истории!

– Да, они ужасают. Но не может же быть, чтобы ты их совсем не знала. Ведь твои приемные родители были католиками.

– Только формально. Посещение церкви на крещенскую мессу – вот максимум их религиозности, а когда мне исполнилось двенадцать, я вообще перестала ходить в церковь. Ни в одну не заходила многие годы, пока... – Она помолчала. – Пока не познакомилась с тобой.

Они постояли несколько секунд молча, избегая встречаться глазами, – оба смотрели на окно, словно в этом витраже находились ответы, лекарства от их боли.

– Я никогда не переставал любить тебя, – тихо произнес Дэниел. – И не перестану.

– И все же мы не вместе.

Он посмотрел на нее:

– Это не я сказал «прощай».

– А какой у меня был выбор, если ты так неукоснительно веришь в это? – Она кивнула на витражных святых, на алтарь и скамьи. – В то, во что я не могу верить и никогда не поверю.

– У науки нет ответов на все вопросы, Маура.

– Конечно нет, – заметила она с горькой ноткой в голосе.

Наука не объясняла, почему некоторые люди предпочитают быть несчастными в любви.

– Тут ведь дело не только в нашем счастье, – заговорил Дэниел. – В приходе есть люди, которым я нужен, страдающие люди, которым требуется моя помощь. И еще есть моя сестра. Она все еще жива, все еще здорова, хотя прошло столько лет. Я знаю, ты не веришь в чудеса, но я верю.

– От лейкемии ее излечила медицинская наука, а не чудо.

– А если ты ошибаешься? Если я заберу назад свое слово, оставлю церковь, а моя сестра опять заболеет...

«Он никогда себе не простит, – подумала Маура. – Никогда не простит мне».

Она вздохнула:

– Я пришла сюда не для того, чтобы говорить о нас.

– Да, конечно. – Он посмотрел на окно. – Ты пришла, чтобы говорить об убийстве.

Маура снова сосредоточилась на витраже, на четвертом святом – еще одной женщине, которая выбрала страдания. Чтобы идентифицировать эту святую, ей не требовалась помощь.

– Святая Луция, – сказала она.

Дэниел кивнул:

– Несет блюдо с собственными глазами. Глаза ей вырвали ее мучители.

Солнце неожиданно прорвалось сквозь тучи и осветило окно, наполнило витраж цветом, ярким, как драгоценные камни. Маура нахмурилась, глядя на четыре фигуры на стекле:

– Они оба здесь, на одном окне, – Себастьян и Луция. Мог ли он побывать в церкви и стоять на этом самом месте?

– Убийца?

– Мы словно видим составленную им раскадровку, и вот здесь две его жертвы. Мужчина, пронзенный стрелами, и женщина с вырезанными глазами.

– Это окно не единственное, Маура. Эта четверка святых есть повсюду, возможно, ты найдешь их изображения во всех церквях мира. И посмотри, здесь еще с десяток святых. – Он подошел к следующему окну. – Вот святой Антоний Падуанский с хлебом и лилией. Святой Лука Евангелист с тельцом. Святой Франциск с птицами. А это святая Агнесса, мученица, с ягненком.

– В чем состояло ее мученичество?

– Как и святая Луция, Агнесса была красивой девушкой, избравшей Христа. Она отказала своему поклоннику и пострадала за это. Сын римского губернатора, он впал в ярость, получив отказ, и его стараниями Агнессу обезглавили. На картинах ее часто изображают с ягненком и с традиционной пальмовой ветвью.

– А что символизирует пальмовая ветвь?

– Определенные растения и деревья имеют в церкви свою символику. Кедр, например, символ Христа. Клевер – Троицы. А плющ символизирует бессмертие. Пальмовая ветвь – символ мученичества.

Маура подошла к третьему окну, на котором увидела изображения двух женщин с пальмовыми ветвями, стоящих бок о бок.

– Эти святые в правом верхнем углу тоже мученицы?

– Да. Поскольку они умерли вместе, их обычно изображают вдвоем. Обеих казнили, после того как они приняли христианство. Ты видишь, как святая Фуска держит меч? Это был инструмент их смерти. Обеих закололи, а потом обезглавили.

– Они были сестрами?

– Нет, женщина справа была нянькой Фуски, это святая… – Он осекся. Неохотно повернулся и взглянул на нее. – Святая Маура.

18

Джейн положила кипу бумаг на палисандровый стол Мауры, на котором, как всегда, царил пугающий порядок. Стол Джейн в управлении выглядел по-настоящему рабочим местом: каждый квадратный дюйм его был покрыт документами и приклеенными бумажками с напоминаниями. У Мауры был дорогущий стол, слишком идеальный, чтобы быть настоящим, на таком не увидишь ни валяющейся скрепки, ни случайной пылинки. Бумаги Джейн на этой девственной поверхности лежали непослушной стопкой и словно молили, чтобы их поправили.

– Мы разрабатываем твою теорию, Маура, можешь мне поверить, – сказала Джейн. – Мы с Фростом начитались про замученных святых, и, слушай, там сплошная кровища и вспоротые животы. – Она показала на бумаги. – От такого чтения плохо спится. Нужно мне было в школе получше изучать катехизис.

Маура взяла верхний лист.

– «Святая Аполлония, девственница и мученица, – прочитала она. – Святая покровительница дантистов и людей, страдающих зубной болью»?

– О да, она умерла ужасной смертью. Ей выбили все зубы, и на картинах ее обычно изображают с зубоврачебными щипцами. – Джейн кивнула на стопку бумаг. – Ты найдешь здесь обезглавливание, закалывание, побивание камнями, распятие, утопление, сжигание, колесование. Да, и мое любимое: вытаскивание внутренностей воротом. Если тебе придет в

голову какое-нибудь мучительство, то его наверняка применяли к какому-нибудь святому. И в этом наша проблема.

– Проблема? – Маура оторвала глаза от листа про святую Аполлонию.

– Может, этот преступник убивал и раньше, но мы не знаем, какой метод искалечения он выбирал. Мы не можем сузить список жертв по полу, поскольку он убивает как мужчин, так и женщин. Мы потратим впустую кучу времени, рассматривая каждое нераскрытое избиение, закалывание и обезглавливание.

– Нам известно кое-что гораздо более конкретное, Джейн. Мы знаем, что он использует кетамин и удушение. Мы знаем, что искалечение осуществляется посмертно.

– Верно, и именно это мы искали первым делом в базе данных ФБР. Жертвы с кетамином в крови и с посмертным искалечением. – Джейн покачала головой.

– Ничего?

– Ничего.

Маура откинулась на спинку кожаного кресла и постучала серебряной ручкой по столу. На стене за ее спиной висела гротескная африканская маска, которая казалась отражением ее разочарованного вида. Джейн как-то спросила у Мауры, почему она держит у себя в кабинете столько пугающих артефактов, и в ответ была удостоена лекции о красоте и символике церемониальных масок из Мали. Но Джейн, глядя на маску, видела только монстра, готового к прыжку.

– Тогда, возможно, он не убивал прежде, – сказала Маура. – Или те детали, которые мы ищем, остались незамеченными при аутопсии. Не для каждой жертвы делается исчерпывающий анализ крови. А смерть от удушения определить подчас невозможно. Даже я в первый раз, с Кассандрой Койл, пропустила это. Готова была потом выпороть себя.

– Вообще-то, услышать это – облегчение.

– Облегчение?

– Приятно знать, что ты не идеальна.

– Я никогда не говорила, что я идеальна. – Маура наклонилась к принесенной Джейн стопке бумаг, десяткам страниц, заполненных подробностями самых мрачных эпизодов церковной истории. – У наших жертв не обнаружено никаких религиозных связей?

– Мы и это проверяли. И Кассандра, и Тимоти воспитывались в католических семьях, но родители не соблюдали церковных предписаний. Младшая сестра Тимоти говорит, что не помнит, когда ее брат в последний раз ходил в церковь. А коллеги Кассандры по студии говорят, что она ненавидела официозную религию, и это согласуется с ее готскими наклонностями. Вряд ли кто-то из них встретился со своим убийцей в церкви.

– И все же что-то здесь есть, Джейн. Что-то связанное со святыми и мученичеством.

– Может, ты видишь символику там, где ее нет. Может, это не имеет никакого отношения к церкви, а просто мы имеем дело с психом, которому нравится калечить тела.

– Нет, я уверена. И не только я.

Джейн вгляделась в зардевшееся лицо Мауры, увидела ее горящие глаза, новую лихорадочную энергию в них.

– Как я понимаю, ты имеешь в виду Дэниела?

– Он сразу же со мной согласился. Он хорошо знаком с религиозной символикой и может нам помочь проникнуть в мозг убийцы.

– Так ты поэтому к нему ходила? Или у тебя были еще какие-то основания вовлечь его в это дело?

– Думаешь, я только и ищу предлог, чтобы снова затеять с ним роман? – возмутилась Маура.

– Ты могла бы обратиться к профессору из Гарварда, специалисту по истории искусств. Ты могла бы обратиться к первой попавшейся монахине. Или справиться в «Википедии». Но нет, ты отправилась к Дэниелу Брофи.

– Он много лет проработал в бостонской полиции. Он не болтлив, и ты знаешь, что мы можем ему доверять.

– В том, что связано со следствием, – да. Но можно ли ему доверять, когда дело касается тебя?

– Мы уже миновали этот этап. Отношения чисто профессиональные.

– Ну, тебе виднее. Но как оно было для тебя? – тихо спросила Джейн. – Увидеть его снова?

В ответ Маура отвернулась от Джейн. Да, это было типично для Мауры – уходить от конфликта, не ввязываться в разговор, который может разбудить нежелательные эмоции. Они много лет были подругами и коллегами, даже вместе смотрели в глаза смерти, но Маура никогда не позволяла Джейн увидеть свою глубинную уязвимость. Ее щиты всегда были подняты, всегда прикрывали ее.

– Увидеть его снова было мучительно, – призналась наконец Маура. – Все эти месяцы я уговаривала себя не брать трубку, не звонить ему. – Она издала иронический смешок. – И тут я сегодня узнаю, что его и в Бостоне-то не было. Уезжал в Канаду на ретрит.

– Да, наверное, нужно было тебе сказать.

Маура нахмурилась:

– Ты знала, что его нет в Бостоне?

– Он просил не говорить тебе. Он уезжал в уединение, так что ты в любом случае не смогла бы с ним связаться. Я думала, что его отъезд – мудрое решение. И откровенно говоря, я надеялась, что ты начнешь шевелиться. Найдешь кого-нибудь, кто сделает тебя счастливой. – Джейн помолчала. – Но между вами ничего еще не кончено, да?

Маура уставилась на бумаги.

– Кончено. Кон-че-но, – повторила она, словно пытаясь убедить саму себя.

«Нет, не кончено, – подумала Джейн, видя страдание на лице Мауры. – Ни для него, ни для тебя не кончено».

Она опустила взгляд, услышав, как ее сотовый заиграл знакомую мелодию рождественской песенки «Морозный снеговик».

– Привет, – ответила она. – Я все еще у Мауры. Что там у тебя?

– Иногда и мне везет, – сказал Фрост.

– Ну хорошо. Так как ее зовут?

– Не знаю. Но я начинаю думать, что наш убийца, возможно, вовсе не мужчина.

* * *

– Я вообще не искал женщину. Поэтому и не заметил ее в первый раз, когда смотрел записи с камер наблюдения, – сказал Фрост. – Мы тогда не подозревали, что эти два дела могут быть связаны, и мне даже в голову не приходило просмотреть их последовательно. Но, когда Маура предложила свою теорию, я вернулся к этим записям. Хотел проверить, не найдется ли кто-нибудь, кто приходил на обе панихиды. – Он повернул свой ноутбук экраном к Джейн. – И вот что я нашел.

Она наклонилась, чтобы получше разглядеть стоп-кадр на экране. С полдюжины человек двигались на камеру, все с мрачными лицами, все в черной зимней одежде.

– Это кадр с панихиды Кассандры, – сказал Фрост. – Камера была установлена над входом в церковь, так что снимала всех, кто входил в дверь. – Он показал на экран. – Ты помнишь этих двух женщин?

– Как их забыть? Команда Элейн. Они сидели прямо за мной и все время отпускали мерзкие замечания в адрес Присциллы Койл.

– И этих троих. – Фрост показал на знакомую троицу, шедшую сразу за двумя пожилыми женщинами. – Коллеги Кассандры по киностудии.

– Их ни с кем не перепутаешь. Фиолетовых волос больше ни у кого не было.

– А теперь посмотри на эту молодую женщину, слева от троицы. Ты помнишь ее в церкви?

Джейн наклонилась, вглядываясь в лицо женщины. Приблизительно того же возраста, что и Кассандра, лет двадцати пяти, стройная, привлекательная брюнетка с темной неровной челкой.

– Довольно неотчетливо. Наверное, видела ее в толпе, но в той церкви было человек двести. Почему ты выбрал ее?

– Дело в том, что я ее не выбирал. По крайней мере, не сразу. Просматривая это видео и видео с похорон Тимоти Макдугала, я сосредоточился на мужчинах. Особого внимания на женщин не обращал. А потом получилось так, что я остановил видео именно в этом месте. Единственный момент, когда хорошо видно лицо этой женщины, выглядывающей из-за плеча Трэвиса Чана. Больше ты ее не увидишь, потому что после этого кадра она идет, склонив голову. Запомни ее лицо.

Фрост уменьшил изображение и вызвал другой стоп-кадр – с дюжину людей снова в темных одеждах и снова с мрачными лицами.

– Другая церковь, – сказала Джейн.

– Верно. Видео с панихиды Тимоти Макдугала. Теперь следи за тем, как эти люди входят в церковь. – Фрост прокрутил изображение вперед кадр за кадром и наконец остановился. – И посмотри, кто появляется на этой службе.

Джейн уставилась на темные волосы женщины, на ее лицо.

– Ты уверен, что это та же самая женщина?

– Во всяком случае, чертовски похожая на нее. Та же прическа, то же лицо. А ее шарф в клетку? Те же цвета, тот же рисунок. Она это, она. Но кажется, на сей раз она кого-то привела с собой.

Фрост показал на светловолосого мужчину, стоявшего возле женщины. Они держались за руки.

– А этого человека ты не приметил на видео с панихиды Кассандры?

– Нет. Он присутствовал только на похоронах Тимоти.

– Значит, у нас появилась связь между двумя убийствами.

19

С Эвереттом будут проблемы.

Я знала, что так и случится. Он из тех мужчин, что ищут серьезных отношений, и ему нравится просыпаться утром рядом с женщиной, которую он трахал ночью. Из собственного опыта я знаю, что девяносто процентов мужчин не хотят просыпаться рядом с женщиной. Они предпочитают подцепить какую-нибудь девицу на «Тиндере»[17], перепихнуться по-быстрому, а потом прости-прощай. Ни обеда, ни встреч, ни нужды напрягать свои маленькие бедные мозги, подыскивая тему для разговора. Мы теперь как бильярдные шары: ударились друг о друга и раскатились в разные стороны. По большей части именно это я и предпочитаю. Без сложностей, без геморроя. «Приходи, детка, доставь мне удовольствие, а теперь можешь катиться».

Это совсем не то, чего хочет Эверетт. Он стоит в дверях моей квартиры с бутылкой красного вина и улыбается.

– Последние несколько дней ты не отвечала на мои звонки, – говорит он. – Я подумал, может, если зайду, мы проведем вечерок за разговором. Или пообедаем где-нибудь. Или просто выпьем по стаканчику вина.

– Извини, но я сейчас живу сумасшедшей жизнью. И я как раз собиралась уходить.

Он смотрит на мое пальто – я его уже застегиваю – и вздыхает:

– Конечно. Тебе есть куда ходить.

– Вообще-то, мне нужно на работу.

– В шесть вечера?

– Перестань, Эверетт. Я ничего не должна тебе объяснять.

– Извини, извини! Просто я и в самом деле почувствовал что-то между нами, а у тебя вдруг опять капризы. Я сделал что-то не так? Сказал что-то не то?

Я беру у него бутылку вина, ставлю ее на стол у дверей и выхожу в коридор.

– Просто мне сейчас нужно немного личного пространства. – Я запираю дверь.

– Понял. Ты независимая, ты мне это уже говорила. Я тоже ценю свою независимость.

«Ну конечно. Именно поэтому ты стоишь у меня в дверях и смотришь на меня восторженным щенячьим взглядом». Не сказала бы, что это такое уж плохое дело. Девушка всегда может воспользоваться преданной собакой, кем-то, кто будет восторгаться ею, закрывать глаза на ее недостатки и делать ее счастливой в постели. Мужчиной, который будет давать ей деньги и приносить в постель чашку с куриным бульоном, когда она болеет. Мужчиной, который будет делать все, что она попросит.

Даже то, что он не должен делать.

– Ой, посмотри на часы. Я действительно должна бежать, – говорю я ему. – Через полчаса мне нужно быть в книжном магазине «Гарвард-Куп».

– И что там будет?

– Один из моих клиентов подписывает книги, а моя задача – проследить, чтобы все прошло гладко. Если хочешь – поприсутствуй, но только не со мной. Ты должен будешь вести себя как один из ее поклонников.

– Это я могу. И кто автор?

– Виктория Авалон.

У него удивленный вид, и это улучшает мое мнение о нем. Любой, кому знакомо имя Виктории Авалон, по моему определению, полный идиот.

– Вообще-то, она телезвезда, – объясняю я. – Она недолго была замужем за Люком Джелко. – И опять он смотрит на меня непонимающим взглядом. – Ну, это тайт-энд, играет за «Нью-Ингленд пэтриотс».

– А, футбол. Ясно. Значит, твоя клиентка написала книгу?

– Во всяком случае, на обложке ее имя. В издательском деле это почти то же самое.

– Знаешь что? Я бы пошел. Я давно не был в «Купе» на подписании книг. В прошлом году я познакомился там с женщиной, которая написала самую полную биографию архитектора Булфинча. Было довольно грустное зрелище – пришли всего три человека.

Для биографии Чарльза Булфинча три человека – это целая толпа.

– Очень надеюсь, что сегодня придет больше трех человек, – говорю я ему, когда мы выходим из здания. – Иначе меня выкинут с работы.

* * *

Даже заносчивые гарвардские студенты не способны устоять против соблазна увидеть сиськи и задницу знаменитости. Они повалили толпами и заняли все места в небольшом помещении на третьем этаже книжного магазина «Гарвард-Куп». Они набились в тесные проходы между научными и техническими книгами, даже лестницу заполнили. Сотни гениев, будущих лидеров свободного мира, пришли поклониться Виктории Авалон, которая однажды спросила у меня (клянусь, это правда): «Как произносится IQ?» При виде большой толпы Виктория растаяла от счастья. На прошлой неделе она орала на меня по телефону, потому что я не обеспечила прессу ее новыми мемуарами. Сегодня она соблазнительна как никогда, сияет, извивается, прикасается к руке каждого поклонника, который подходит за автографом, будь то мужчина или женщина. Все очарованы. Женщины хотят быть похожими на нее, а мужчины хотят… ну, мы прекрасно знаем, чего хотят мужчины.

Я стою слева от Виктории, беру книги из стопки, раскрываю на титульной странице и подсовываю ей. Она ставит подпись фиолетовыми чернилами – прописные буквы ВА с залихватской завитушкой. Мужчины пожирают ее глазами (и есть что пожирать, потому что она чуть не вываливается из своего низкого декольте), а женщины останавливаются поболтать, поболтать, поболтать. Моя задача в том, чтобы как можно скорее сворачивать разговор и обеспечивать

продвижение поклонников, иначе мы всю ночь проведем в этом книжном магазине. Виктория, возможно, не будет возражать, ведь она пьет почитание, как вампир – кровь, но мне нужно поскорее закруглить этот вечер. Хотя я не вижу Эверетта в толпе, но знаю, что он терпеливо ждет, когда все это закончится, и ощущаю знакомое покалывание между ног. Может быть, даже хорошо, что он заехал сегодня ко мне. Секс – это то, что мне нужно после вечера прислуживания этой требовательной сучке.

У Виктории уходит два с половиной часа на то, чтобы осчастливить всех поклонников. Она подписала сто восемьдесят три книги – быстрее, чем книгу за минуту, но, когда мы заканчиваем, остается еще стопка из шестидесяти непроданных книг, и от этого Виктория становится несчастной. Она не была бы Викторией, если бы хоть когда-нибудь, хоть на одну минуту почувствовала себя чем-то удовлетворенной. Она подписывает непроданные книги и сетует на выбранное место («пришло бы больше народа, если бы им не нужно было тащиться в Кембридж!»), на погоду («сегодня чертовски холодно!»), на выбранный день («все знают, что сегодня последний эпизод „Танцев со звездами“»). Я подсовываю ей книги на подпись и стараюсь не слушать ее стоны. Краем глаза я вижу Эверетта, который наблюдает за мной с сочувственной улыбкой. «Да, так я зарабатываю себе на жизнь. Теперь ты понимаешь, почему я очень, очень хочу приложиться к той бутылке вина, что ты принес».

Виктория подписывает последнюю книгу, и я замечаю, что к нам направляется сотрудник магазина с букетом в руках.

– Мисс Авалон, я очень рад, что вы еще не уехали. Это только что доставили для вас!

При виде букета Виктория преображается – надутые губы растягиваются в улыбке мощностью в тысячу ватт. Вот почему она знаменитость: она умеет включать и выключать улыбку, как лампочку. Ей требуется лишь соответствующая доза поклонения – и вот она, в виде букета роз в целлофановой упаковке.

– Ах как мило! – восторгается Виктория. – От кого?

– Курьер не сказал. Но тут есть карточка.

Виктория вскрывает конверт и хмурится, читая написанное от руки послание.

– Это странно, – бормочет она.

– А что там написано? – спрашиваю я.

– «Помнишь меня?» И это все. Без подписи.

Она протягивает мне карточку, но я бросаю на нее лишь мимолетный взгляд. Моим вниманием неожиданно завладевает сам букет. Листва, обрамляющая розы. Это не привычные листья аспидистры, которыми, как правило, дополняют букет флористы. Если эта зелень ни о чем не говорит Виктории, которая не знает разницы между гидрангией и гидрантом, то для меня пальмовый лист означает многое.

Символ мученичества.

Карточка выскальзывает из моих пальцев на пол.

– Наверное, от кого-то из моих прежних поклонников, – говорит Виктория. – Странно, что он не подписался. Ну да ладно. – Она смеется. – В жизни девушки должна быть маленькая тайна. Он мог ведь просто прийти и поздороваться. Интересно, нет ли его здесь?

Я безумным взглядом обвожу магазин. Вижу женщин, перебирающих книги на полках, и трех прилежных студентов, корпящих над учебниками. И Эверетта. Он замечает, что я напугана, и хмурится, направляясь ко мне.

– Холли, что случилось?

– Мне нужно домой. – Я хватаю пальто. Руки у меня трясутся. – Я позвоню тебе позже.

20

За закрытой дверью студии «Крейзи Руби филмз» раздавались испуганные женские крики, и Джейн с усмешкой сказала Фросту:

– Если эти ребята ищут настоящих ужасов, им следует провести ночку с нами.

Дверь открылась, и на них, мигая, уставился ошеломленный Трэвис Чан. На нем была все та же футболка с надписью «КИНОФЕСТИВАЛЬ ЖУТЬФЕСТ», что и во время их первого визита, а его немытые волосы стояли торчком, словно сальные рога дьявола.

– Ой, снова вы.

– Да, снова, – сказала Джейн. – Нам нужно показать вам кое-что.

– А у нас как раз монтаж в самом разгаре.

– Это не займет много времени.

Трэвис бросил смущенный взгляд через плечо:

– Только хочу вас предупредить, тут у нас, типа, грязновато. Вы знаете, как это бывает, когда процесс пошел.

Джейн осмотрела студию и сразу же поняла, что ей такие процессы не по вкусу. Комната стала еще отвратительнее, чем прежде. Мусорные корзинки были набиты коробками от пиццы и банками от «Ред Булл». Все горизонтальные поверхности покрыты скомканными салфетками, авторучками, блокнотами и электроникой. В воздухе стоял запах жженого попкорна и грязных носков.

На диване растянулись коллеги Трэвиса – Бен и Амбер, которые, судя по их землистым лицам, несколько дней не выходили из здания. Они даже не посмотрели на посетителей – их взгляд был прикован к большому телевизионному экрану, на котором пышная блондинка в футболке с низким вырезом в отчаянии баррикадировала дверь от чего-то, что пыталось прорваться к ней. От ударов топора летели в стороны щепки. Блондинка визжала.

Трэвис кликнул по паузе, и лицо блондинки замерло в крике.

– Ты чего делаешь? – возмутился Бен. – Мы же опаздываем!

– Мы хотим успеть к фестивалю фильмов ужасов, – объяснил Трэвис Фросту и Джейн. – «Мистера Обезьяну» нужно представить через три недели.

– Когда мы сможем его посмотреть? – спросила Джейн.

– Фильм пока не готов. Мы все еще монтируем и делаем саундтрек. К тому же нужно будет записать шумы.

– Мне казалось, у вас кончились деньги.

Трое киношников переглянулись. Амбер вздохнула:

– У нас действительно кончились деньги. Пришлось брать кредит. А Бен продал машину.

– Вы и вправду готовы поставить на эту картину все?

– А на что нам еще ставить, как не на свое детище?

«Вероятно, им придется расстаться и с их грязными рубашками», – подумала Джейн, тем не менее восхищаясь их уверенностью.

– Я посмотрел «Я тебя вижу», – сказал Фрост. – Очень неплохо. На нем можно было заработать.

– Вы так думаете? – воспрял духом Трэвис.

– Лучше, чем большинство фильмов ужасов, которые я видел.

– Точно! Мы знаем, что можем делать фильмы не хуже большой студии. Нужно только не терять надежду и рассказывать хорошие истории. Даже если для этого потребуется рискнуть всем.

Джейн показала на экран:

– Кажется, я уже видела эту актрису. Где еще она снималась?

– Насколько мне известно, это ее дебют, – ответил Бен. – Просто у нее такое стереотипное лицо.

– Стандартная стервозная блондинка с идеальными зубами, – констатировала Джейн.

– Да, из них получаются лучшие жертвы. – Бен помолчал. – Извините. Полагаю, это был дурной вкус с учетом…

– Так вы говорите, что хотели нам что-то показать, – вмешался Трэвис.

– Да, мы хотим, чтобы вы посмотрели одну фотографию.

Джейн оглядела комнату в поисках пустого пространства, где можно было бы поставить ноутбук и открыть файл со стоп-кадрами.

Трэвис смахнул с кофейного столика остатки пиццы:

– Вот, прошу.

Стараясь не вляпаться в застывший сырный подтек, Джейн поставила на стол ноутбук и открыла файл.

– Это кадры с похорон Кассандры. У нас была камера наблюдения над входом, и мы зафиксировали лица всех, кто пришел на прощание.

– Вы снимали все? – спросила Амбер. – Но это как-то нехорошо – скрытно снимать людей. Это как будто Большой Брат наблюдает за нами.

– Это как будто расследование убийства. – Джейн повернула ноутбук экраном к ним. – Вы узнаете эту женщину?

Все трое сгрудились вокруг ноутбука, и Джейн почувствовала мощный дух кислого дыхания и грязной одежды – вонь, которая вернула ее к тем временам, когда гости ее братьев оставались после вечеринки на ночь и весь пол был устелен спальными мешками с подростками.

Амбер прищурилась за очками в черной оправе:

– Я ее не помню, но там же была куча народа. К тому же я была выбита из колеи тем, что оказалась в церкви.

– Почему? – спросил Фрост.

– Я всегда волнуюсь, что сделаю что-нибудь не так и Господь поразит меня молнией.

– Эй, я, кажется, помню эту женщину, – сказал Бен. Он наклонился поближе к экрану, рассеянно поглаживая недельную щетину на подбородке. – Она сидела по другую сторону прохода от нас. Я ее хорошо рассмотрел.

Амбер толкнула его локтем в бок:

– Уж конечно.

– Нет-нет, просто у нее интересное лицо. У меня чутье на тех людей, которые будут хорошо смотреться на экране, и взгляните на нее. Красивые скулы, великолепная лицевая архитектура – легко работать со светом. И большая голова.

– Это хорошо или плохо – большая голова? – спросила Джейн.

– Это хорошо. Большая голова заполняет экран, привлекает к себе внимание. Интересно, может ли она играть.

– Мы даже не знаем, кто это, – вздохнула Джейн. – Мы надеялись, что кто-то из вас нам поможет.

– На похоронах Касси я видел ее в первый и последний раз, – сказал Бен.

– Уверены, что больше нигде ее не видели? Она не приходила в эту студию? Никогда не встречалась с Кассандрой?

– Не-а. – Бен посмотрел на коллег, и те отрицательно покачали головой.

– А почему вы про нее спрашиваете? – спросил Трэвис.

– Пытаемся понять, что связывало ее с Кассандрой и почему она оказалась в церкви. Мачеха Кассандры ее не знает. Никто из соседей Кассандры – тоже.

– А что за проблема-то? Разве преступление прийти на чьи-то похороны? – спросила Амбер.

– Нет. Но это странно.

– На панихиде было много народа. Почему вы именно про нее спрашиваете?

– Потому что она появилась и в другом месте.

Джейн нажала несколько клавиш, и на экране возникло второе изображение таинственной женщины. Лицо, резко освещенное холодным светом зимнего утра.

– Опять она, – сказала Амбер.

– Но другой фон, другой свет. Другой день, – заметил Бен.

– Точно, – подтвердила Джейн. – Это съемка камеры наблюдения на другой панихиде. Обратите внимание: наша таинственная незнакомка пришла с мужчиной, и они держатся за руки. Его вы узнаете?

Все трое отрицательно покачали головой.

– Так что с этой женщиной? Она любит посещать похороны наугад? – спросил Бен.

– Не думаю, что она выбирает их наугад. Эти вторые – тоже похороны жертвы убийства.

– Ух ты. Она получает от этого кайф? – Бен снова посмотрел на коллег. – Прямо «Убей ее еще раз, Сэм».

– Что? – не понял Фрост.

– Это фильм один, мы над ним работали несколько лет назад. Продюсер – наш приятель из Лос-Анджелеса. Фильм о девушке-готке, которая ходит на похороны наугад. Кончается тем, что она привлекает внимание убийцы.

– Кассандра тоже работала над этим фильмом?

– Мы все работали, но мы были частью команды. Не то чтобы сюжет был какой-то особенный или что-то еще. И в самом деле есть такие люди, которые ходят на похороны незнакомых людей. Они получают заряд энергии от чужой скорби. Или хотят быть частью сообщества. Или они одержимы смертью. Может, она из таких. Просто какая-то эксцентричная женщина, которая и Кассандру-то не знала.

Джейн посмотрела на молодую женщину на экране. Темноволосую, красивую, безымянную.

– Интересно, по каким причинам она пришла на похороны.

– Кто знает? Поэтому нам и нравится делать фильмы ужасов, детектив, – сказал Трэвис. – Вероятностям нет числа.

21

Привязанный к столбу святой Поликарп безмятежно взирал на небо, а пламя пожирало его, обжигало его кожу, поглощало плоть. Человек на цветной иллюстрации не умолял, не кричал, хотя его сжигали заживо на костре; нет, он, казалось, приветствовал пытку, которая приведет его прямо в руки Спасителя. Разглядывая изображение казни Поликарпа, Джейн вспомнила, как однажды жарила курицу и облилась кипящим жиром, а потом представила, что эта боль увеличилась тысячекратно, что пламя охватывает ее одежду, волосы. В отличие от святого Поликарпа она не устремляла бы глаза к небесам с выражением восторга. Она визжала бы на всю вселенную.

«Хватит». Джейн перевернула страницу, но и там увидела мученика, еще одно изображение страданий. На цветной иллюстрации была показана сцена смерти святого Эразма Формийского во всем ее жутком великолепии: Эразм распростерт на столе, а мучители, вскрыв ему живот, наматывают на ворот его кишки.

Из спальни дочери раздавались смешки – Габриэль читал Реджине сказку перед сном; радостные звуки звучали диссонансом с картинками в «Книге мучеников», которые от этого казались еще более нелепыми.

Раздался звонок в дверь.

Джейн с радостью отложила безжалостно мрачные иллюстрации и пошла из кухни встретить гостя.

Отец Дэниел Брофи выглядел похудевшим и более усталым, чем во время их предыдущей встречи всего семь месяцев назад. Его лицо

напомнило ей о мучениках, о которых она только что читала: вот человек, смирившийся со своими несчастьями.

– Спасибо, что пришли, Дэниел, – сказала Джейн.

– Не уверен, что смогу быть вам полезен, но буду рад попробовать.

Он повесил пальто, и в это время из спальни Реджины донесся взрыв смеха.

– Габриэль укладывает дочку. Давайте поговорим в кухне.

– Маура к нам присоединится?

– Нет. Мы с вами поговорим вдвоем.

Что промелькнуло в его глазах – разочарование или облегчение? Джейн провела его в кухню. Дэниел оглядел книги и бумаги, лежащие на столе.

– Я читала про святых, – пояснила Джейн. – Да, я понимаю, давно нужно бы это знать, но изучение катехизиса в школе как-то прошло мимо меня.

– Мне казалось, теория Мауры вас не убедила.

– Я до сих пор сомневаюсь, но уже привыкла к тому, что от ее теорий не стоит отмахиваться. Ведь она чаще оказывается правой, чем не правой. – Джейн кивнула на дела Кассандры Койл и Тимоти Макдугала, лежащие на столе. – Проблема вот в чем: я не нашла никаких связей между ними, кроме таинственной женщины, которая присутствовала на обоих похоронах. У них нет общих друзей, они жили в разных районах, работали в разных сферах деятельности, учились в разных колледжах. Но их обоих напоили кетамином с алкоголем и обоих обезобразили после смерти. По характеру нанесенных телам увечий Маура делает вывод, что убийца одержим католическими легендами. Вот тут-то и требуется ваша помощь.

– Потому что я ваш эксперт по святым и мученикам?

– А кроме того, вы знакомы с религиозными символами в искусстве. Так мне сказала Маура.

– Большая часть моей жизни прошла в окружении предметов сакрального искусства. Я немного знаком с иконографией.

– Тогда не могли бы вы еще раз посмотреть эти фотографии с места преступления. – Джейн подвинула ему ноутбук по столешнице. –

Скажите мне, если вам в голову придет какая-то свежая мысль. Что угодно, если оно поможет нам понять логику действий убийцы.

– Мы с Маурой уже подробно обсуждали эти фотографии. Не следует ли и ее пригласить к нашему разговору?

– Нет, я бы хотела выслушать вас отдельно, – сказала она и тихо добавила: – Чтобы было меньше сложностей для вас обоих. Вы так не считаете?

В его глазах вспыхнула боль, такая острая, словно Джейн вонзила нож ему в грудь. Дэниел откинулся на спинку стула и кивнул:

– Когда она мне позвонила, я подумал, что уже способен справиться с этим. Подумал, что мы сможем оставаться друзьями.

– Ретрит в Канаду не помог?

– Нет. Ретрит показался мне чем-то вроде анестезии. Долгая глубокая кома. Шесть месяцев мне удавалось ничего не чувствовать. А когда она позвонила и я увидел ее снова, это было как пробуждение от комы. И боль вернулась. Такая же сильная, как прежде.

– Сочувствую, Дэниел. Сочувствую вам обоим.

Из спальни послышался голос Реджины: «Спокойной ночи, папочка!» Дэниел вздрогнул, и Джейн подумала: сожалеет ли он о том, что никогда не женится, что у него не будет детей? Неужели он не тоскует по жизни, которой мог бы жить, если бы не этот воротник на шее?

– Я хочу, чтобы она была счастлива, – сказал он. – Для меня нет ничего важнее этого.

– Ничего, кроме ваших обетов.

Он посмотрел на нее загнанным взглядом:

– Я дал обещание Богу в четырнадцать лет. Я поклялся, что, если…

– Да, Маура говорила мне о вашей сестре. У нее была детская лейкемия, верно?

Дэниел кивнул:

– Врачи говорили, что случай неизлечимый. Ей было всего шесть, и я мог только молиться. Господь ответил на мои молитвы, и Софи сегодня живая и здоровая. У нее двое прекрасных приемных детей.

– И вы действительно считаете, что ваша сестра жива только благодаря вашей сделке с Богом?

– Вам этого не понять. Вы не верующая.

– Я верю, что мы все ответственны за тот выбор, который делаем в жизни. Вы сделали ваш выбор по причинам, которые казались обоснованными в ваши четырнадцать лет. Но теперь? – Она покачала головой. – Неужели Бог может быть таким жестоким?

Ее слова, вероятно, ужалили его, потому что он не нашел ответа. Он сидел молча, положив руки на иллюстрированную книгу о святых и мучениках. Дэниел тоже был мучеником, человеком, который принял свою судьбу с такой же решимостью, с какой Поликарп дал себя сжечь на костре.

В эту минуту молчания в кухню вошел Габриэль. Он увидел огорченного гостя и вопросительно посмотрел на Джейн. Как опытный следователь, Габриэль умел оценивать ситуацию и сразу понял, что речь здесь идет о чем-то большем, чем преступление.

– Все в порядке? – спросил он.

Дэниел поднял голову, испуганный появлением Габриэля:

– Боюсь, что я мало чем могу быть полезен.

– Но теория занятная, вы так не считаете? Убийца, одержимый религиозной иконографией.

– ФБР присоединилось к расследованию?

– Нет, я в этом деле просто заинтересованный супруг. В детали меня Джейн не посвящала.

Джейн рассмеялась:

– Если пара не может вместе наслаждаться красивым убийством, то какой смысл жениться?

Габриэль кивнул на ноутбук:

– Что скажете, Дэниел? Не упустила ли что-нибудь бостонская полиция?

– Символика представляется очевидной, – сказал Дэниел, без энтузиазма листая фотографии на экране. – Увечья молодой женщины явно вызывают ассоциации со святой Луцией. – Он помедлил над

фотографией, сделанной в кухне Кассандры, где на столе стояла ваза с цветами. – И если вы ищете религиозные символы, то их немало в этом букете. Лилии символизируют чистоту и девственность, а красные розы – мученичество. – Он помолчал. – Откуда эти цветы? Не мог ли убийца…

– Нет. Это букет от отца на день рождения. Так что любая символика в нем совершенно случайна.

– Ее убили в день рождения?

– Три дня спустя. Шестнадцатого декабря.

Несколько мгновений Дэниел разглядывал букет, подаренный девушке, которая, получив его, прожила всего три дня.

– А вторую жертву когда убили? – спросил он. – Молодого человека?

– Двадцать четвертого декабря. А что?

– Когда у него день рождения?

Дэниел посмотрел на нее, и она увидела огонек в его глазах. Габриэль тоже почувствовал что-то и сел за стол, глядя на священника.

– Сейчас найду отчет по аутопсии, – сказала Джейн, перебирая папки. – Вот он. Тимоти Макдугал. День рождения…

– Двенадцатого января?

Она подняла на него удивленный взгляд и медленно произнесла:

– Да, двенадцатого января.

– Как вы вычислили его день рождения? – спросил Габриэль.

– По литургическому календарю. У каждого святого есть свой день. Двенадцатого января мы чтим святого Себастьяна, который в искусстве изображается пронзенным стрелами.

– А святая Луция? Когда чтут ее?

– Тринадцатого декабря.

– В день рождения Кассандры. – Джейн удивленно посмотрела на Габриэля. – Вот оно что. Убийца выбирает форму увечья по *дню рождения* жертвы! Но откуда он может знать их дни рождения?

– По водительским удостоверениям, – ответил Габриэль. – Когда молодые люди приходят в бар, у них почти всегда просят документы. И у обеих жертв был алкоголь в желудке. Теперь нужно искать среди барменов, официантов…

– Тима Макдугала пронзили стрелами, – сказала Джейн. – Это что же, у убийцы был под рукой запас стрел на тот случай, если он встретит кого-то родившегося двенадцатого января? Такой убийца должен быть очень хорошо экипирован. Ты только вспомни обо всех тех способах, какими убивали мучеников: камнями, мечами, щипцами, клещами. А одного забили до смерти деревянными башмаками.

– Святой Вигилий Трентский, день памяти – двадцать шестое июня, – подтвердил Дэниел. – Он часто изображается с башмаком, которым его убили.

– Да, вряд ли наш убийца держит деревянный башмак в багажнике своей машины на тот случай, если ему попадется кто-то, родившийся двадцать шестого июня. Нет, наш убийца выбирает жертву заранее, а уже потом готовит орудие. Значит, ему известно, когда они родились.

Габриэль покачал головой:

– Вам придется забрасывать очень большую сеть, чтобы его выловить. Дни рождения определяются просто. Анкета сотрудника, медицинская карта. «Фейсбук».

– Но по крайней мере, мы выяснили закономерность! Увечья определяются днем рождения. Если этот человек убивал раньше, то мы можем отследить его по базе данных ФБР. – Джейн открыла новый файл в ноутбуке и повернула экран к Дэниелу. – Отлично, у меня для вас новое задание.

– Что это за файл? – спросил он.

– Это нераскрытые убийства по Новой Англии за прошлый год. Мы с Фростом составили список всех жертв с посмертными травмами. Мы исключили несчастные случаи в результате пожара и таким образом сузили поле поиска до тридцати двух жертв.

– У вас есть их дни рождения? – спросил Дэниел.

Она кивнула:

– Они в приложенных отчетах аутопсии. Вы знаете литургический календарь. Скажите, травмы этих жертв как-нибудь совпадают с муками тех святых, в день памяти которых их убили?

Пока Дэниел медленно просматривал список, Джейн встала, чтобы приготовить свежий кофе. Вечер обещал затянуться надолго, но даже и без новой порции кофеина ее нервы были натянуты до предела. «Мы нашли его, – думала она, – нашли ключ к обнаружению прежних жертв этого убийцы». Каждое новое имя, каждая новая крупица информации увеличивала их шансы найти какое-то критическое звено, связывающее убийцу и жертв. Джейн наполнила всем кофейные чашки и села, уставилась на Дэниела, методически просматривавшего файлы.

Час спустя Дэниел вздохнул и покачал головой:

– Ни одного совпадения.

– Вы все проверили?

– Все тридцать два случая. Ни один из них не коррелирует с днями рождения жертв. – Он посмотрел на Джейн. – Может быть, два ваших дела – первые его убийства. Может быть, других жертв пока нет.

– Или нам следует расширить поиск, – сказала Джейн. – Взять два года, даже три. Расширить географию за пределы Новой Англии.

– Не знаю, Джейн, – покачал головой Габриэль. – А если Маура ошибается и вы ищете связи, которых не существует? Это может кончиться тем, что вы только даром потратите время.

Она нахмурилась, глядя на книгу со святыми, которую изучала весь вечер, и ее взгляд уперся в обложку, где был изображен святой Поликарп, охваченный пламенем. «Огонь. Он уничтожает всё. Тела. Улики».

Джейн схватила сотовый. Габриэль и Дэниел недоуменно смотрели на нее, пока она звонила Фросту.

– Список жертв на пожарах все еще у тебя? – спросила она.

– Да. А что?

– Кинь мне его по электронке. Включая и те, что помечены как несчастный случай.

– Мы их исключили.

– Я их снова включаю. Все смерти при пожаре, в котором погиб один взрослый.

– Хорошо. Отправляю. Смотри входящие.

– Несчастные случаи в результате пожара? – спросил Габриэль, когда она повесила трубку.

– Огонь уничтожает улики. И анализ на токсины проводят далеко не всем погибшим при пожаре. Я подумала, а все ли эти случайные смерти были такими уж случайными.

Ее ноутбук бикнул, сообщая о пришедшем письме.

Джейн открыла прикрепленный файл, и появился новый список. Два десятка жертв, погибших при пожарах в Новой Англии за прошлый год.

– Взгляните, – предложила она и повернула компьютер к Дэниелу.

– Заключение о смерти в результате пожара основывается на том, что аутопсия выявила вдыхание дыма, – сказал Габриэль. – Это не совпадает с закономерностью, выявленной для вашего преступника: его жертвы погибают от удушения в пластиковом мешке на голове.

– Если твоя жертва без сознания, то можно позволить огню довершить дело. Не обязательно надевать ему мешок на голову.

– И все же, Джейн, это отход от закономерности.

– Я пока не готова отказаться от этой теории. Может быть, удушение – его новая методика. Может, он усовершенств…

– Сара Бастераш, возраст двадцать шесть лет, – перебил ее Дэниел. Он оторвал взгляд от экрана. – Погибла при пожаре в Ньюпорте, штат Род-Айленд.

– В Ньюпорте? – Джейн заглянула через плечо Дэниела и принялась читать. – Десятое ноября, семейный дом сгорел до основания. Жертва была одна, найдена в спальне. Травмы отсутствуют.

– Кетамин? – спросил Габриэль.

Она разочарованно вздохнула:

– Анализ на токсины не проводился.

– Но посмотрите на дату рождения, – сказал Дэниел. – Тридцатого мая. И она погибла в огне.

Джейн нахмурилась, глядя на него:

– А какого святого этот день?

– Жанны д’Арк.

22

В прошлый раз Джейн приезжала в Ньюпорт в разгар лета, и по узким улочкам было не протолкнуться из-за обилия туристов. Она помнила, что плелась в шортах и сандалиях по удушающей жаре, с ее руки капало тающее клубничное мороженое. Она уже восемь месяцев как носила Реджину, ее голени походили на распухшие сосиски, и ей хотелось только одного – прилечь и вздремнуть. И тем не менее город очаровал ее своими историческими зданиями и набережной, кишащей людьми, и ни одна другая еда не произвела на нее такого впечатления, как тушеные омары, которыми они с Габриэлем объелись в тот вечер.

И насколько другим оказался Ньюпорт в этот холодный январский день.

Фрост сидел за рулем, а Джейн смотрела в окно на сувенирные магазины и рестораны с опущенными жалюзи, на улицы, с которых зима прогнала всех туристов. Одна одинокая пара, дрожа от холода, стояла у дверей паба и курила.

– Ты когда-нибудь осматривала тут коттеджи? – спросил Фрост.

– Да. Мне показалось забавным, что их называют коттеджами. Да мне бы одной кладовки хватило, чтобы разместиться там со всей моей семьей.

– После того как мы с Элис посетили Брейкерс, она мне покоя не давала. Мне показалось, что это довольно крутой особняк, а она сказала, что это позор, когда у одной семьи столько денег[18].

– Ой, я же забыла, что Элис коммуняка.

– Она не коммуняка. Просто у нее обостренное чувство социальной справедливости.

Джейн бросила на него подозрительный взгляд:

– Ты что-то много болтаешь об Элис в последнее время. Вы что, в самом деле снова сошлись?

– Может быть. И я не хочу, чтобы ты о ней плохо говорила.

– С какой стати я буду говорить что-то плохое о твоей *чудной* бывшей жене?

– С такой стати, что ты не можешь удержаться.

– Ты явно тоже не можешь удержаться.

– Эй, смотри. – Фрост показал на пристань. – Там отличный рыбный ресторан. Интересно, он открыт? Может, заглянем туда на ланч?

– Сейчас догадаюсь. Вы с Элис там ели.

– И что?

– А то, что я не в настроении посещать места твоих совместных счастливых воспоминаний с Элис. Перехватим по бургеру по пути назад. – Она сверилась по навигатору. – Поворот налево.

Они проехали по Бельвью-авеню, мимо шикарных домов, которые разжигали в Элис социальную ярость. В прошлую эпоху сюда приезжали на лето семьи магнатов, привозили слуг, экипажи, бальные платья. И каждую осень эти семьи возвращались в свои шикарные дома в городе, оставляя эти дворцы пустыми и безмолвными до вечеринок следующего лета. Джейн не питала иллюзий относительно того, где бы она находилась в этой социальной иерархии. Она бы чистила кастрюли в кухне или стирала корсеты и нижнее белье. Определенно она не была бы одной из счастливых молодых леди, покачивающихся в такт музыке в позолоченном бальном зале. Джейн знала свое место во вселенной и научилась довольствоваться этим.

– Вот эта улица. Поворачивай направо, – велела она.

Они покинули район особняков и поехали по улице, где дома были не такими большими, но гораздо более дорогими, чем мог себе позволить бостонский коп. Муж Сары Бастераш работал в крупной экспортной фирме, и Сара, вероятно, жила безбедной жизнью в этом районе, где на подъездных дорожках стояли «лексусы» и «вольво» и все палисадники были безупречно вылизаны. На этой улице красивых домов было потрясением вдруг увидеть почерневший каменный фасад.

Джейн и Фрост вышли из машины и уставились на пустой участок, где прежде стоял дом Бастерашей. Хотя обугленные останки вывезли, по обожженной коре деревьев было очевидно, что здесь бушевал пожар, а сделав вдох, Джейн ощутила запах дыма и пепла. Соседние дома не пострадали, они высились по обе стороны собственности Бастерашей, дерзкие и непокоренные, с их идеальными крылечками и идеально подстриженными живыми изгородями. Но сгоревший соседский дом кричал о том, что трагедия может случиться с каждым. Огонь не делал различий между богатыми и бедными – пламя уничтожало всех.

* * *

– Когда это случилось, я был в командировке в Пекине, – сказал Кевин Бастераш. – Моя компания экспортирует сельскохозяйственные продукты, и я вел переговоры о поставке в Китай молочного порошка.

Он замолчал и уставился на бежевый ковер, купленный так недавно, что от него еще исходил химический запах нового дома. В этой просторной солнечной квартире все кричало о временности: от голых стен до пустых книжных полок. Два месяца назад Кевин Бастераш потерял в огне дом и жену. Теперь он называл домом это жилье – безликую квартиру в многоквартирном доме в пяти милях от того места, где они с Сарой мечтали о детях. В этой бездушной комнате не было ни одной фотографии.

Огонь сожрал все.

– Мне сообщили перед ланчем по пекинскому времени, – продолжил Кевин. – Позвонил наш сосед из Ньюпорта, сказал, что мой дом горит и приехали пожарные машины. Сару еще не нашли, и сосед надеялся, что ее не было дома во время пожара. Но я уже знал. Знал, потому что Сара не позвонила мне утром, а обычно звонила. Она всегда звонила мне утром в одно и то же время. – Он посмотрел на Джейн и Фроста. – Сказали, что это несчастный случай.

Джейн кивнула:

– Согласно пожарной экспертизе, ваша жена оставила горящие свечи на тумбочке в спальне и уснула. У кровати нашли бутылку виски, поэтому предположили...

– Предположили, что она выпила и проявила беспечность. – Кевин сердито тряхнул головой. – Сара не такая. Она никогда не была беспечной. Да, она могла выпить рюмочку перед сном, но напиться так, чтобы не заметить пожара?.. Я говорил об этом полиции и пожарным экспертам. Проблема состояла в том, что чем упорнее я настаивал на невозможности несчастного случая, тем подозрительнее они посматривали на меня. Они спрашивали, нет ли у меня романа, не были ли мы с Сарой в ссоре. Мужья всегда первые подозреваемые, верно? И что с того, что я был в Китае, когда это случилось? Я мог нанять киллера. Спустя какое-то время мне не осталось ничего другого, кроме как согласиться на несчастный случай. Потому что ну кому нужна была ее смерть? Никому. – Он посмотрел на Джейн. – А потом позвонили вы. И все изменилось.

– Не обязательно. Просто ваше дело стало частью более крупного расследования. У нас два убийства в Бостоне, и мы пытаемся определить,

не связаны ли они каким-либо образом со смертью вашей жены. Вам что-нибудь говорит имя Тимоти Макдугал?

Кевин покачал головой:

– Нет, впервые слышу.

– А Кассандра Койл?

Кевин задумался.

– Кассандра, – пробормотал он, словно вызывая лицо, воспоминание. – Сара называла подружку по имени Кассандра, но фамилии я не помню.

– Когда это было?

– В начале прошлого года. Сара сказала, что ей позвонила девушка, которую она знала девчонкой, и они собирались встретиться за ланчем. Я ее никогда не видел. – В приступе отвращения к самому себе он пробормотал: – Наверное, опять был в какой-нибудь командировке.

– Где выросла ваша жена, мистер Бастераш? – спросил Фрост.

– В Массачусетсе. Она переехала в Ньюпорт, когда нашла здесь работу в Школе Монтессори.

– Она часто приезжала в район Бостона? У нее там были друзья, семья?

– Нет. Родители умерли, так что ей не к кому было ездить в Бруклайн.

Джейн перестала делать записи в блокноте и подняла голову:

– Сара выросла в Бруклайне?

– Да, она жила там, пока не окончила школу.

Джейн и Фрост переглянулись. Кассандра Койл и Тимоти Макдугал тоже выросли в Бруклайне.

– Ваша жена была католичкой, мистер Бастераш? – спросил Джейн.

Он нахмурился, вопрос Джейн явно озадачил его.

– Ее родители были католиками, но Сара давно оставила церковь. – Он печально усмехнулся. – Она говорила, что до сих пор носит травмы католического воспитания.

– Что она имела в виду?

– Это она так шутила. Она говорила, что Библия должна быть оценена высшим баллом по уровню насилия.

Джейн наклонилась к нему, чувствуя, как участился ее пульс:

– Ваша жена знала что-нибудь о католических святых?

– Гораздо больше меня. Я воспитывался агностиком, а вот Сара могла посмотреть на картину и сказать: «Это святой Стефан, его забили камнями до смерти». – Он пожал плечами. – Наверное, этому и учат детей в воскресной школе.

– Вы не знаете, в какую церковь она ходила ребенком?

– Понятия не имею.

– А в какую школу?

– Извините, я не помню. – Он помолчал. – Если бы знать заранее.

– Вам известны какие-нибудь ее друзья детства из Бруклайна?

Кевин надолго задумался над этим вопросом, но так и не смог на него ответить. Вместо ответа он посмотрел на окно, на котором пока не висели шторы, потому что это место еще не стало его настоящим домом. Может, никогда и не станет: временное обиталище Кевина Бастераша, место скорби и исцеления, которое он со временем покинет.

– Нет, – ответил он наконец. – Я виню себя за это.

– Почему, сэр? – мягко спросил Фрост.

– Потому что меня никогда не было рядом с ней. Вечно в командировках. Половину времени я проводил на чемоданах. Договаривался о сделках в Азии, когда должен был находиться дома. – Он посмотрел на них, и глаза его увлажнились. – Вот вы спрашиваете о детстве Сары в Бруклайне, а я ничего не могу сказать.

Может быть, кто-нибудь другой скажет, подумала Джейн.

* * *

Она не говорила с Элейн Койл несколько недель и, набирая ее номер, боялась вопроса, который Элейн почти наверняка задаст: «Вы так и не нашли убийцу моей дочери?» Этого известия всегда ждут родственники жертвы. Им не нужны отговорки. Они хотят положить конец неопределенности. Они хотят справедливости.

– Мне очень жаль, – пришлось сказать Джейн. – У нас пока нет подозреваемого, миссис Койл.

– Тогда почему вы звоните?

– Вам знакомо имя Сара Бастераш?

Пауза.

– Нет. Не думаю. Кто она?

– Молодая женщина, которая недавно погибла во время пожара в Род-Айленде. Она выросла в Бруклайне, и я подумала, не была ли она знакома с Кассандрой. Она приблизительно одного возраста с вашей дочерью. Может быть, ходили в одну школу. Или церковь?

– К сожалению, не помню ни одной девочки с такой фамилией.

– Ее девичья фамилия Бирн. Сара Бирн. Ее семья жила менее чем в миле от…

– Сара Бирн? Сара умерла?

– Так вы ее знали?

– Да. Ну конечно, Бирны жили неподалеку. Фрэнк Бирн умер от инфаркта несколько лет назад. А потом его жена…

– Есть еще одно имя, о котором я хотела вас спросить, – перебила ее Джейн. – Вы не помните Тимоти Макдугала?

– Детектив Фрост спрашивал меня про него на прошлой неделе. Этого молодого человека убили перед Рождеством.

– Да. Но теперь я спрашиваю вас про мальчика по имени Тим Макдугал. Ровесника вашей дочери. Может быть, он учился с ней в школе.

– Детектив Фрост не говорил мне, что убитый из Бруклайна.

– Мы в то время не думали, что это имеет значение. Вы его помните?

– Был какой-то мальчик по имени Тим, но я не уверена, что помню его фамилию. Это случилось так давно. Прошло двадцать лет…

– А что случилось двадцать лет назад?

Элейн надолго замолчала, а когда ответила, ее голос звучал не громче шепота.

– «Яблоня».

23

– Когда дело о жестоком обращении с детьми в центре продленного дня «Яблоня» было направлено в суд, я еще училась в школе, так что я знаю не больше вас. Но вы найдете то, что ищете, в этих документах, – сказала прокурор округа Норфолк Дана Страут.

Несмотря на относительно молодой возраст (ей было лет тридцать пять), в ее волосах пробивалась седина – видимое подтверждение того, что ее работа не подарок и времени на парикмахера не хватает.

– Эти коробки дадут вам начальные сведения, – сказала Дана, кладя еще одну порцию документов на стол в конференц-зале.

Фрост с тоской посмотрел на полдюжины коробок, уже стоящих на столе.

– И это только начальные сведения?

– Дело центра продленного дня «Яблоня» было самым долгим уголовным делом в истории округа Норфолк. В этих коробках документы досудебного расследования, которое продолжалось больше года. Так что домашней работы вам хватит. Удачи, детективы.

– А у вас нет резюме этого дела? Кто был обвинителем?

– Ведущим обвинителем была Эрика Шей, но ее на этой неделе нет в городе.

– А больше никто не помнит дело?

Дана отрицательно покачала головой:

– Процесс состоялся двадцать лет назад, и другие прокуроры разъехались. Вы знаете, как это бывает на государственной службе, детектив. Работы по горло, а жалованье маленькое. Люди ищут места получше. – Вполголоса она добавила: – Я и сама подумываю, не найти ли чего.

– Нам нужно отыскать всех детей, которые давали показания на том процессе. Мы нигде не можем найти их имен.

– Вероятно, личности пострадавших были скрыты, чтобы защитить детей. Поэтому их имена не всплывают при интернет-поиске или в отчетах прессы. Но поскольку вы проводите активное расследование в связи с убийствами, я дала вам доступ ко всей необходимой информации. – Дана окинула взглядом коробки и пододвинула одну из них к Джейн. – Может быть, здесь как раз то, что вам нужно. Здесь досудебные опросы детей. Но помните: их имена не подлежат оглашению.

– Безусловно, – кивнула Джейн.

– Ничто не должно выйти за пределы этой комнаты, ясно? Делайте записи при необходимости, а если понадобятся ксерокопии, попросите клерка. Но оригиналы остаются здесь. – Дана направилась к двери, но остановилась и оглянулась. – Вы должны знать. Прокуратура не желает, чтобы это дело снова было на слуху. Насколько мне известно, для всех участников то были нелегкие времена. Никто не хочет снова оказаться в «Яблоне».

– У нас нет выбора.

– Вы уверены, что это имеет отношение к вашему расследованию? Процесс ведь состоялся очень давно, и я гарантирую, что Эрика Шей не обрадуется, если дело снова будет первым номером в новостях.

– Есть какая-то причина, по которой она не хочет делиться с нами этой информацией?

– Что вы имеете в виду? Вот коробки с делом.

– Но нам пришлось звонить в канцелярию губернатора, чтобы получить к ним доступ. Прежде при проведении расследования нам такого никогда не приходилось делать.

Дана помолчала несколько секунд, глядя на выстроенные на столе коробки:

– Без комментариев.

– Кто-то просил вас затруднить наш поиск?

– Послушайте, я могу только сказать, что процесс был очень чувствительный. Несколько недель он не сходил с первых страниц газет. Оно и неудивительно. Пропавшая девятилетняя девочка. Центр продленного дня, управляемый семьей педофилов. Обвинения в убийстве, надругательствах, жестоких ритуалах. Эрика смогла добиться вердикта «виновны» по обвинению в надругательстве, но ей не удалось

убедить жюри в виновности в убийстве. Так что вы можете понять, почему она не рада, что все это снова вытаскивают на свет божий.

– Нам нужно поговорит с миз Шей. Когда мы сможем это сделать?

– Я же говорила: она уехала, и мне неизвестно, когда она сможет встретиться с вами. – Дана снова повернулась к двери. – Вы бы лучше начинали. Офис закрывается через два часа.

Джейн посмотрела на коробки и вздохнула:

– Нам понадобится гораздо больше, чем два часа.

– Скорее, два месяца, – проворчал Фрост, вытаскивая кипу папок из коробки.

Джейн взяла и себе стопку папок и уселась за стол напротив Фроста. Она принялась просматривать бирки на папках – здесь были записи бесед с пострадавшими, медицинские отчеты, оценки психологов.

Первая папка, которую она открыла, была помечена как «Девайн, Х.».

Они с Фростом прочитали освещение процесса в «Бостон глоуб», так что главные факты по этому делу были им знакомы. Центр продленного дня «Яблоня» принадлежал Ирене и Конраду Станек, в центре работал и их двадцатидвухлетний сын Мартин. «Яблоня» брала на себя заботы о детях в возрасте от пяти до одиннадцати лет по окончании занятий. Предлагалась также доставка детей автобусом из местной начальной школы – очень удобная услуга для занятых родителей. «Яблоня» называла себя «местом, где воспитывают разум и сердце». Станеки были уважаемыми членами католического прихода, они преподавали основы католичества в воскресной школе. Мартин недавно начал водить школьный автобус «Яблони», и ему нравилось забавлять детей фокусами, надувными игрушками. В течение пяти лет «Яблоня» функционировала без единой жалобы.

Потом исчезла девятилетняя Лиззи Дипальма.

В воскресный октябрьский день она вышла из дома в вязаной шапочке, украшенной серебристым бисером, уехала на своем велосипеде, и больше ее никто не видел. Два дня спустя один из детей нашел вязаную шапочку Лиззи в автобусе Мартина Станека. Поскольку, кроме Мартина, никто автобус не водил, он стал главным подозреваемым в исчезновении Лиззи. Подозрения в его адрес укрепились, когда десятилетняя Холли Девайн узнала шокирующую тайну.

Джейн открыла папку Холли Девайн и прочла отчет психолога о разговоре с девочкой.

Обследуемое лицо – десятилетняя девочка, живет с родителями Элизабет и Эрлом Девайн в Бруклайне, Массачусетс. Сестер и братьев не имеет. Два года после окончания занятий посещала центр продленного дня «Яблоня». 29 октября сообщила матери, что «в „Яблоне“ делают гадко» и она больше не хочет туда возвращаться. Когда у нее стали выяснять подробности, девочка сказала: «Мартин и его мама и папа трогали меня за те места, за которые нельзя».

Джейн с возрастающим ужасом читала о том, что делало семейство Станек с Холли Девайн. Пощечины, ласки, побои. Проникновение. Ей пришлось закрыть папку и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Но чего ей не удавалось, так это избавиться от образа трех хищников и их десятилетней жертвы. Не могла она не думать и о собственной дочери, Реджине, которой было всего три года. Джейн подумала о том, какой была бы ее реакция, если бы вот так надругались над ее дочерью и она поймала бы этих монстров. Она подумала, что от них не осталось бы почти ничего, когда она воздала бы им по заслугам. Единственное нарушение закона, какое могла бы позволить себе Джейн, – это месть матери тем, кто угрожает ее чаду.

– Тимоти Макдугалу было всего пять, – сказал Фрост. Он оторвался от папки, которую читал, на его лице застыло отвращение. – Его родители даже не догадывались, что над их сыном совершается надругательство, пока к ним не приехала полиция и не сообщила, что их сын, возможно, является жертвой.

– Они не подозревали, что над сыном совершается насилие?

– Абсолютно. То же самое и с Сарой Бирн. Ей было всего шесть. Лишь после полудюжины бесед с психотерапевтом Сара наконец рассказала, что произошло.

Джейн неохотно вернулась к папке Холли Девайн.

…засунул в меня пальцы, и мне было больно. Потом это сделала Ирена, потом старик. Мы с Билли кричали, но нас никто не слышал, потому что мы были в секретной комнате. Сара, Тимми и Касси тоже. Нас всех заперли в комнате, и они всё делали и делали…

Она отложила папку, открыла ноутбук и ввела в строку поиска «Холли Девайн». Нашла два аккаунта на Холли Девайн в «Фейсбуке». Одна сорокавосьмилетняя Холли жила в Денвере, другая, тридцати шести лет, – в Сиэтле. В Бостоне никакой Холли Девайн не было, как и ее

ровесниц, которые подверглись насилию в «Яблоне». Возможно, она вышла замуж и теперь носит другую фамилию. А может, не пользуется социальными сетями.

По крайней мере, ее имя не встречалось и в некрологах.

В отчете психолога Джейн нашла номер телефона семьи Холли. Прошло двадцать лет – живут ли ее родители все по тому же адресу в Бруклайне и с тем же номером телефона? Она вытащила свой сотовый, набрала номер.

На третий звонок ответил низкий хрипловатый мужской голос:

– Слушаю.

– С вами говорит детектив Джейн Риццоли, бостонская полиция. Я пытаюсь найти Холли Девайн. Вы, случайно, не знаете…

– Она здесь не живет.

– А вы можете сказать, где ее найти?

– Нет.

– Вы – мистер Девайн? Алло?

Ответа не последовало. Человек повесил трубку.

«Это странно».

– Господи Исусе, – сказал Фрост, глядя в свой ноутбук.

– Что у тебя?

– Я читаю папку Билла Салливана, одиннадцати лет. Одного из ребят, которые подвергались насилию со стороны Станеков.

Билл. Билли. Джейн снова открыла папку Холли Девайн и нашла имя.

«Мы с Билли кричали, но нас никто не слышал, потому что мы были в секретной комнате…»

– Я прогуглил имя, – сказал Фрост. – Молодой человек по имени Билл Салливан недавно исчез в Бруклайне.

– Что? Когда?

– Два дня назад. Пропавший того же возраста, так что это может быть тот самый Билл Салливан.

Он повернул ноутбук к Джейн.

На экране была короткая заметка из «Бостон глоуб».

ДЕТЕКТИВЫ РАССЛЕДУЮТ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БРУКЛАЙНЦА

Автомобиль, принадлежащий жителю Бруклайна, найден брошенным близ гольф-клуба в Путтерхам-Мидоу. Тридцатиоднолетний Билл Салливан пропал в понедельник вечером, о его исчезновении на следующее утро заявила его мать Сьюзен. В последний раз его засекла камера видеонаблюдения, когда он выходил из офиса «Корнуэлл инвестментс». В машине (одна из последних моделей «БМВ») обнаружены пятна крови, и полиция классифицирует это исчезновение как подозрительное.

Мистер Салливан, советник по инвестированию, имеет рост шесть футов и вес около 170 фунтов, голубоглазый блондин.

– То же имя, тот же возраст, – сказала Джейн.

– И имя матери в деле – тоже Сьюзен. Это наверняка тот же парень.

– Но это не убийство, а дело об исчезновении. Не подпадает под закономерность. – Она посмотрела на Фроста. – Когда у него день рождения?

Фрост заглянул в папку:

– Двадцать восьмого апреля.

Джейн вывела на экран литургический календарь.

– Двадцать восьмого апреля день памяти святого Виталия Миланского, – сказала она.

– Он был мучеником?

Джейн пробежала глазами по экрану:

– Да. Святой Виталий был похоронен заживо.

«Вот почему его тело не найдено».

Она вскочила на ноги. Фрост не отставал от нее, когда она вышла в коридор и быстро зашагала в кабинет Даны Страут. Прокурор разговаривала по телефону, она повернулась и вздрогнула, увидев Джейн и Фроста в своем кабинете.

– Станеки… – выпалила Джейн. – Они все еще в тюрьме?

– Вы не возражаете, если я закончу разговор?

– Нам нужен ответ *немедленно*.

Дана сказала в телефонную трубку:

– Они сейчас стоят у меня в кабинете. Я перезвоню. – Потом повесила трубку и посмотрела на Джейн. – В чем дело?

– Где Станеки?

– Послушайте, я не понимаю этой срочности.

– Станеков осудили за то, что дети, посещавшие их центр, обвинили их в насилии. Трое из этих детей уже умерли. Один только что исчез. Я спрашиваю у вас еще раз: где Станеки?

Дана несколько секунд постукивала авторучкой по столу.

– Конрад Станек умер в тюрьме вскоре после суда, – наконец ответила она. – Его жена Ирена ушла в мир иной года четыре назад, тоже в тюрьме.

– А их сын Мартин – он где?

– Я только что разговаривала по телефону с прокурором Эрикой Шей. Она говорит, что Мартин Станек отбыл свой срок. Выпущен на свободу.

– Когда?

– Три месяца назад. В октябре.

24

Папа звонит, голос у него тихий и взволнованный.

– Звонила женщина, спрашивала тебя, – сообщает он.

– Та же женщина, что и в прошлый раз? – спрашиваю я.

– Нет, другая. Говорит, что она детектив бостонской полиции. Говорит, ей нужно срочно встретиться с тобой, потому что ее беспокоит твоя безопасность.

– Ты ей веришь?

– Я проверил. В бостонской полиции в отделе по расследованию убийств действительно работает детектив Риццоли. Но наверняка кто может сказать? Предосторожность никогда не бывает излишней, детка. Я ей ничего не сказал.

– Спасибо, папа. Если она позвонит еще, не разговаривай с ней.

Я слышу по телефону, как он кашляет – тот самый непреходящий кашель, который начался у него несколько месяцев назад. Я говорила ему, что эти треклятые сигареты когда-нибудь сведут его в могилу, и, чтобы я ему не досаждала, он бросил курить. Но кашель не проходит. Он обосновался у него в груди, и я слышу хрип мокроты. Я очень давно не была у него. Мы оба согласились, что мне нужно держаться от него подальше, потому что за домом могут наблюдать, но его кашель меня беспокоит. Папа единственный, кому я по-настоящему доверяю, и я не знаю, что буду без него делать.

– Папа?

– Я в порядке, котенок, – сипит он. – Я только хочу, чтобы моей детке ничто не угрожало. Что-то с ним надо делать.

– Но я ничего не могу.

– Зато я могу, – тихо говорит он.

Я молчу, слушаю хриплое дыхание отца и взвешиваю его предложение. Мой отец не дает пустых обещаний. Если он что-то говорит, это не пустые слова.

– Ты же знаешь, я для тебя все сделаю, Холли. Все.

– Я знаю, папа. Мы должны быть осторожны, и все будет в порядке.

Я вешаю трубку и думаю, что все далеко не в порядке. Детектив Риццоли ищет меня, и я удивлена той скорости, с какой они связали меня с другими. Но всю историю она никак не может знать. И никогда не узнает.

Потому что я ничего не скажу.

И он тоже.

25

Это был самый убогий дом на улице, трехэтажное здание без лифта в Ревире, – еще пару досок сгниет, и его расселят. Краска по большей части давно отшелушилась, и, когда Джейн вслед за Фростом поднималась по наружной лестнице на третий этаж, она чувствовала, как сотрясаются перила, и представляла себе, как все это хлипкое сооружение отвалится от здания и обрушится, словно в детском конструкторе.

Фрост постучал, и они замерли в ожидании, дрожа от холода. Они знали: он дома, Джейн слышала работающий телевизор и видела движение за изношенными занавесками. Наконец дверь открылась, и Мартин Станек с недовольным видом уставился на детективов.

На фотографии Мартина, снятой двадцать лет назад во время его нахождения под арестом, был изображен молодой человек в очках, со светлыми волосами и лицом, которое в двадцать два года сохраняло детскую округлость и невинность. Если бы Джейн увидела Мартина на улице, она бы отмахнулась от него, как от человека безобидного, слишком робкого, чтобы посмотреть кому-то прямо в глаза. Она предполагала увидеть постаревшую версию человека с фотографии, может быть полысевшего, более дряблого, поэтому ее поразил вид мужчины, стоящего в дверях. Два десятилетия в тюрьме преобразили его в мощную машину с гладиаторскими плечами. Голова у него была выбрита, а в чертах лица (на котором теперь красовался сплюснутый боксерский нос) не осталось ни малейшей мягкости. Над левой бровью проходил шрам, напоминающий уродливый железнодорожный путь, щеки имели неправильную форму, словно ему переломали кости и дали зажить, не выправив.

– Мартин Станек? – спросила Джейн.

– И кто спрашивает?

– Я детектив Риццоли, бостонская полиция. Это мой напарник, детектив Фрост. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

– А вы не опоздали на двадцать лет?

– Вы позволите нам зайти?

– Я отбыл свой срок. Мне нет нужды отвечать на ваши вопросы.

Он начал было закрывать перед ними дверь. Джейн выставила руку, останавливая его:

– Сэр, вам не следует это делать.

– Я в своем праве.

– Мы можем поговорить здесь и сейчас. Или можем в бостонской полиции. Вам что предпочтительнее?

Несколько мгновений Мартин Станек взвешивал варианты и наконец понял, что выбора у него нет. Не сказав ни слова, он оставил дверь открытой и вернулся в квартиру.

Джейн и Фрост последовали за ним внутрь и закрыли дверь, чтобы не впускать холод.

Оглядев квартиру, Джейн остановилась на Мадонне с Младенцем в золоченой рамочке на лучшем месте на стене. На столе под Мадонной стояло с десяток фотографий: улыбающиеся мужчина и женщина позировали с маленьким мальчиком. Та же пара уже в среднем возрасте стояла, обнимая друг друга за талию. Втроем у костра. Здесь были только фотографии Станеков до того времени, как тюрьма их развела.

Мартин выключил телевизор, и в неожиданно наступившей тишине они услышали звук проезжающих машин, проникающий сквозь тонкие стены, и стрекот холодильника в кухне. Хотя кухонная плита и столы были вычищены, а посуда вымыта и сложена в сушилке, в квартире стоял запах плесени и гнилости. Этот запах, видимо, исходил от самого здания как наследство давно умерших обитателей.

– Единственное, что мне по карману, – сказал Мартин, видя отвращение на лице Джейн. – Не могу вернуться в мой дом в Бруклайне, хотя он все еще принадлежит мне. Я осужденный сексуальный преступник, а дом рядом с детской площадкой. Мне запрещено жить там, где могут появляться дети. Пришлось выставить дом на продажу, чтобы только налоги заплатить. Так что вот он теперь, мой дом. – Он повел рукой, показывая на грязный ковер и протертый диван, потом посмотрел на детективов. – Почему вы здесь?

– Мы хотим спросить, чем вы занимались в определенные дни.

– А с какой стати я должен сотрудничать с вами? После того, что со мной сделали?

– Сделали с *вами*? – спросила Джейн. – Так вы *себя* считаете жертвой?

– Вы хоть представляете себе, что происходит с осужденными педофилами в тюрьме? Вы думаете, охранники защищают вас? Всем

насрать, будешь ты жить или сдохнешь. Подлатают тебя немного и опять бросают этим волкам.

Голос его надломился. Мартин отвернулся и опустился на стул за кухонным столом.

Немного помедлив, Фостер подтащил к себе стул и тоже сел. Доверительным голосом спросил:

– Что случилось с вами в тюрьме, мистер Станек?

– Что случилось? – Мартин поднял голову и показал на свое иссеченное шрамами лицо. – Сами видите, что случилось. В первую ночь мне выбили три зуба. На следующей неделе раздробили скулу. Потом искалечили пальцы на правой руке. Потом расправились с моим левым яйцом.

– Я сожалею об этом, сэр, – сказал Фрост.

В голосе его и в самом деле прозвучало сожаление. В игре «добрый полицейский – злой полицейский» у него всегда была роль доброго, потому что она подходила ему естественным образом. Он был известен как бойскаут отдела по расследованию убийств, друг собак и котов, детей и старушек. Человек, которого невозможно коррумпировать, отчего никто и не пытался.

Даже Мартин, казалось, понял, что это не игра. Услышав тихий, сочувственный голос Фроста, хозяин квартиры неожиданно отвернулся, скрывая слезы, выступившие на глазах.

– Чего вы хотите от меня? – спросил он.

– Где вы были десятого ноября? – спросила Джейн – злой полицейский.

На сей раз с ее стороны это была не игра; с тех пор как она стала матерью, любое преступление против детей было для нее особо чувствительной зоной. Когда на свет появилась Реджина, Джейн стала чувствовать собственную уязвимость перед всеми Мартинами Станеками в мире.

Мартин зло посмотрел на нее:

– Не знаю, где я был десятого ноября. Вы помните, где были два месяца назад?

– А шестнадцатого ноября?

– Тоже. Понятия не имею. Возможно, сидел на этом самом месте.

– А двадцать четвертого ноября?

– Канун Рождества? Это я помню. Я был в церкви Святой Клары, обедал. Каждый год там устраивают специальные обеды для людей вроде меня. Для людей без семьи и друзей. Жареная индейка, кукурузный хлеб и картофельное пюре. Тыквенный пирог на десерт. Спросите их. Возможно, они помнят. Я достаточно уродлив, чтобы меня запомнили.

Джейн и Фрост переглянулись. Если это подтвердится, то у Станека будет алиби на день убийства Тима Макдугала. А значит, у них определенно возникнет проблема.

– Почему вы задаете эти вопросы? – спросил он.

– Вы помните детей, на которыми надругались двадцать лет назад?

– Ничего такого не было.

– Вас судили и вам вынесли приговор, мистер Станек.

– Вынесло приговор жюри, которое поверило в кучу лжи. С участием обвинителя, который охотился на ведьм.

– По показаниям детей, решившихся заговорить.

– Они были слишком маленькими, чтобы что-то понимать. Они говорили то, что им нашептали. Безумные вещи, невероятные. Вы почитайте стенограммы – сами увидите. «Мартин убил кота и заставил нас выпить его кровь. Мартин повел нас в лес, чтобы увидеть дьявола. Мартин заставил тигра летать». Вы и вправду можете поверить в это?

– Жюри поверило.

– Им скормили целый вагон вранья. Обвинители утверждали, что мы почитаем дьявола, даже моя мама, которая три раза в неделю ходила на мессу. Они сказали, что я увозил детей на автобусе в лес и там подвергал их насилию. Они даже обвинили меня в том, что я убил ту маленькую девочку.

– Лиззи Дипальму.

– Только потому, что в моем автобусе нашли ее шапочку. Потом в полицию пришла эта жуткая миссис Девайн, и я тут же превратился в чудовище. Я убиваю детей и съедаю их на завтрак.

– Миссис Девайн? Мать Холли?

– Эта женщина повсюду видела дьявола. Стоило ей посмотреть на меня, как она объявила меня дьяволом. Неудивительно, что у ее девочки набралось столько историй про меня. О том, что я привязывал детей к деревьям, пил их кровь, издевался над ними с помощью палок. Потом обвинители привели других детей, и те повторили все эти истории… И вот вам результат. – Он снова показал на свое лицо. – Двадцать лет в тюрьме, сломанный нос, разбитая челюсть. Половина зубов выбита. Я выжил только потому, что научился давать сдачи, в отличие от моего отца. Мне сказали, что он умер от апоплексического удара. Лопнул сосуд – и кровоизлияние в мозг. А на самом деле его погубила тюрьма. Но меня она не уничтожила, потому что я не позволил. Я хочу дожить до того дня, когда справедливость восторжествует.

– Справедливость? – переспросила Джейн. – Или месть?

– Иногда между ними нет разницы.

– Двадцать лет в тюрьме – у вас было время подумать, накопить ненависть. Спланировать, как вы отомстите людям, которые вас посадили.

– Можете не сомневаться, я хочу, чтобы они получили по заслугам.

– Хотя они в то время были всего лишь детьми?

– Что?

– Те дети, над которыми вы надругались, мистер Станек. Вы заставляете их платить за то, что они рассказали полиции обо всем, что вы с ними делали?

– Я говорил не о детях. Я говорил об этой сучке-прокуроре. Эрика Шей знала, что мы невиновны, но все равно сожгла нас на костре. Когда та журналистка, с которой я говорил, напишет свою книгу, все всплывет.

– Вы сейчас использовали занятное выражение: «сожгла на костре». – Джейн посмотрела на изображение Мадонны с Младенцем на стене. – Я вижу, вы религиозный человек.

– Теперь нет.

– Тогда почему у вас висит изображение Марии с Иисусом?

– Эта картинка принадлежала моей матери. Все, что от нее осталось. Это и несколько фотографий.

– Вас воспитывали как католика. Вы наверняка знаете всех святых и мучеников.

– Вы о чем?

Что это было в его глазах – искреннее недоумение невиновного человека или игра очень хорошего актера?

– Скажите мне, как умерла святая Луция, – попросила Джейн.

– А зачем?

– Вы знаете или нет?

Он пожал плечами:

– Святую Луцию мучили, ей вырезали глаза.

– А святой Себастьян?

– Римляне расстреляли его из луков. Какое это имеет отношение к чему бы то ни было?

– Кассандра Койл. Тим Макдугал. Сара Бирн. Эти имена вам что-нибудь говорят?

Он молчал, но лицо его побледнело.

– Вы ведь наверняка помните детишек, которых забирали из школы? Детишек, которых возили на своем автобусе? Которые рассказали прокурору, что вы делали с ними, когда никто не видел?

– Я ничего с ними не делал.

– Они мертвы, мистер Станек. Все трое. Умерли после вашего выхода из тюрьмы. Разве не любопытно, что стоило вас выпустить из тюрьмы, как вдруг – бах-бахбах – люди начинают умирать?

Станек откинулся назад на стуле, словно получил физический удар:

– Вы думаете, это я их убил?

– А вы можете винить нас в том, что мы пришли к такому выводу?

Он удрученно рассмеялся:

– Конечно, кого же еще вам винить? Если все указывает на меня.

– Вы их убили?

– Нет, я их не убивал. Но я не сомневаюсь, что вам удастся доказать противное.

– Я скажу вам, что я собираюсь сделать, мистер Станек, – сказала Джейн. – Мы сейчас обыщем вашу квартиру и вашу машину. Вы можете пойти нам навстречу и дать разрешение на это. Или мы можем сделать это жестко, получив ордер.

– У меня нет машины, – мрачно произнес он.

– Тогда как вы ездите?

– Благодаря доброте незнакомых людей. – Он посмотрел на Джейн. – В мире еще осталось несколько таких.

– Вы даете нам разрешение провести обыск, сэр? – спросил Фрост.

Станек покорно пожал плечами:

– Что я скажу, не имеет значения. Вы так или иначе обыщете квартиру.

Для Джейн его слова означали «разрешаю». Она кивнула Фросту, и тот достал свой сотовый и отправил сообщение ожидающей сигнала команде криминалистов.

– Наблюдай за ним, – сказала Джейн Фросту. – Я начну со спальни.

Спальня, как и гостиная, представляла собой мрачное, вызывающее клаустрофобию помещение. Единственным источником дневного света здесь было окно, выходившее в узкий проулок, стиснутый с обеих сторон домами. Коричневые пятна на ковре и воздух, пахнущий нестираным бельем и плесенью, но кровать аккуратно застелена и ни одного разбросанного носка. Первым делом Джейн прошла в ванную и открыла аптечку – не найдется ли где пузырька или чего-нибудь, в чем может находиться кетамин. Она обнаружила только аспирин и коробочку с лейкопластырем. В шкафчике под раковиной хранилась туалетная бумага, но ни скотча, ни веревки – ничего из арсенала убийцы.

Джейн вернулась в спальню, заглянула под кровать, прощупала, нет ли чего между матрацем и пружинной сеткой. Потом перешла к единственной прикроватной тумбочке и открыла ящик. Внутри лежал фонарик, несколько пуговиц и конверт с фотографиями. Она просмотрела снимки – большинство из них двадцатилетней давности, когда Станеки жили одной семьей. До того, как их разделили и больше не позволили увидеть друг друга. На последней фотографии в конверте

Джейн остановилась. Там были запечатлены две женщины лет шестидесяти с небольшим. В оранжевой тюремной одежде. Первая – мать Мартина, Ирена, ее серебряные волосы сильно поредели, а лицо превратилось в тень того, что было в молодости. Но Джейн потрясло второе лицо, потому что она его узнала.

Она перевернула фотографию и уставилась на слова, написанные авторучкой: «Твоя мать рассказала мне все».

Джейн с мрачным лицом вернулась в гостиную и кинула фотографию Станеку.

– Вы знаете эту женщину? – спросила она.

– Это моя мать. За несколько месяцев до смерти во Фрамингеме.

– Нет, я говорю о женщине рядом с ней.

Он задумался:

– Кто-то из тех, кого она встретила там. Подруга.

– И что вы знаете об этой подруге?

– Она заботилась о моей матери в тюрьме. Не давала ее в обиду, только и всего.

Джейн перевернула фотографию и показала надпись:

– «Твоя мать рассказала мне все». Что это значит? Что ваша мать рассказала ей, мистер Станек?

Он ничего не ответил.

– Может быть, правду о том, что происходило в «Яблоне»? О том, где похоронена Лиззи Дипальма? Или о том, что вы собирались сделать с теми детьми, выйдя из тюрьмы?

– Мне нечего больше сказать.

Он поднялся на ноги так резко, что Джейн испуганно отпрянула.

– Надеюсь, скажет кто-нибудь другой. – Джейн вытащила сотовый, чтобы позвонить Мауре.

Женщина смотрела с фотографии вызывающим взглядом, словно говорившим: «Я тебя вижу». Волосы, наполовину седые, наполовину черные, торчали на квадратной голове во все стороны, как иглы дикобраза, но самое сильное впечатление узнавания произвели на Мауру ее глаза. Она словно смотрела на себя в зеркало будущего.

– Это она. Это Амальтея, – сказала Маура и удивленно взглянула на Джейн. – Она знала Ирену Станек?

Джейн кивнула:

– Снимок сделан четыре года назад, незадолго до смерти Ирены в тюрьме во Фрамингеме. Я говорила с директором, и он подтвердил, что Ирена и Амальтея дружили. Они почти все время проводили вместе, будь то за едой или в общих помещениях. Амальтея все знает о «Яблоне» и о том, что делали с детьми Станеки. Неудивительно, что она подружилась с Иреной. Монстры понимают друг друга.

Маура вгляделась в лицо Ирены Станек. Некоторые говорят, что у злого человека зло светится в глазах, но женщина, стоявшая рядом с Амальтеей, не казалась ни злобной, ни опасной. Всего лишь больной и изможденной. В глазах Ирены Маура не видела ничего, что могло бы остеречь жертву: «Не подходи. Здесь опасно».

– Они похожи на двух милых бабулек, правда? – сказала Джейн. – Увидишь – и даже в голову не придет, что они натворили. После смерти Ирены Амальтея отправила эту фотографию Мартину Станеку, а когда его освободили из тюрьмы, писала ему письма. Двое убийц общались друг с другом: один – снаружи, другая – изнутри.

Слова Амальтеи опять зазвучали в памяти Мауры, их смысл вдруг обрел ясность, от которой ей стало зябко: «Скоро ты найдешь еще одну».

– Она знает, что делает Станек, – сказала Маура.

Джейн кивнула:

– Пора с ней поговорить.

* * *

Всего несколько недель назад Маура навсегда попрощалась с Амальтеей Лэнк, а сегодня снова оказалась в комнате для свиданий в тюрьме Фрамингема, ожидая разговора с женщиной, с которой она поклялась никогда больше не встречаться. На сей раз разговор не будет приватным: с другой стороны одностороннего зеркала за ними будет наблюдать Джейн, готовая вмешаться в разговор, если он примет опасный оборот.

– Ты уверена, что выдержишь? – спросила Джейн по внутренней связи.

– Мы должны это сделать. Должны выяснить, что ей известно.

– Мне очень не нравится, что я ставлю тебя в такое положение, Маура. Жаль, что нет другого способа.

– Я единственный человек, которому она откроется. У нас с ней много общего.

– Прекрати это говорить.

– Но так оно и есть. – Маура глубоко вздохнула. – Посмотрим, удастся ли мне воспользоваться этой общностью.

– Хорошо. Сейчас ее введут в комнату. Готова?

Маура скованно кивнула. Дверь распахнулась, и звон стальных наручников известил о появлении Амальтеи Лэнк. Пока охранник пристегивал ногу заключенной к столу, Амальтея не сводила глаз с Мауры, сверлила ее, словно лазером. После первого курса химиотерапии Амальтея набрала вес, волосы снова начали отрастать короткими клочковатыми прядями. Но о степени ее восстановления лучше всего говорили глаза. Их коварный блеск, темный и опасный, вернулся.

Охранник ушел, и две женщины, молча разглядывающие друг друга, остались одни. Маура противилась искушению отвернуться, посмотреть в поисках поддержки в одностороннее зеркало.

– Ты ведь говорила, что больше не придешь, – начала Амальтея. – Почему ты здесь?

– Эта коробка с фотографиями, которую ты прислала…

– Откуда ты знаешь, что это я прислала?

– Я узнала лица на фотографиях. Это твоя семья.

– И твоя тоже. Твой отец. Твой брат.

– Женщина, которая привезла мне коробку, – кто она?

– Так, никто. Просто она в долгу передо мной, потому что я здесь не давала ее в обиду. – Амальтея откинулась на спинку стула и заговорщицки улыбнулась Мауре. – Когда меня это устраивает, я забочусь о людях. Слежу, чтобы с ними ничего не случилось как в этих стенах, так и вне их.

«Мания величия, – подумала Маура. – Старая смешная женщина, умирающая в тюрьме, думает, что все еще имеет силы манипулировать людьми. И с чего я взяла, что она может нам что-то рассказать?»

Амальтея взглянула на одностороннее зеркало:

– За этим окном детектив Риццоли, верно? Смотрит на нас, слушает. Я вижу, вы обе постоянно в новостях. Вас называют «Первые бостонские дамы криминалистики». – Она повернулась к окну. – Если хотите узнать про Станека, детектив, заходите и спросите у меня лично.

– Откуда ты узнала, что мы пришли из-за Ирены? – спросила Маура.

Амальтея фыркнула:

– Послушай, Маура, почему ты так меня недооцениваешь? Я знаю, что происходит в мире. Я знаю, какие у тебя проблемы.

– Ты дружила с Иреной Станек.

– Она была еще одной потерянной душой, с которой я здесь познакомилась. Я присматривала за ней. Жаль, что она умерла, так и не успев меня отблагодарить.

– Ты поэтому пишешь Мартину Станеку? Потому что он в долгу перед тобой?

– Я присматривала за его матерью, почему бы ему не оказать мне несколько услуг?

– Каких?

– Купить мне журналы. Газеты. Мои любимые шоколадные плитки.

– А еще он делился с тобой. Говорил о том, что собирается сделать.

– Делился?

– Когда я приходила к тебе в больницу, ты сказала: «Скоро ты найдешь еще одну». Ты имела в виду одну из жертв Мартина Станека, верно?

– Я говорила такое? – Амальтея пожала плечами, приложила палец к виску. – Ты же знаешь, как работает голова при химиотерапии. Затуманивает память.

– Станек рассказывал тебе, что он собирается сделать с детьми, которые дали против него показания?

– С чего ты взяла, что он собирался что-то сделать?

Это была партия в шахматы, Амальтея изображала невинность, чтобы выудить из Мауры информацию.

– Ответь мне, Амальтея. На кону стоят человеческие жизни, – сказала Маура.

– И почему это должно меня волновать?

– Если в тебе осталось хоть что-то человеческое, то должно.

– О чьих жизнях идет речь?

– Двадцать лет назад пятеро детей помогли посадить Станеков в тюрьму. Теперь трое из них мертвы, а один пропал. Но ты ведь уже знаешь это, верно?

– А что, если эти жертвы не были так уж невинны? Что, если вы вывернули все наизнанку и истинными жертвами были Станеки?

– Верх – это низ, белое – это черное?

– Ты не знала Ирену. А я знала. Я посмотрела на нее и сразу поняла, что ее посадили ни за что. Люди говорят о том, что необходимо выкорчевать зло, но большинство из вас даже не могут опознать его, когда видят.

– А ты, значит, можешь?

Амальтея улыбнулась:

– Я узнаю таких, как я. А ты?

– Я сужу о людях по их делам, и я знаю, что делал Мартин Станек с этими детьми.

– Тогда ты ничего не знаешь.

– А что я должна знать?

– Что иногда верх на самом деле – низ.

– Ты сказала, что скоро мы найдем еще одну жертву. Откуда ты это знала?

– Тогда это тебя не взволновало.

– Мартин Станек говорил тебе? Делился своими планами мести?

Амальтея вздохнула:

– Ты задаешь неправильные вопросы.

– А какой вопрос правильный?

Амальтея повернулась к одностороннему зеркалу и улыбнулась Джейн, стоявшей с другой стороны:

– Какую жертву вы *не* нашли?

* * *

– Это все вранье. Она говорит загадками, чтобы запутать тебя. Чтобы ты наверняка приехала к ней еще раз. – Джейн хлопнула ладонями по баранке. – Черт побери, нужно мне было самой встретиться с этой сукой. Уж слишком тяжело тебе это дается. Извини.

– Мы обе решили, что говорить должна я, – возразила Маура. – Я единственная, кому она доверяет.

– Ты единственная, кем она может манипулировать. – Напряженный дневной трафик, замедлявший их возвращение в Бостон, заставил Джейн поморщиться. Перед ними, насколько хватало глаз, растянулась длинная цепочка машин. – Ничего полезного из нее не удалось выудить.

– Она сказала о жертве, которую ты еще не нашла.

– Может, она имеет в виду Билла Салливана, молодого человека, пропавшего в Бруклайне. Если его похоронили заживо, как святого Виталия, мы его, возможно, никогда не найдем. Я только надеюсь, что бедняга был без сознания, когда Станек принялся копать яму.

– А если она имела в виду другую жертву? Ты пока так и не нашла Холли Девайн. Ты уверена, что она жива?

– Я постоянно звоню ее отцу, а он каждый раз отказывается со мной говорить. Может, это и к лучшему. Если ее не можем найти мы, то не может и убийца.

Маура взглянула на Джейн:

– Раз ты так уверена, что Мартин Станек – убийца, то почему ты его не арестуешь?

Молчание Джейн говорило о многом. Несколько секунд она просто молча смотрела на караван машин, растянувшийся перед ними.

– Я это не могу доказать, – призналась она наконец.

– Ты обыскивала его квартиру. Так ничего и не нашла?

– Ни кетамина, ни клейкой ленты, ни скальпелей – ничего. Машины у него нет, как же он мог перевезти тело Тима Макдугала на пристань? К тому же у него железное алиби на канун Рождества. Он ел в бесплатной кухне при церкви. Монахини его помнят.

– Может быть, он не твой преступник.

– Или работает с напарником. Кем-то, кто за него совершает убийства. Станек двадцать лет отсидел в тюрьме. Кто знает, какие он там завел знакомства. Кто-то наверняка ему помогает.

– Ты уже прослушиваешь его телефон. С кем он говорит?

– Ну, с теми, с кем и можно ожидать. Со своим адвокатом, местной пиццерией. С какой-то журналисткой, которая пишет книгу. С риелтором, который продает родительский дом.

– И никого с криминальным прошлым?

– Нет, все они чисты как новорожденные. – Джейн сердито уставилась на дорогу.

Прошла минута.

– А что, если Станек невиновен? – тихо спросила Маура.

– У него одного есть мотив. Кто еще может быть?

– Меня беспокоит, что мы слишком быстро остановились на нем.

Джейн взглянула на нее:

– Ну хорошо. Скажи мне, что тебя беспокоит.

– Слова Амальтеи. Она сказала, что я слишком уверена в себе, а потому слепа. Не могу увидеть правду.

– Опять она залезла тебе в голову.

– Что, если мы все слепы, Джейн? Что, если Мартин Станек вообще ни в чем не виноват?

Джейн разочарованно застонала и резко свернула к следующему съезду.

– Ты куда?

– Заедем в Бруклайн. Я покажу тебе старый центр продленного дня «Яблоко».

– Он все еще там?

– Он в крыле дома Станеков. Мы с Фростом осматривали его вчера. Дом уже много лет как выставлен на продажу, но ни одного предложения не поступило. Наверно, никто не хочет покупать дом с такой дьявольской аурой.

– Зачем ты везешь меня туда?

– Затем, что Амальтея запустила тебе жука в ухо и теперь ты подвергаешь сомнению все, что я говорю. Хочу тебе показать, почему я думаю, что Мартин Станек виновен на все сто.

К тому времени, когда они добрались до дома Станеков, солнце уже начало клониться к закату и деревья отбрасывали тщедушные тени на покрытый снегом передний двор. Столб все еще оставался у ворот, но вывеска «Центр продленного дня „Яблоня“» давно исчезла, и единственным свидетельством того, что в этом дворе когда-то играли дети, были обветшалые качели. Маура помедлила немного в теплой машине – не хотелось выходить на холод и тащиться к просевшему крыльцу. Дом представлял собой типичное для Новой Англии строение с деревянными ставнями и двустворчатыми подъемными окнами, краска на дощатой обшивке шелушилась от времени. Разрушающаяся дранка на крыше загрязняла снег внизу крошками битума.

– Что именно ты мне хочешь показать?

– Идем. – Джейн распахнула дверь машины. – Сама увидишь.

Дорожка к крыльцу в неглубоком снегу уже была протоптана Фростом и Джейн, которые приезжали сюда день назад, и женщины прошли по вчерашним обледеневшим следам.

– Лестница разваливается, так что осторожнее, – предупредила Джейн.

– И весь дом в таком же состоянии?

– Практически это руины. – Джейн подняла камень возле двери и взяла лежащий под ним ключ. – Не понимаю, зачем риелтору запирать тут дверь. Ему бы следовало пригласить вандалов, чтобы они разнесли этот дом на части и решили бы проблему. – Джейн толкнула входную дверь, и

та издала скрип, как в доме, населенном привидениями. – Добро пожаловать в Сатанинский центр продленного дня.

Температура в доме, казалось, была еще ниже, чем снаружи. Маура остановилась в темной прихожей, скользнула взглядом по отваливающимся обоям с изящными розами – этот цветочный рисунок, вероятно, украшал дома бессчетного числа старушек. В коридоре висело разбитое зеркало, а на дощатом сосновом полу лежали мертвые листья и другая грязь, нанесенная внутрь ветром, когда сюда входили посетители.

– Лестница ведет к трем спальням, где жили Станеки. Смотреть там нечего – одни стены. Мебель продали много лет назад с аукциона, чтобы оплатить счета адвокатов.

– Мартин Станек все еще остается собственником?

– Да. Но жить здесь он не может, будучи объявлен сексуальным насильником. И налог на собственность он не может платить, поэтому вынужден выставить дом на продажу. – Джейн махнула рукой в коридор. – Центр продленного дня работал там. Его-то я и хочу тебе показать.

Маура пошла за Джейн мимо ванной с отсутствующей напольной плиткой и унитазом, побуревшим от ржавчины, и вскоре оказалась в игровой комнате «Яблони». Широкие окна выходили в задний двор, поросший молодыми деревцами: лес подошел к дому почти вплотную. С потолка капала вода, и от ковра несло запахом плесени.

– Взгляни на стену, – сказала Джейн.

Маура уставилась на галерею портретов – эти персонажи были ей теперь знакомы.

– Ты узнала ее? – спросила Джейн, показывая на портрет женщины с безмятежным лицом, держащую в руке два глазных яблока. – Наша старая подружка святая Луция. А здесь, гляди-ка, святой Себастьян, пронзенный стрелами. Святой Виталий. Святая Жанна, сожженная на костре. Ирена Станек в воскресной школе преподавала основы веры. И она постаралась, чтобы дети запомнили дни всех святых. Она даже заставила их написать свои имена под теми святыми, день памяти которых приходился на их дни рождения. Посмотри, кто у нас под святой Луцией.

Маура нахмурилась, глядя на печатные буквы, начертанные детской рукой: «Кассандра Койл».

– А вот тут под святым Себастьяном написал свое имя Тимоти Макдугал. А Билли Салливан – под святым Виталием. Эти детишки словно подписали себе смертные приговоры двадцать лет назад.

– Изображения святых можно увидеть во всех католических школах. Это ничего не доказывает, Джейн.

– В этом доме вырос Мартин Станек. Каждый день он видел эту стену со святыми. Он знал, кто из детей родился в день святой Луции, а кто – святой Жанны. И ты посмотри, как Ирена пометила мучеников золотыми звездами. Слава тебе, твой святой умер мученической смертью! Побит камнями, распят, заживо освежеван. Все главные хиты церкви здесь, и Мартин жил с ними. Может, они его и вдохновляли.

Маура вгляделась в парное изображение мучениц, одна из которых держала меч. Тех же мучениц она видела в церкви Пресвятой Богородицы. Святая Фуска и святая Маура. Обезглавлены.

– А вот имя пятой свидетельницы. Той, кого мы не можем найти.

Она показала на имя «Холли Девайн», написанное печатными буквами под изображением человека, из разверстого рта которого ручьем текла кровь.

– Святой Ливинус, – сказала Маура.

– Если мы вскорости не найдем Холли, вот так она и закончит. Как бедный старый Ливинус, которому вырвали язык, чтобы он перестал молиться.

Мауру пробрала дрожь, и она отвернулась от этой стены ужасов. За окнами темнело, и в доме становилось все холоднее, озноб пробирал до костей. Маура подошла к окну и посмотрела на заросший задний двор, погружающийся в закатные сумерки.

– Я все время думаю о Реджине, – сказала Джейн. – Что, если бы она попала в такое заведение? Ты делаешь все, чтобы твой ребенок был в безопасности, чтобы был защищен от монстров, но потом тебе приходится оплатить счет и отправиться на работу. Ты должна кому-то доверить своего ребенка.

– Тебе повезло: у тебя есть мать.

– Да, но если бы моя мать не смогла сидеть с Реджиной? А если бы у меня не было матери? Уверена, у некоторых из этих родителей не было выбора, но неужели они не чувствовали, что в этом доме что-то не так?

– Ты говоришь это, потому что знаешь историю дома.

– Неужели ты не чувствуешь его атмосферу?

– Я не верю в подобные вещи.

– Только потому, что не можешь измерить их своими затейливыми научными приборами.

– Что я могу измерить, так это температуру, и мне холодно. Если здесь больше нечего смотреть, я бы хотела… – Маура неожиданно замолчала, глядя на деревья. – Там кто-то есть.

Джейн повернулась к окну:

– Я никого не вижу.

– Он стоял на краю леса. Смотрел в нашу сторону.

– Пойду проверю.

– Постой. Ты не думаешь, что нужно вызвать подкрепление?

Но Джейн уже выбегала из дома через заднюю дверь.

Маура вышла наружу и увидела, как Джейн бросилась в заросли елей и затерялась среди теней. Было слышно, как она бежит через кусты, ветки трещали под ее ногами, как резкие взрывы.

Потом – тишина.

– Джейн?

С бешено бьющимся сердцем Маура пошла по следам Джейн через двор, а потом в темноту леса. Под слоем снега прятались корни и упавшие ветки, и, пробираясь между деревьями, Маура производила шума не меньше, чем слон. Она представляла себе Джейн, распростертую на снегу, и убийцу над ней, собирающегося нанести смертельный удар.

«Надо вызвать подкрепление».

Она вытащила сотовый из кармана и негнущимися от холода пальцами принялась набирать ПИН-код, но тут услышала громкую команду:

– Не двигаться! Полиция!

Маура пошла на звук голоса Джейн и вскоре оказалась на полянке, где стояла Джейн, держа пистолет обеими руками. В нескольких ярдах от нее стояла другая фигура с поднятыми к небу руками. Лица человека не было видно под капюшоном.

– Вызвать подкрепление? – спросила Маура.

– Сначала посмотрим, кто у нас здесь, – сказала Джейн и скомандовала фигуре: – Назовите свое имя.

– Могу я сначала опустить руки? – раздался спокойный ответ.

Женский голос.

– Хорошо. Только медленно, – согласилась Джейн.

Женщина опустила руки и откинула капюшон. Несмотря на направленный на нее пистолет, она казалась удивительно спокойной.

– В чем дело? Я что, нарушила какой-то закон, гуляя здесь?

Джейн опустила пистолет и произнесла удивленным голосом:

– Это вы.

– Прошу прощения. Мы знакомы?

– Вы присутствовали на похоронах Кассандры Койл. И Тимоти Макдугала. Что вы здесь делаете?

– Ищу собаку моего отца.

– Вы здесь живете?

– Отец здесь живет. – Молодая женщина показала на деревья, за которыми угадывался свет в домах. – У него собака убежала, и я пошла искать. Увидела вашу машину и подумала, что кто-то пытается попасть в прежний центр продленного дня.

– Вы Холли Девайн, верно? – спросила Джейн.

Несколько мгновений женщина молчала. Когда она заговорила, голос ее звучал едва ли громче шепота.

– Меня много лет не называли этим именем.

– Мы пытались найти вас, Холли. Я несколько раз звонила вашему отцу, но он отказался говорить, где вы.

– Потому что он никому не верит.

– Ну, вам придется поверить мне. От этого может зависеть ваша жизнь.

– О чем это вы?

– Посидим где-нибудь в теплом месте, и я вам расскажу.

27

Лай собаки встретил их, стоило им подняться по ступенькам крыльца скромного дома Эрла Девайна. Судя по лаю, собака была большая, и Маура отстала на пару шагов, представляя себе, как на них набросятся шерсть и зубы, когда Холли откроет входную дверь. Черный лабрадор проявил гораздо меньше интереса к визитерам, чем к Холли, которая опустилась на колени и обхватила его голову руками.

– Значит, сам пришел домой, противный мальчишка, – принялась выговаривать ему Холли. – В последний раз ходила тебя искать.

– Кто эти люди? – прозвучал хриплый голос.

Эрл Девайн стоял в конце коридора, его лицо освещалось желтым светом лампы. Судя по одежде, которая свободно висела на его тощей фигуре, за последнее время он потерял немало веса, но Мауру и Джейн он встретил в позе боксера, словно приготовился в бою защищать дочь.

– Я ходила искать Джо и встретила этих дам у старого центра продленки, – ответила Холли. – Смотрю, Джо решил сам вернуться домой.

– Да, он вернулся, – сказал Эрл, не сводя глаз с Джейн и Мауры. – Вы кто?

– Я говорила с вами по телефону, мистер Девайн, – сказала Джейн. – Детектив бостонской полиции Джейн Риццоли.

Эрл посмотрел на ее протянутую руку и в конечном счете решил ее пожать.

– Значит, вы все-таки нашли мою девочку.

– Вы могли бы избавить меня от многих хлопот, просто сказав, где ее найти.

– Я им объяснила, что ты не доверяешь людям, папа.

– Даже полиции? – спросила Джейн.

– Полиции? – фыркнул Эрл. – Почему я должен доверять полиции? Достаточно посмотреть новости. Сейчас коп может пристрелить тебя с такой же вероятностью, как и помочь.

– Мы всего лишь пытаемся обеспечить безопасность вашей дочери.

– Да, вы так сказали по телефону, но откуда я мог знать, что вы говорите правду? Откуда я мог знать, что вы – коп?

– У моего отца есть основания быть осторожным, – вмешалась Холли. – Некоторое время меня преследовал один человек. Мне пришлось поменять фамилию с Девайн на Донован, чтобы он не смог меня найти.

– Он все еще звонит сюда, спрашивает ее, – проворчал Эрл. – Даже нанял какую-то женщину, чтобы позвонила и назвалась журналисткой, которая хочет поговорить с Холли. Я бы вам все равно не поверил, когда вы представились копом.

– И кто этот преследователь? – спросила Джейн.

– Один молодой человек, которого Холли знала прежде. Он повадился сюда приходить, спрашивать про нее, но под конец я его хорошо отвадил. Если он знает, что для него благо, то будет держаться подальше от моей девочки.

– Они здесь не из-за моего преследователя, папа, – сказала Холли.

– Нас привело к вам дело «Яблони», сэр, – уточнила Джейн.

Эрл нахмурился, глядя на нее:

– С чего вдруг? Это было так давно. Дело закрыто и закончено, виновные получили сроки.

– Мартин Станек вышел на свободу. Мы считаем, что он горит желанием отомстить всем, из-за кого его посадили, и опасаемся, что он может прийти за Холли.

– Разве он ей угрожал?

– Нет. Но трое из детей, дававших показания против него, недавно убиты. Четвертый пропал. Вы можете догадаться, почему нас беспокоит безопасность вашей дочери.

Секунду-другую он смотрел на Джейн, потом мрачно кивнул:

– Давайте послушаем, что вы собираетесь с этим делать.

Они разместились в тесной гостиной Эрла, где протертый диван и кресла из искусственной кожи, казалось, вросли в пол, потому что очень долго были частью дома. На одном из кресел виднелся вечный отпечаток спины Эрла, под которую он, усевшись, приткнул подушку. Холли принесла кружки с кофе для двух гостей, но Маура, взглянув на грязную каемку, незаметно поставила свою на пол. Пятна были здесь повсюду: разводы на ковре от щенячьего недержания, несколько мест на подлокотнике дивана, прожженных сигаретой, налет плесени на потолке там, где просочился дождь. Ни книг, ни журналов, только стопка бесплатных газетенок и газетных купонов. Пока они разговаривали, телевизор продолжал работать – вечно присутствующая здесь светящаяся сущность.

– Имена тех детей суд засекретил, это нам обещал прокурор, – сказал Эрл Девайн, не сводя строгого взгляда с лица Джейн. – Как вы вообще узнали про Холли?

– Собственно говоря, мистер Девайн, ваша дочь засветилась на похоронах. – Она повернулась к Холли. – Вы присутствовали на похоронах Кассандры и на похоронах Тима. Значит, вы как-то узнали, что их убили.

Эрл нахмурился и посмотрел на дочь:

– Ты не говорила, что ходила на их похороны.

– Мне нужно было понять, связаны ли как-то между собой их убийства, – сказала Холли. – Никто ведь ничего не сообщал.

– Потому что в то время никто и не знал, что между ними есть связь, – пояснила Джейн. – Но вы-то знали, Холли. Вы могли бы облегчить мою работу, если бы просто сняли трубку и позвонили в полицию. Почему вы не позвонили?

– Я надеялась, что это просто совпадение. Сомневалась.

– Почему вы не позвонили, Холли? – повторила Джейн.

Холли уставилась на нее, на мгновение лишившись дара речи из-за резкого тона вопроса. Наконец она смиренно опустила взгляд:

– Нужно было позвонить. Виновата.

– Если бы позвонили, то Билл Салливан был бы сейчас жив.

– Что случилось с Билли? – спросил Эрл.

– Он исчез, – ответила Джейн. – Судя по обстоятельствам его исчезновения и следам крови в его машине, он может быть мертв.

Маура, не отрывавшая глаз от Холли, увидела, как голова молодой женщины дернулась при этих словах. В ее глазах читалось искреннее потрясение.

– Билли мертв?

– Вы не знали? – спросила Джейн.

– Нет. Нет, я и представить себе не могла, что он…

– Вы сказали, что четверо из тех детей мертвы, – перебил ее Эрл. – Но назвали нам только троих.

– Сара Бирн погибла во время пожара в ноябре. Ее смерть классифицировали как несчастный случай, но теперь следствие вернулось к обстоятельствам ее гибели. Так что вы должны понять, почему мы искали вашу дочь. – Джейн посмотрела на Холли. – Есть какая-то причина, по которой вы избегали полиции…

– Нет, постойте-ка, – вмешался Эрл.

Но Джейн подняла руку, призывая его помолчать:

– Я хочу услышать, что скажет ваша дочь.

Все посмотрели на Холли, и ей пришлось собраться с мужеством, чтобы дать ответ. Она выпрямилась и смело встретила взгляд Джейн:

– Все это быльем поросло, и я хотела, чтобы так и оставалось. Не хотела, чтобы кто-нибудь знал.

– Знал о чем?

– О «Яблоне». О том, что сделали со мной эти люди. Вам не понять, как такие вещи меняют вашу жизнь. Вам не понять, что ты чувствуешь, когда понимаешь, что все вокруг знают о совершенном над тобой насилии. Они смотрят на тебя и все это время представляют себе… – Она обхватила себя руками и уставилась на грязный ковер. – Подумать только, ведь это моя мать отдала меня туда. Она сказала, что мне небезопасно возвращаться одной после школы. Она думала, что за каждым деревом

прячутся насильники, только и выжидающие случая, чтобы меня изнасиловать.

– Холли, – предостерегающе произнес Эрл.

– Это так, папа. Так думала мама, она представляла себе насильников повсюду. И мне каждый день приходилось садиться в этот автобус, и он вез нас туда. Словно ягнят на заклание. – Она подняла глаза на Джейн. – Вы читали дела, детектив. Вы знаете, что с нами творили.

– Знаю, – проговорила Джейн.

– Все потому, что мать искала для меня безопасное место.

– Оставь свою горечь, Холли. Это не приносит тебе никакой пользы. – Эрл посмотрел на Джейн. – У моей жены было трудное детство. Когда она была совсем девочкой, с ней случилось такое… такое, чего она всю жизнь стыдилась. У нее был дядюшка, который… – Эрл помолчал. – В общем, она пребывала в ужасе оттого, что это же может случиться с Холли. Она умерла через несколько месяцев после окончания процесса. Вероятно, от переживаний. Нам с Холли пришлось самим заботиться о себе, двое нас осталось, но я думаю, мы справились. Взгляните на мою девочку! Она окончила колледж, нашла себе хорошую работу. Меньше всего ей теперь хочется, чтобы опять на свет божий вылезла история «Яблони».

– То, что делаем мы, мы делаем ради Холли, мистер Девайн. Мы хотим, чтобы ей ничто не угрожало.

– Так арестуйте ублюдка.

– Пока не можем. Нужны доказательства. – Джейн обратилась к Холли. – Я знаю, вам нелегко. Я знаю, это тяжелые воспоминания. Но в ваших силах помочь нам отправить Мартина Станека за решетку навсегда.

Холли посмотрела на отца, словно ища его одобрения. Эти двое были необычно близки; узы, связывавшие отца и дочь, укрепились за годы одиночества, когда вдовец оставался с дочерью.

– Говори, детка, – велел Эрл. – Скажи им, что они хотят. Отправим этого сукина сына за решетку навсегда.

– Понимаете, просто… ну, мне трудно говорить о том, что Мартин… что он сделал со мной… когда папа здесь сидит. Мне неловко.

– Мистер Девайн, вы не могли бы оставить нас на некоторое время? – попросила Джейн.

Эрл поднялся на ноги:

– Я ухожу, можете говорить. Если тебе что понадобится, детка, ты только крикни.

Он ушел в кухню, и они услышали звук льющейся из крана воды. Звяканье кастрюли о плиту.

– Он любит готовить мне обед, когда я приезжаю, – сказала Холли и добавила с иронической улыбкой: – Вообще-то, он плохой повар, но так он показывает, что любит меня.

– Мы видим, как он вас любит, – вставила Маура.

Впервые за все время разговора Холли обратила внимание на Мауру. До этой минуты Маура помалкивала, позволяя Джейн вести разговор, но в этом доме она ощущала странные эмоциональные потоки и спрашивала себя, чувствует ли их Джейн. Замечает ли она, как часто отец и дочь смотрят друг на друга в поисках поддержки.

– Я несколько месяцев не приезжала сюда – мы опасались, что мой преследователь наблюдает за домом. Папе было очень тяжело меня не видеть. Он мой лучший друг.

– И все же вы не можете говорить о Мартине Станеке в его присутствии, – сказала Джейн.

Холли недовольно взглянула на нее:

– Вы бы могли рассказывать своему отцу, как вас насиловали? Как вам вставляли пенис в рот?

Джейн помолчала.

– Нет, – сказала она наконец. – Не могла бы.

– Тогда вы должны понимать, почему ни он, ни я никогда об этом не говорим.

– Но нам с вами об этом придется поговорить, Холли. Вы должны помочь нам, чтобы мы смогли обеспечить вашу безопасность.

– Так и обвинитель говорила: «Скажи нам все, что случилось, и тебе нечего будет бояться». Но я боялась. Не хотела исчезнуть, как Лиззи.

– Вы знали Лиззи Дипальму?

Холли кивнула:

– Мы с ней каждый день вместе ездили на автобусе Мартина в «Яблоню». Лиззи была гораздо умнее меня. И такая непримиримая. Она бы кому угодно отпор дала. Может быть, только убив Лиззи, он смог заставить ее замолчать, не звать на помощь. Или не дать ей рассказать о том, что он сделал с ней. Ее похитили в субботу, так что никто из детей этого не видел. Мы понятия не имели, что случилось с Лиззи. – Холли глубоко вздохнула и посмотрела на Джейн. – Пока я не нашла ее шапочку.

– В автобусе Мартина, – уточнила Джейн.

Холли кивнула:

– Тогда-то я и поняла, что он с ней сделал. Я знала, что теперь должна все рассказать. Я рада, что мама мне поверила. После того, что случилось с ней в детстве, она поверила каждому моему слову. Но некоторые из родителей не верили тому, что говорили их собственные дети.

– Потому что рассказам других детей было трудно поверить, – сказала Джейн. – Тимоти говорил о тигре, летающем по лесу. Сара рассказывала, что в «Яблоне» есть тайный подвал, куда сбрасывают мертвых детей. Но полиция все обыскала и никакого подвала не нашла. И конечно, никаких летающих тигров не было.

– Тимми и Сара были совсем маленькими. Сбить их с толку не составляло труда.

– Но вы должны понимать, почему некоторые из обвинений были отвергнуты.

– Вас там не было, детектив. Вам не приходилось каждый день видеть стену с мучениками и повторять, как они умерли. Святой Петр Веронский – его голову размозжили топором. Святой Лаврентий – его утопили, привязав якорь к шее. Если твой день рождения выпадал на день памяти какого-то из мучеников, то тебе позволялось надеть корону мученика и держать пальмовый лист, а все остальные танцевали вокруг тебя. Наши родители считали это очень полезным! Но это было сплошное лицемерие, зло, маскирующееся под благочестие. – Холли пробрала дрожь. – Однако после исчезновения Лиззи я наконец набралась смелости и стала говорить, потому что знала: следующей после Лиззи могу стать я. И поэтому я сказала всю правду. Вот почему Мартин хочет мне отомстить.

– Мы позаботимся о вашей безопасности, Холли, – пообещала Джейн. – Но и вы должны нам помочь.

– Как?

– Пока мы не соберем достаточно улик против Мартина Станека, вам нужно уехать. У вас есть друг, который бы принял вас?

– Нет. Кроме отца, у меня никого нет.

– Это место не годится. Тут-то Станек и будет искать вас в первую очередь.

– Я не могу оставить работу. Мне нужно оплачивать счета. – Она переводила взгляд с Джейн на Мауру и обратно. – Он ведь меня до сих пор не нашел. Разве я не буду в безопасности у себя в квартире? А что, если я куплю пистолет?

– У вас есть разрешение на ношение оружия? – спросила Джейн.

– А это имеет значение?

– Вы же знаете: я как полицейский не могу советовать вам нарушать закон.

– Но иногда закон идет против здравого смысла. Какая будет польза от ваших дурацких законов, если меня убьют?

– А как насчет полицейской защиты, Джейн? Прикрепи к ней полицейского для охраны.

– Подумаю, что мне удастся сделать, но наши ресурсы не безграничны. – Джейн посмотрела на Холли. – А пока наилучший для вас способ обеспечения безопасности – готовность к опасности. Вы должны знать, что вам может грозить. Мы считаем, что Станеку кто-то помогает. Его напарником может быть и мужчина, и женщина. Вы все время должны быть начеку. Мы знаем, что две жертвы получили порцию алкоголя с кетамином. И возможно, это случилось в баре. Не выпивайте с незнакомыми людьми. И вообще, держитесь подальше от мест, где люди выпивают.

Холли посмотрела на нее широко раскрытыми глазами:

– Вот как он это делает? Подмешивает что-то в выпивку?

– Но с вами этого не случится, вы осведомлены.

Зазвонил сотовый Джейн, и она торопливо ответила:

– Риццоли.

Маура вздрогнула, когда мгновение спустя Джейн вскочила на ноги и вышла, чтобы продолжить разговор без свидетелей. Впрочем, через закрытую входную дверь вопросы Джейн были слышны:

– Как это случилось? Кто его стерег, черт побери?

– Что происходит? – спросила Холли.

– Не знаю. Сейчас выясню.

Маура вышла следом за Джейн на крыльцо и закрыла за собой дверь. Она стояла на морозе, дрожа от холода, и ждала, когда Джейн закончит разговор.

– Господи Исусе. – Джейн отключилась и повернулась к Мауре. – Мартин Станек ушел.

– Что? Когда?

– За его квартирой наблюдали с улицы. Он вышел через заднюю дверь, и никто его не заметил. Мы понятия не имеем, куда он отправился.

Маура оглянулась на дом, увидела лицо Холли, прижатое к оконному стеклу, и тихо сказала:

– Ты должна его найти.

Джейн кивнула:

– Прежде чем он найдет ее.

28

В окно гостиной я наблюдаю за тем, как детектив Риццоли и доктор Айлз отъезжают от дома. Потом я поворачиваюсь к отцу и говорю:

– Папа, мне страшно.

– Ты не должна бояться.

– Но они понятия не имеют, где он.

Папа обнимает меня и притягивает к себе. Прежде, прижимаясь к отцу, я словно прижималась к мощному древесному стволу. Он так сильно

потерял в весе. Теперь я словно обнимаю мешок с костями и чувствую, как в этой хрупкой груди стучит в такт с моим его сердце.

– Если он придет за моей девочкой, он, считай, покойник. – Папа поднимает мою голову за подбородок и заглядывает мне в глаза. – Не бойся. Папа обо всем позаботится.

– Ты обещаешь?

– Обещаю. – Он берет меня за руку. – А теперь идем-ка в кухню. Я хочу тебе что-то показать.

29

– Как мы будем обеспечивать ее безопасность, пока не найдем Мартина Станека? – спросил детектив Там.

Этот вопрос вертелся в голове у всех, кто сидел за круглым столом для совещаний в Бостонском управлении полиции. Следственную группу расширили, включив в нее детективов Даррен Кроу и Джонни Тама, и сегодня утром к ним присоединился доктор Цукер. Они не сомневались, что следующая цель Станека – Холли, но не знали, где и когда он нанесет удар.

– Для человека, чьей жизни угрожает опасность, она ведет себя довольно легкомысленно, – заметил Кроу. – Вчера утром, когда мы с Тамом пришли в ее квартиру, чтобы проверить охранную сигнализацию, она даже не нашла времени поговорить с нами. Заявила, что опаздывает на работу, и убежала.

– Но вот хорошая новость, – сказал Там. – Я выяснил: у ее отца есть разрешение на ношение оружия. К тому же мистер Девайн – ветеран ВМФ. Может быть, удастся уговорить ее, чтобы отец временно переехал к ней. Никто не сможет защитить девушку лучше, чем папа с пистолетом.

Джейн фыркнула:

– Я бы отстреливалась сама, но не разрешила бы отцу жить в моем доме. Нет, Холли не из тех, кто позволит собой помыкать. У нее своя голова на плечах, и она… другая. Я в ней толком не разобралась.

– Другая в каком смысле? – спросил доктор Цукер.

Именно такой вопрос должен был задать полицейский психолог, и Джейн задумалась, пытаясь сформулировать четкий ответ. Объяснить, что ее тревожит в личности Холли Девайн.

– Она кажется мне до странности спокойной и собранной в такой-то ситуации. Не слушает советов, которые мы даем. Не хочет уезжать из города, не хочет оставлять работу. Она сама себе голова и не позволяет нам забывать об этом.

– В вашем голосе звучит восхищение, детектив Риццоли.

Джейн встретила змеиный взгляд Цукера. Почувствовала, что он, как обычно, изучает ее, – ученый, докапывающийся до самых сокровенных тайн.

– Да, я восхищаюсь ею. Я считаю, что мы сами должны управлять своей жизнью.

– Но это, безусловно, затрудняет ее защиту, – заметил Там.

– Я предупредила ее о том, как могли попасть в ловушку другие жертвы. Как выпивали алкогольные напитки с подмешанным в него кетамином. Холли знает, чего ей опасаться, и это лучшая защита. – Джейн помолчала. – Она может облегчить нашу жизнь, если будет ходить в полный рост, а не прятаться.

– Мы будем использовать ее как наживку? – спросил Кроу.

– Не использовать ее в прямом смысле, а воспользоваться преимуществом, которое нам дает ее сильная воля. Да, она знает, что Станек ее разыскивает, но не позволяет ему нарушать ход ее жизни и не меняет своих привычек. Я бы на ее месте вела себя точно так же. Да что говорить, именно так я и вела себя, когда несколько лет назад оказалась в подобной ситуации.

– О какой ситуации ты говоришь? – спросил Там.

Он недавно поступил в отдел по расследованию убийств и не участвовал в следствии четырехлетней давности, когда Джейн, охотясь за убийцей по прозвищу Хирург, вдруг сама оказалась преследуемой этим хищником.

– Она говорит об Уоррене Хойте, – тихо ответил Фрост.

– Когда преступник вынуждает тебя менять привычки, он уже побеждает, – сказала Джейн. – Холли отказывается сдаваться. И если уж она так дьявольски упряма, я бы сказала, нам это на руку. Мы ведем за ней наблюдение, мы установили камеры слежения в ее доме и на работе. Мы ждем, когда Станек сделает следующий ход.

– А она не согласится носить браслет-навигатор? – спросил Там. – Это помогло бы нам следить за ее перемещениями.

– Вот ты и попытайся ее убедить.

– Почему эта женщина так упряма? – спросил Цукер. – У вас нет никаких подозрений, детектив Риццоли?

– Я думаю, такой у нее характер. Не забывайте, Холли умеет давать сдачи. Она была первым ребенком, который решился обвинить Станека в сексуальном насилии, а для этого десятилетняя девочка должна иметь крепкие нервы. Без Холли не было бы арестов, не было бы суда. Надругательства могли бы продолжаться еще долгие годы.

– Да, я читал запись ее беседы с психологом, – сказал Цукер. – Холли описывала все четко и достоверно, тогда как рассказы других детей явно были засоренными.

– Что вы имеете в виду под «засоренными», доктор Цукер? – спросил Там.

– Истории, рассказанные младшими детьми, были просто абсурдными. Пятилетний мальчик говорил о тигре, летающем по лесу. Одна девочка утверждала, что в жертву дьяволу приносились коты и младенцы, которых потом сбрасывали в подвал.

– Дети любят приукрашивать, – пожала плечами Джейн.

– А не направляли ли их? Не наводило ли их на такие ответы обвинение? Не забывайте, процесс над Станеками проходил не в лучшие для уголовного правосудия времена, когда общественность верила в существование сатанинских культов по всей стране. В начале девяностых я присутствовал на конференции психологов-криминалистов и слышал, как так называемый эксперт рассуждала об огромной сети этих культов, которые подвергают детей насилию и даже приносят в жертву младенцев. Она утверждала, что четверть ее пациентов являются потерпевшими от ритуального насилия. По всей стране проходили уголовные процессы, похожие на случай с «Яблоней». К сожалению, многие из них основывались не на фактах, а на страхах и суевериях.

– Зачем детям рассказывать такие истории, если в них нет ни малейшей доли правды? – спросил Там.

– Давайте рассмотрим один из процессов по ритуальному насилию – я говорю о подготовительной школе Макмартина в Калифорнии[19]. Расследование началось с того, что некая шизофреничка-мать заявила,

будто ее ребенка растлил школьный учитель. Полиция разослала письма всем другим родителям с предупреждением о том, что их дети тоже могли стать жертвами, и, когда дело довели до суда, обвинения умножились и выросли до невероятных размеров. Говорилось о диких оргиях, о том, что детей в тайных комнатах сплавляли в канализацию, что насильники летали по воздуху, как колдуны. В результате невинный человек был приговорен и просидел пять лет в тюрьме.

– Уж не хотите ли вы сказать, что Мартин Станек невиновен? – спросила Джейн.

– Я просто ставлю под сомнение корректность получения показаний у детей из «Яблони». Какая часть этих показаний – чистая фантазия? В какой степени детей наводили на подобные ответы?

– У Холли Девайн были реальные физические повреждения, – заметила Джейн. – Осматривавшие ее врачи обнаружили синяки на голове, множественные царапины на лице и руках.

– У других детей таких повреждений не было.

– Психолог обвинения утверждала, что дети, с которыми она общалась, проявляли эмоциональные симптомы, свидетельствовавшие о том, что они подвергались насилию. Боязнь темноты, недержание по ночам. Ночные страхи. Я могу вам в точности зачитать, что сказал по этому поводу судья. Он сказал, что этим детям нанесен глубокий и воистину ужасающий вред.

– Конечно, он так сказал. Всю страну охватило тогда помешательство на почве сексуального насилия.

– От помешательства дети не исчезают среди бела дня, – возразила Джейн. – Не забывайте, девятилетняя Лиззи Дипальма исчезла. Ее тело так и не нашли.

– Мартина Станека осудили не за ее убийство.

– Только потому, что жюри не вынесло вердикта «виновен» по этому пункту. Но все знали, что он ее убил.

– А вы обычно доверяете мудрости толпы? – вскинул брови доктор Цукер. – Моя роль криминального психолога состоит в том, чтобы предложить вам иную перспективу, указать на то, что вы могли упустить. Человеческое поведение не такое черное и белое, как иногда хочется думать. У людей бывает сложная мотивация, возможности правосудия

ограничиваются несовершенством человеческих существ. Ведь наверняка что-то в обвинениях этих детей должно вас настораживать.

– Обвинитель им поверил.

– Вашей дочери около трех лет, так? Представьте себе, что ее наделяют властью посадить целую семью в тюрьму.

– Дети в «Яблоне» были старше моей дочери.

– Но не обязательно более точны и правдивы.

Джейн вздохнула:

– Теперь вы говорите как доктор Айлз.

– О да. Вечный скептик.

– Вы можете быть каким угодно скептиком, доктор Цукер. Но факт остается фактом: двадцать лет назад Лиззи Дипальма пропала. Ее шапочку нашли в школьном автобусе «Яблони», после чего Мартин Станек стал главным подозреваемым. Теперь убивают тех, кто тогда обвинял его в сексуальном насилии. И Станек как нельзя лучше подходит на роль убийцы.

– Убедите меня. Найдите улики, привязывающие его к этим убийствам. Хоть какие-то улики.

– Любой преступник совершает ошибки, – сказала Джейн. – Мы найдем его по ошибкам.

* * *

Мать Билли Салливана жила теперь в красивом особняке в стиле Тюдоров, всего лишь в миле от более скромного бруклайнского района, где вырос Билли. После ледяного утреннего дождя на живой изгороди повисли сосульки, а выложенная кирпичом дорожка к дому превратилась в настоящий каток. Фрост и Джейн несколько секунд оставались в машине, готовили себя к холоду. И к предстоявшему им жуткому разговору.

– Она, наверное, уже догадывается, что ее сын мертв, – сказал Фрост.

– Но о худшем она еще не знает. И я не собираюсь ей говорить, как он, скорее всего, умер.

Похоронен заживо, как святой Виталий. Или убийца проявил милосердие и, прежде чем бросить первую лопату земли на тело, убедился, что он не дышит? Джейн не хотела думать об альтернативе: Билли еще жив и в сознании, лежит в гробу, мерзлые земляные комочки ударяют по крышке. Или связанный и беспомощный лежит в земле без гроба, задыхается по мере того, как земля твердеет на его лице. Вот он где, источник кошмаров; вот до чего может ее довести работа, если она это допустит.

– Ладно, пошли. Рано или поздно, но все равно придется с ней говорить, – сказал Фрост.

У входной двери Фрост нажал кнопку звонка, и они стали ждать, поеживаясь, пока ледяной дождь молотил по тротуару и кустарникам. Мать Билли Салливана, наверно, пребывает в ужасе в предчувствии дурных новостей и в то же время отчаянно цепляется за крошечную надежду. Джейн всегда видела огонек надежды, загорающийся в глазах членов семьи; как часто ей приходилось гасить его.

Женщина, открывшая дверь, не пригласила их в дом – встала в дверях, словно не желая впускать трагедию в свои стены. Ее бледное, с сухими глазами лицо было неподвижным, как восковая маска. Сьюзен Салливан отчаянно пыталась держать себя в руках. Ее светлые волосы были зачесаны назад и покрыты лаком, чтобы не растрепались, а кремовые трикотажные брюки и розовый свитер были бы абсолютно на месте в кафе загородного клуба. Она решила надеть жемчужные сережки, хотя этот день вполне мог стать худшим в ее жизни.

– Миссис Салливан, – сказала Джейн. – Я детектив Риццоли, бостонская полиция. Это детектив Фрост. Вы позволите нам войти?

Женщина наконец кивнула и отошла в сторону, пропуская Джейн и Фроста в прихожую. Пока они снимали промокшие куртки, царило мучительное молчание. Хотя над Сьюзен витала угроза страшного известия, она не пренебрегала своими обязанностями хозяйки дома – немного неловко повесила их одежду в шкаф и провела их в гостиную. Внимание Джейн тут же привлекла картина маслом, висящая над камином из плитняка. Это был портрет золотоволосого молодого человека: красивое лицо повернуто к свету, губы чуть искривлены в слегка удивленной улыбке.

«Ее сын Билли».

Это было не единственное изображение Билли. Куда бы Джейн ни бросила взгляд, повсюду она видела его снимки. На фотографии, стоящей на каминной полке, он был снят в плаще выпускника и в

квадратной академической шапочке, лихо заломленной на белокурых волосах. На рояле стояли фотографии Билли в серебряных рамочках: Билли-младенец, Билли-юноша, Билли – загорелый подросток, улыбающийся с борта яхты. Нигде Джейн не заметила фотографий отца мальчика – повсюду только Билли, явный объект обожания матери.

– Я знаю, его смущает, что здесь столько его фотографий, – сказала Сьюзен. – Но я так горжусь им. Он лучший сын, какого только может желать мать.

Она говорила о нем в настоящем времени, огонек надежды все еще горел ярко.

– Простите, а мистер Салливан существует? – спросил Фрост.

– Конечно, – отрезала Сьюзен. – Как и вторая миссис Салливан. Отец Билли ушел от нас, когда Билли было всего двенадцать лет. Мы почти не получаем от него известий, да нам это и ни к чему. Мы прекрасно обходимся без него. Билли обо мне очень хорошо заботится.

– А где ваш бывший муж сейчас?

– Живет где-то в Германии с новой семьей. Но нам нет необходимости говорить о нем.

Она помедлила несколько мгновений, собираясь с силами, и теперь ее самообладание дало трещину, обнажив отчаяние в глазах.

– Вы нашли… вам стало что-нибудь известно? – прошептала она.

– Расследование ведет бруклайнская полиция, миссис Салливан, – ответила Джейн. – Его исчезновение все еще классифицируется как дело о лице, пропавшем без вести.

– Но вы из бостонской полиции.

– Да, мэм.

– По телефону вы сказали, что работаете в отделе по расследованию убийств. – Голос Сьюзен задрожал. – Это означает, что вы считаете…

– Это означает, что мы ведем следствие по разным направлениям, учитывая все вероятности, – сказал Фрост, быстро реагируя на отчаяние женщины. – Я знаю, вы давали подробные показания бруклайнской полиции, и еще я знаю, как трудно вам делать то же самое снова, но, может, вы вспомните что-то новое. Что-то такое, что поможет нам найти вашего сына. В последний раз вы видели Билли вечером в понедельник?

Сьюзен кивнула, положив руки с переплетенными пальцами на колени.

– Мы вместе поели дома. Жареная курица, – добавила она, слабо улыбнувшись воспоминанию. – Потом ему нужно было в офис, доделать какую-то работу. Он ушел около восьми часов.

– Насколько я понимаю, он работает в финансовой области?

– Он портфельный менеджер в «Корнуэлл инвестментс». У него есть несколько клиентов, имеющих активы очень высокой чистой стоимости, которые требуют постоянного внимания, и Билли трудится денно и нощно, чтобы они были довольны. Только не спрашивайте меня, чем конкретно он там занимается. – Она застенчиво покачала головой. – Я почти ничего не понимаю в деньгах, поэтому Билли управляет моими инвестициями и делает это очень хорошо. Потому-то мы и смогли купить этот дом. Без его помощи я бы никогда не сумела это сделать.

– Ваш сын живет здесь с вами?

– Да. Этот дом слишком велик для меня одной. Пять спален. Четыре камина. – Сьюзен подняла голову к двенадцатифутовому потолку. – Я бы чувствовала себя совсем покинутой, останься я одна в этом доме, и потому мы с Билли после ухода его отца – одна команда. Он приглядывает за мной, я – за ним. Идеальное устройство.

Неудивительно, что ее сын так и не женился, подумала Джейн. Кто может конкурировать с этой женщиной?

– Расскажите нам о вечере понедельника, – мягко вернул ее к действительности Фрост. – Что случилось после того, как ваш сын ушел?

– Он сказал, что допоздна будет работать в офисе, и я около десяти легла спать. На следующее утро я проснулась и поняла, что он так и не возвращался. Его телефон не отвечал, и я подумала: что-то случилось. Я позвонила в полицию, и несколько часов спустя они… – Она замолчала и откашлялась. – Они нашли его машину, брошенную около поля для гольфа. Ключи в замке зажигания, его портфель на переднем сиденье. И кровь.

Ее пальцы на коленях снова дрогнули – единственное свидетельство того, что творилось у нее в душе. Джейн подумала, что, если эта женщина все же потеряет самоконтроль и позволит скорби прорваться наружу, видеть это будет невыносимо.

– Полицейские сообщили, что, судя по записи с камеры видеонаблюдения, Билли ушел из офиса в половине одиннадцатого. Но

после этого никто его не видел и не слышал, – сказала Сьюзен. – Ни его коллеги по работе. Ни его секретарь. Никто. – Она посмотрела на Фроста загнанным взглядом. – Если вы знаете, что случилось, не скрывайте от меня. Неизвестность невыносима.

– Пока он не найден, надежда всегда сохраняется, миссис Салливан, – возразил Фрост.

– Да. Надежда. – Сьюзен глубоко вздохнула и выпрямилась. Снова взяла себя в руки. – Вы сказали, дело ведет бруклайнская полиция. Я не понимаю, при чем тут Бостон.

– Исчезновение вашего сына может быть связано с другими делами, которые мы расследуем в Бостоне, – пояснила Джейн.

– С какими делами?

– Вы помните такое имя – Кассандра Койл? Или Тимоти Макдугал?

Несколько секунд Сьюзен сидела совершенно неподвижно, отыскивая давно потерянное воспоминание. Внезапно ее осенило, глаза ее широко раскрылись.

– «Яблоня».

Джейн кивнула:

– Кассандру и Тимоти недавно убили, а теперь исчез ваш сын. Мы считаем, что эти случаи могут быть…

– Извините. Меня тошнит.

Сьюзен поднялась на ноги и выскочила из комнаты. Они услышали, как хлопнула дверь ванной.

– Господи, до чего же я это ненавижу, – простонал Фрост.

Часы на камине громко тикали. Рядом с ними стояла фотография Билли с матерью, оба они улыбались с борта яхты, на корме которой было написано: «El Tesoro, Acapulco».

– Они были очень близки, – сказала Джейн. – Она должна что-то знать. В глубине души она понимает: он ушел навсегда.

Она посмотрела на кофейный столик, на котором были аккуратно разложены номера «Сельскохозяйственного вестника», словно их раскладывал специалист по интерьеру. Идеальная гостиная в идеальном

доме в идеальной до этих пор жизни Сьюзен Салливан. Теперь же она в ванной обнимала унитаз, а ее сын почти наверняка разлагался в могиле.

Раздался звук смываемой воды. Потом стук приближающихся шагов по коридору, и появилась Сьюзен с мрачным лицом и отважно расправленными плечами.

– Я хочу знать, как они умерли, – заявила она. – Что случилось с Кассандрой? С Тимоти?

– Извините, миссис Салливан, но по этим делам ведется активное расследование, – сказала Джейн.

– По вашим словам, они убиты.

– Да.

– Я должна знать больше. Скажите мне.

Подумав секунду-другую, Джейн кивнула:

– Сядьте, пожалуйста.

Сьюзен опустилась в «ушастое» кресло. Лицо ее по-прежнему оставалось бледным, но в глазах появилась сталь.

– Когда произошли эти убийства?

Об этом, по крайней мере, Джейн могла рассказать. Даты были открытой информацией, публиковались в прессе.

– Кассандру убили шестнадцатого декабря, а Тимоти Макдугала – двадцать четвертого декабря.

– Канун Рождества, – пробормотала Сьюзен. Она уставилась на пустое кресло с другой стороны комнаты, словно там задержался призрак ее сына. – Тем вечером мы с Билли приготовили гуся на обед. Весь день провели в кухне, смеялись. Пили вино. Потом открыли подарки и до самого утра смотрели старые фильмы. Вдвоем… – Она замолчала, ее взгляд вернулся к Джейн. – Этот человек вышел из тюрьмы?

Ей не потребовалось называть имя – они знали, о ком она говорит.

– Мартина Станека выпустили в октябре, – ответила Джейн.

– Где он был в день исчезновения моего сына?

– Мы это пока не установили.

– Арестуйте его. Заставьте его заговорить.

– Мы пытаемся его обнаружить. И мы не можем арестовать его, не имея улик.

– Это не первые его убийства, – сказала Сьюзен. – Была еще эта маленькая девочка, Лиззи. Он похитил ее и убил. Это знали все, кроме тех идиотов-присяжных. Если бы они слушали обвинение, этот человек все еще сидел бы в тюрьме. А мой сын… мой Билли… – Она отвернулась, не в силах смотреть на детективов. – Я больше не хочу говорить. Пожалуйста, уйдите.

– Миссис Салливан…

– Пожалуйста.

Джейн и Фрост неохотно поднялись. Ничего полезного они здесь не узнали, только уничтожили своим визитом все надежды, за которые еще, возможно, цеплялась эта женщина. Они ничуть не продвинулись в поисках Мартина Станека.

Вернувшись в машину, Джейн и Фрост бросили последний взгляд на дом, где осталась одинокая женщина, чья жизнь превратилась в руины. В окне гостиной Джейн увидела силуэт Сьюзен – та расхаживала по комнате от стены к стене. Джейн порадовалась, что ее там уже нет, что она дышит воздухом, не насыщенным скорбью.

– Как он это сделал? – спросила она. – Как Станек мог расправиться со здоровым человеком ростом в шесть футов?

– Кетамин с алкоголем. Он использовал это и прежде.

– Но на сей раз, видимо, было какое-то сопротивление. Анализ подтвердил, что кровь в машине – это кровь Билли Салливана, – значит он, вероятно, отбивался. – Джейн завела двигатель. – Давай-ка съездим к полю для гольфа. Хочу посмотреть, где нашли его «БМВ».

Бруклайнская полиция уже обыскала место вокруг машины и ничего там не нашла, а в этот пасмурный день увидеть тут что-то было невозможно. Джейн припарковалась у края поля для гольфа и осмотрела покрытую ледяной коркой площадку. Ледяная крупа молотила по лобовому стеклу и тающими струйками сползала вниз. Камер наблюдения поблизости не оказалось: свидетелей тому, что произошло на этом участке дороги, не было – ни электронных, ни живых, но кровь в машине Билли говорила о многом, хотя и обнаружилось всего несколько брызг на торпеде.

– Убийца бросает машину здесь, но где он подбирает жертву? – задумалась Джейн.

– Если он следовал той же схеме, что и в двух других случаях, то без алкоголя тут не обошлось. Бар, ресторан. Уже был поздний вечер.

Джейн снова завела двигатель:

– Проверим-ка, где он работал.

Когда она заехала на парковку «Корнуэлл инвестментс», часы показывали 6:00, и другие учреждения на улице уже закрылись, но в окнах здания, где работал Билли Салливан, еще горел свет.

– Четыре машины на парковке, – заметила Джейн. – Кто-то работает допоздна.

Фрост показал на камеру наблюдения на парковке:

– Эта камера, вероятно, и зафиксировала его отъезд.

По записи с камеры наблюдения они знали, что вечером в пятницу Билл Салливан вошел в здание в восемь пятнадцать. В десять тридцать он вышел, сел в «БМВ» и уехал. Что случилось потом? Каким образом «БМВ» Салливана с брызгами крови оказался брошенным в нескольких милях отсюда, на границе поля для гольфа?

Джейн открыла дверь машины:

– Давай поболтаем с его коллегами.

Входная дверь была заперта, а жалюзи на окнах не позволяли увидеть, что делается внутри на цокольном этаже. Джейн постучала в дверь и замерла в ожидании. Постучала еще раз.

– Я знаю, там кто-то есть, – сказал Фрост. – Я видел, как наверху мимо окна прошел человек.

Джейн вытащила телефон:

– Позвоню им, посмотрю, отвечают ли они на телефонные звонки.

Не успела она набрать номер, как дверь неожиданно распахнулась. Перед ними появился высокий человек с непроницаемым лицом, он молча оглядел посетителей с головы до ног, словно прикидывая, стоят ли они его внимания. На человеке была стандартная одежда бизнесмена: белая рубашка, шерстяные брюки, простой синий галстук, но прическа и

властный вид выдавали его. Джейн видела такие прически у других людей его профессии.

– Контора уже закрыта, – сказал он.

У него за спиной Джейн увидела других людей в офисе. За компьютером сидел человек, рукава его рубашки были закатаны, словно он уже просидел за этим столом множество часов. Женщина в деловом костюме прошмыгнула мимо с картонной коробкой в руках, набитой папками.

– Я детектив Риццоли, бостонская полиция, – сказала Джейн. – В каком агентстве вы работаете? Что здесь происходит?

– Это не ваша юрисдикция, мадам. – Человек начал закрывать дверь.

Она подняла руку, останавливая его:

– Мы расследуем похищение и, возможно, убийство.

– Кого?

– Билла Салливана.

– Билл Салливан здесь больше не работает.

Дверь захлопнулась, и послышался щелчок задвижки, вставшей на место. Джейн и Фрост уставились на медную дощечку на двери с надписью «Корнуэлл инвестментс».

– Это стало гораздо интереснее, – пробормотала Джейн.

30

За мной ведется наблюдение. Фил и Одри перешептываются и украдкой поглядывают на меня – так поглядывают на неизлечимо больного человека. На прошлой неделе Виктория Авалон отказалась от услуг «Буксмарт медиа» и заключила договор с какой-то гламурной нью-йоркской рекламной фирмой. Хотя мой босс Марк не разбушевался и не стал винить меня в уходе клиента, все остальные, конечно, в моей вине не сомневаются. А ведь я сделала все возможное для продвижения этих дурацких мемуаров, которых Виктория и не писала вовсе. Теперь у меня осталось только одиннадцать авторов-клиентов, я опасаюсь потерять работу, и полиция висит у меня на хвосте.

И где-то неподалеку маячит Мартин Станек, готовясь к убийству.

Я вижу, что Марк направляется к моему столу, быстро поворачиваюсь к компьютеру и продолжаю писать сопроводительное письмо к «захватывающему новому роману Сола Грешема». Письмо готово только наполовину, и пока у меня есть лишь обычные, набившие оскомину эпитеты. Мои пальцы зависают над клавиатурой, пока я выдумываю, что бы такого нового и свежего сказать об этой воистину ужасной книге, но на самом деле мне хочется набирать только один текст: «Я ненавижу мою работу. Я ненавижу мою работу. Я ненавижу мою работу».

– Холли, у вас все в порядке?

Я смотрю на Марка, у которого и вправду озабоченный вид. В то время как эта сучка Одри только притворяется озабоченной, а Фил озабочен лишь тем, как бы залезть ко мне в трусы, Марк действительно беспокоится обо мне. И это хорошо, потому что в таком случае он, возможно, все-таки не уволит меня.

– Пока вы обедали, сюда звонила детектив Риццоли, она хочет поговорить с вами.

– Я знаю. – Я продолжаю печатать автоматический поток слов из словаря любого рекламного агента. «Завораживающий. Бесподобный. Завлекательный». – На прошлой неделе она меня искала, когда я ездила к отцу.

– Что происходит?

– Они ведут расследование убийства. Я была знакома с жертвами.

– Так у них более чем одна жертва?

Я перестаю печатать и смотрю на него:

– Простите, но я не могу об этом говорить. Полиция мне запретила.

– Конечно. Бог мой, я вам сочувствую, столько на голову свалилось. Вам, наверно, тяжело. Полиция знает, кто это сделал?

– Да. Но они не могут его найти и считают, что мне грозит опасность. Поэтому мне в последнее время стало трудно сосредоточиться.

– Ну, это все объясняет. Если вы попали в такой шторм, чему уж тут удивляться, что вы упустили Викторию.

– Мне очень жаль, Марк. Я из кожи вон лезла, чтобы она была довольна, но сейчас моя жизнь – сплошной кошмар. – С обаятельной дрожью в голосе я добавляю: – И мне страшно.

– Я могу что-нибудь для вас сделать? Может, хотите взять отпуск за свой счет?

– Не могу себе это позволить. Пожалуйста, мне очень нужна эта работа.

– Безусловно. – Он выпрямляется и говорит громко, чтобы слышали все в офисе: – Вы будете у нас работать, Холли, пока вас это устраивает.

Для убедительности он постукивает по моему столу, и я вижу, как Одри сердито смотрит на меня. «Нет, Одри, меня так просто за дверь не выставишь, сколько бы гадостей ты ни говорила за моей спиной». Но мое внимание привлекает не Одри, а Фил, который идет к моему столу с букетиком в целлофановой обертке.

– Это что? – недоуменно спрашиваю я, когда он протягивает букет мне.

– Отличная идея, Фил, – говорит Марк, похлопывая его по спине. – Хорошо, что ты подумал, как поддержать нашу Холли.

– Это не от меня, – признается Фил, раздраженный тем, что он сам до этого не допер. – Курьер только что привез.

Все пялятся на меня, пока я снимаю целлофан и смотрю на дюжину роз на длинных стеблях, обрамленных гипсофилами и пышной листвой. Дрожащими пальцами я перебираю ветки, но пальмовых листьев в букете не нахожу.

– Там есть карточка, – говорит Одри. Она, как обычно, всюду сует нос – наверное, выискивает что-нибудь такое, что можно будет использовать против меня. – От кого это?

Они втроем нависают над моим столом, и мне не остается ничего другого, кроме как открыть конверт в их присутствии. Послание внутри короткое и вполне откровенное.

«Я скучаю без тебя. Эверетт».

Фил прищуривается:

– Кто такой Эверетт?

– Человек, с которым я встречаюсь. Мы виделись несколько раз.

Марк ухмыляется:

– О, в воздухе запахло любовью! Ну, друзья, давайте за работу. Пусть Холли насладится цветами.

Они возвращаются к своим столам, и я чувствую, как мое тело расслабляется. Всего лишь невинный букет от Эверетта, беспокоиться не о чем. Я не видела его после автограф-сессии Виктории Авалон, когда была настолько потрясена, что убежала от него. Бутылка вина, которую он привез, так и стоит неоткрытая на моем кухонном столе в ожидании его следующего визита. Он всю неделю слал мне эсэмэски, писал, что хочет меня увидеть. Этот человек не сдается.

Мой телефон разражается трелью. Послание. Конечно, от Эверетта.

«Получила цветы?»

Я отвечаю: «Они очень милые. Спасибо».

«Встретимся после работы и выпьем?»

«Не знаю. Мир вокруг сошел с ума».

«Я могу сделать его лучше».

Я смотрю на желтые розы на моем столе и вдруг вспоминаю первую великолепную ночь с Эвереттом. Как мы лихорадочно цеплялись друг за друга, словно животные в течку. Я вспоминаю, каким он был неутомимым любовником и как он точно знал, чего я хочу от него. Может быть, именно это мне нужно сегодня ночью. Для поднятия духа. Горячую, здоровую дозу секса.

Он присылает еще одну эсэмэску: «Паб „Роза и чертополох“? 17:30?»

Помедлив мгновение, я отвечаю: «ОК. 17:30».

«До встречи».

Я кладу телефон и сосредоточиваюсь на сопроводительном письме, которое пытаюсь написать. С отвращением печатаю: «Я ненавижу мою РАБОТУ!!!», потом нажимаю клавишу «Delete» и отправляю черновик в небытие. Нет, работать сегодня бессмысленно. И вообще, уже пять часов.

Я выключаю компьютер и собираю свои заметки по идиотскому роману Сола Грешема. Поработаю над письмом дома, где мне не нужно будет мириться с язвительными замечаниями Одри и исполненными страдания взорами Фила. Я заглядываю в сумочку, чтобы убедиться, что пистолет никуда не делся. «Женский пистолет», – сказал отец, передавая его мне тем вечером в кухне. Небольшой, так что руки не оттянет, но достаточно мощный, чтобы сделать свое дело без особой отдачи. Холодный пистолет в руке – ощущение незнакомое, но успокаивающее. Мой маленький помощник.

Я перекидываю сумочку через плечо и выхожу из офиса, готовая встретить то, что встанет у меня на пути.

* * *

Эверетта в «Розе и чертополохе» нигде не видно. Я выбираю столик в углу и, оглядывая зал, прихлебываю «Каберне Совиньон». Уютный паб на манер клубного, повсюду темное дерево и медная фурнитура. Я никогда не была в Ирландии, но именно такими я и представляю их старые пабы: в камине потрескивает огонь, а над каминной полкой висит золотая арфа «Гиннесса»[20]. Но в этом пабе клиенты молодые и хипповые, деловые ребята в оксфордских рубашках с шелковыми галстуками, и даже на женщинах костюмы из ткани в тонкую полоску. После долгого дня обтяпывания сделок они приходят сюда расслабиться, и паб на моих глазах заполняется клиентами.

Я смотрю на часы: 18:00. Эверетта все еще нет.

Поначалу я замечаю только слабое пощипывание на коже лица, словно по ней прошелся ветерок. Я знаю: исследованиями доказано, что человек в действительности не может ощущать на себе чужие взгляды, но, повернув голову, чтобы понять, откуда у меня возникло такое ощущение, я тут же замечаю женщину, которая обшаривает меня глазами, сидя у стойки бара. Ей под пятьдесят, в ее каштановых волосах красивые седые пряди, она выглядит как моя постаревшая и порыжевшая копия, но с двумя дополнительными десятилетиями уверенности в себе. Наши глаза встречаются, и правый уголок ее рта кривится в улыбке. Она отворачивается и что-то говорит бармену.

Если Эверетт не придет, то в баре определенно найдется несколько других искусительных вариантов.

Я достаю телефон и проверяю, не пришли ли новые послания. Ничего от Эверетта. Я набираю ему текст, когда на моем столе неожиданно появляется стакан с красным вином.

– Это то самое вино, что вы пили прежде. С наилучшими пожеланиями от дамы у бара.

Я смотрю в ту сторону – каштановая дама улыбается мне. Я чувствую, что уже встречалась с ней, только не помню где и когда. Знаем ли мы друг друга или просто у нее одно из таких лиц, таких улыбок, которые вызывают ощущение чего-то знакомого? Передо мной стоит бокал каберне, темный, как чернила, в этом баре, залитом светом из камина. Я думаю обо всех тех руках, через которые прошло это вино, прежде чем попасть ко мне на стол, – от фермера и винодела до бутилировщика.

Потом оно прошло через руки бармена, который налил его в бокал, потом – официантки, которая поставила его передо мной, плюс бессчетное множество других невидимых рук. Когда думаешь об этом, то бокал вина кажется тебе творением эльфов, и ты не можешь знать, не желает ли один из этих эльфов тебе зла.

Раздается трель моего сотового – послание от Эверетта.

«Ради бога, прости. Неожиданная встреча с клиентом. Сегодня не смогу. Позвоню завтра».

Я не беру на себя труд отвечать ему. Вместо этого я беру бокал и начинаю раскручивать его содержимое. Я уже попробовала это каберне – более чем средненькое, не заслуживает второй порции, но я думаю не о вине, а о том, каким будет мой следующий шаг. Пригласить ее за мой столик и позволить игре начаться?

31

– Что она делает, черт бы ее подрал? – возмутилась Джейн.

В ее наушнике голос Тама почти потерялся в фоновых шумах паба:

– Она не пьет, только раскручивает.

– Мы ее предупреждали. Говорили, что он опаивает своих жертв. – Она повернула голову к Фросту, который сидел рядом с ней в машине. – Эта коза хочет, чтобы ее грохнули?

– Так, постой, – сказал Там. – К столу Холли подходит женщина. Говорит ей что-то.

Из окна машины Джейн посмотрела на «Розу и чертополох» по другую сторону улицы. Полчаса назад Там сообщил, что Холли сидит в баре одна, и, получив это известие, Джейн и Фрост сломя голову понеслись к бару. Холли не только не пожелала изменять свои привычки, она как будто сама напрашивалась на катастрофу. Холли Девайн не казалась Джейн бесшабашной женщиной, но только что она взяла выпивку из рук незнакомого человека.

– Эта женщина села за стол Холли, – доложил Там. – Белая, средних лет. Высокая и худая.

– Холли уже пробовала вино?

– Нет, они просто говорят. Может быть, они знакомы. Не уверен.

– Там должен вмешаться, – сказал Фрост. – Пусть уведет ее оттуда.

– Нет. Поглядим, что будет дальше.

– А если она выпьет вино?

– Мы здесь, чтобы присмотреть за ней. – Джейн уставилась на паб. – Может, поэтому она так и поступает. Пытается заманить убийцу, чтобы мы его взяли. Она либо глупа, либо очень, очень умна. Я ставлю на второе.

– У нас проблема, – раздался в наушнике голос Тама.

– Что там? – рявкнула Джейн.

– Она пригубила вино.

– А вторая женщина – она что делает?

– Сидит с ней. Пока ничего странного. Просто разговаривают.

Джейн посмотрела время на своем сотовом. Как быстро оказывает действие кетамин? Поймут ли они, что кетамин начал действовать? Прошло пять минут. Десять.

– Черт. Они обе встают. Они уходят, – сказал Там.

– Мы стоим напротив. Когда они выйдут, мы их перехватим.

– Они направляются не к главному, а к заднему выходу. Я иду за ними…

Джейн и Фрост почти одновременно распахнули двери машины и перебежали через улицу. Джейн первая ворвалась в дверь и стала протискиваться по набитому народом залу к заднему выходу. На пол упал и разбился стакан, вслед ей раздалось «Какого черта, леди?», но они с Фростом продолжали проталкиваться дальше, проскочили мимо трех женщин, стоявших в очереди в туалет, и выбежали в заднюю дверь.

Проулок. Темный. Где Холли?

С дальнего конца проулка раздались женские крики.

Они бросились туда, перепрыгивая через ящики и мусор, и выбежали на улицу, где Там уже прижал женщину к стене. Поблизости стояла Холли, с удивлением глядя на Тама, который застегивал на женщине наручники.

– Проклятье, что вы делаете? – запротестовала женщина.

– Бостонская полиция, – сказал Там. – Прекратите сопротивление!

– Вы не имеете права меня арестовывать! Я ничего не сделала!

Там оглянулся через плечо на Джейн и Фроста:

– Она пыталась убежать.

– Конечно я побежала! Откуда я знала, что вы за… кто преследует нас в темном проулке!

Пока Там прижимал женщину к стене, Джейн прощупала ее на предмет оружия.

Кто-то с тротуара закричал:

– Это полицейская жестокость!

– Копы, улыбайтесь! Вас снимают для «Скрытой камеры»!

Джейн оглянулась на толпу, которая быстро собиралась вокруг них. У всех в руках были мобильные телефоны – люди снимали задержание. «Спокойнее, – подумала она. – Делай свое дело и не позволяй им вывести тебя из равновесия».

– Назовите ваше имя, – приказала Джейн женщине.

– Кто спрашивает?

– Детектив Риццоли, бостонская полиция.

Фрост поднял сумочку женщины, упавшую на тротуар, и вытащил бумажник:

– В правах написано: Бонни Б. Сандридж, возраст сорок девять. Проживает на Богандейл-роуд, двадцать три. – Он оторвал глаза от документа. – Это в Уэст-Роксбери.

– Сандридж? – Джейн нахмурилась. – Вы – та журналистка.

– Ты знаешь эту женщину? – спросил Там.

– Да. Я говорила с ней несколько дней назад. Ее имя оказалось в записной книжке Мартина Станека. Она заявляет, что журналистка и пишет о процессе «Яблони».

Там развернул женщину лицом к детективам. После схватки у нее на подбородке осталась царапина, по щеке размазалась тушь.

– Да, я журналистка, – сказала женщина. – И можете не сомневаться: я напишу об этом аресте!

– Что вас связывает с Мартином Станеком? – спросила Джейн.

Женщина сердито уставилась на нее:

– Так вот в чем дело? Вместо того чтобы вязать меня, могли спросить вежливо.

– Отвечайте на вопрос.

– Я вам уже сказала. Я интервьюировала его для моей книги.

– Книги, которую, по вашим заявлениям, вы пишете.

– Поговорите с моим литературным агентом. Она вам подтвердит. Я журналист, и я делаю свою работу.

– А я – свою. – Джейн посмотрела на Тама. – Доставь ее в управление. Я хочу, чтобы все, что она скажет, было зафиксировано на камеру.

– За что вы ее арестовали? Что она сделала? – прокричал кто-то из толпы.

– Я писатель! Я ничего не нарушала! – прокричала Бонни. – Я только пыталась сказать правду о коррумпированной системе правосудия!

– Это видео будет опубликовано на «Ютубе», леди, если оно понадобится вам для подачи судебного иска!

Там увел дерзкую задержанную. В толпе небезразличных горожан-журналистов стояла Холли, которая, как и все, вытащив мобильник, снимала происходящее.

Джейн схватила Холли за руку и оттащила в сторону:

– Что у вас с головой, черт возьми?

– Разве я сделала что-то не так? – запротестовала Холли.

– Вы отправились в бар, хотя я предупредила вас о последствиях.

– Я должна была встретиться с другом.

– С этой женщиной?

– Нет. С мужчиной, с которым я встречаюсь. Но он в последнюю минуту отменил свидание.

– И поэтому вы там сидели и угощались выпивкой, которую вам предложил первый встречный.

– Она показалась мне симпатичной.

– То же самое говорили и о Тедди Банди.

– Она всего лишь женщина. Что со мной может сделать женщина?

– Я вам говорила: Мартин Станек действует не один. Ему помогает напарник. Возможно, это женщина.

– Ну вот вы ее и задержали, верно? И можете поблагодарить меня за то, что я помогла вам в этом.

– Сейчас вы поедете домой, Холли. – Джейн вытащила сотовый. – Я даже предприму кое-какие действия, чтобы вы туда наверняка добрались.

– Что вы делаете?

– Вызываю полицейского, чтобы отвез вас домой.

– Мне это не нравится. Я не сяду в полицейскую машину.

– А если она что-то подсыпала в ваш бокал? Вас необходимо отвезти домой.

– Нет. – Холли сделала шаг назад. – Я чувствую себя совершенно нормально. Слушайте, здесь рядом станция метро. У вас есть подозреваемая, а я еду домой.

Она развернулась и пошла прочь.

– Эй! – крикнула Джейн.

Холли не остановилась. Ни разу не оглянувшись, она спустилась по лестнице и исчезла в метро.

* * *

В ярком свете комнаты для допросов в Бостонском управлении полиции Бонни Бартон Сандридж казалась еще более растрепанной, чем на улице. Царапина на подбородке покрылась корочкой, размазанная по щеке тушь выглядела как синяк. Джейн и Фрост сели напротив нее за стол, на котором лежали ее вещи: бумажник с шестьюдесятью семью долларами наличными, три кредитки и водительское удостоверение. Сотовый телефон на платформе «Андроид». Брелок с тремя ключами. Несколько тампонов «Клинекс». И самое интересное: маленький блокнот на спирали, наполовину заполненный подробными записями. Джейн медленно перелистала страницы и остановилась на последней.

– Почему вы преследовали Холли Девайн?

– Я ее не преследовала.

Джейн показала женщине блокнот:

– Ее адрес записан здесь.

– «Буксмарт медиа» – это рекламное агентство. Их адрес в свободном доступе.

– Вы не случайно оказались в том же пабе, что и она. Вы следили за ней, когда она вышла с работы, верно?

– Может быть. Я несколько недель пыталась договориться с ней об интервью. Сегодня я впервые подошла к ней настолько близко, что смогла выразить свое неудовольствие.

– И вы угостили ее бокалом вина. А потом попытались вывести через заднюю дверь.

– Это Холли настояла, чтобы мы вышли через ту дверь. Она сказала, что за ней следят и она хочет отделаться от слежки. Что касается бокала вина, то я предложила ей его, чтобы разбить лед в ее сердце. Вызвать на разговор.

– О «Яблоне»?

– Я пишу книгу о процессах по ритуальному насилию. Целая глава там будет посвящена «Яблоне».

– Этому делу двадцать лет. Дело забыто и быльем поросло, разве нет?

– Кое для кого вовсе даже не поросло.

– Вы имеете в виду Мартина Станека?

– Разве удивительно, что он до сих пор одержим этим? Тот процесс погубил его семью. Его жизнь.

– Забавно, что вы не говорите о погубленных детских жизнях.

– Вы просто исходите из того, что он виновен. Вам никогда не приходило в голову, что Станеки могут быть невиновны?

– Присяжные так не думали.

– Я много часов говорила с Мартином. Читала расшифровки судебных заседаний и обвинения против Станеков. Они были просто нелепыми. Да что говорить, одна из прежних обвинительниц хотела отказаться от своих слов. Она была готова подписать под присягой письменные показания о том, что все эти обвинения не соответствовали действительности.

– Постойте. Вы говорили с кем-то из детей?

– Да. С Кассандрой Койл.

– Как вы ее нашли? Тоже выслеживали?

– Нет. Это она меня нашла. Суд не обнародовал имен детей, так что я не знала, кто они. В прошлом сентябре Кассандра связалась со мной, прочитав мои статьи о процессах по ритуальному насилию. Она знала, что я писала о деле Макмартина в Лос-Анджелесе и о деле Часовни веры в Сан-Диего[21], и она предложила мне написать о процессе «Яблони».

– Почему?

– Потому что ее преследовало прошлое. Она вспомнила подробности, которые помогли ей понять, что Мартин Станек невиновен. Я стала изучать дело, и мне не понадобилось много времени, чтобы прийти к выводу, что процесс был чистым фарсом, как и думала Кассандра. Я не верю, что Станеки совершали преступления.

– Тогда кто похитил Лиззи Дипальму?

– Вот это самый горячий вопрос, верно? Кто на самом деле похитил девочку? Похищение стало фундаментом, на котором было построено все остальное. Истерика, обвинения в сатанинском насилии. Не процесс, а сплошная фальсификация. Исчезновение Лиззи Дипальмы взбудоражило сообщество, люди готовы были поверить во что угодно, даже в летающих тигров. Об этом и будет моя книга, детектив. Как разумные, в общем-то, люди могут превратиться в буйную и опасную толпу.

Ее лицо раскраснелось. Она глубоко вздохнула и откинулась на спинку стула.

– Вас, кажется, это сильно расстраивает, миз Сандридж, – заметил Фрост.

– Да. Вас тоже должно бы расстраивать. Вас всех должно расстраивать, когда невинный человек полжизни проводит в тюрьме.

– И вы настолько расстроены, что помогаете ему планировать возмездие? – спросила Джейн.

– Что?

– Несколько детей заявили, что Станек совершил над ними сексуальное насилие. Трое из них теперь мертвы, четвертый пропал. Вы помогли Мартину Станеку их найти?

– Я даже их имен не знаю.

– Вы знали имя Холли Девайн.

– Только потому, что его назвала Кассандра. Она сказала, что именно Холли была первым ребенком, обвинившим Станека. Холли начала все это, и я хотела узнать зачем.

– Вы знаете, что бокал вина, который вы предложили Холли, будет отправлен на анализ? И когда анализ покажет наличие в нем кетамина, ваше положение станет очень незавидным.

– Что? Да нет, вы ничего не поняли! Я всего лишь хочу рассказать правду об американском правосудии. О том времени, когда истерия достигла таких масштабов, что людей сажали в тюрьму за преступления, которых не было.

– Похищение Лиззи Дипальмы явно было.

– Но Мартин не имеет к этому никакого отношения. Это означает, что настоящий убийца на свободе. Вот что должно вас беспокоить. – Бонни посмотрела на часы на стене. – Вы задерживаете меня дольше разрешенного времени. Если я не арестована, то хотела бы пойти домой.

– Пока вы не ответите на мой вопрос, вы никуда не пойдете, – сказала Джейн. Она наклонилась вперед и заглянула в глаза Бонни. – Где Мартин Станек?

Бонни хранила молчание.

– Вы и в самом деле хотите защищать этого человека? После всего, что он сделал?

– Он ничего не делал.

– Не делал?

Джейн открыла папку, которую принесла с собой, извлекла фотографии, сделанные в процессе аутопсии, и положила их на стол перед Бонни. Женщина вздрогнула, увидев тело Кассандры Койл.

– Я знала, что ее убили, но не знала о… – Бонни посмотрела на пустые глазницы Кассандры, и ее передернуло. – Мартин не делал этого.

– Это он вам сказал?

– Зачем ему убивать женщину, которая прикладывала столько сил, чтобы его реабилитировать? Она была готова поклясться под присягой, что ничего этого не было, что это обвинитель научил ее рассказывать те безумные истории. Нет, Мартину она была нужна живой.

– Или так он вам говорил. Может быть, вы самая большая жертва манипуляций. Может быть, он с вашей помощью находил жертвы. Вы их находили, а он убивал.

– Просто смешно, – сказала Бонни, но в ее голосе послышалась нотка сомнения.

Это была вероятность, о которой она явно не задумывалась: что, если Мартин Станек, человек, которого она считала трагической жертвой судебной ошибки, сделал ее сообщницей его преступлений?

– Мартин никогда не винил детей, – сказала Бонни. – Он знал, что они только пешки в более крупной игре.

– Тогда кого же он обвиняет?

– Кого еще, если не взрослых? Тех, кто допустил это. Обвинитель Эрика Шей использовала процесс как ступеньку для карьерного роста. И конечно, после процесса она пошла вверх. Поговорите с ней. Вы узнаете, что ей было наплевать на правду. Ее интересовали только набранные ею баллы.

– Я бы предпочла поговорить с Мартином Станеком, поэтому еще раз задаю вам вопрос: где он?

– Он не доверяет полиции и считает, что вы все желаете ему смерти.

– Где он?

– Мартин напуган! Ему больше не к кому было обратиться.

– Он в вашем доме, да?

Лицо Бонни исказила гримаса паники.

– Пожалуйста, не причиняйте ему вреда. Обещайте мне!

Джейн посмотрела на Фроста:

– Едем.

* * *

– Эта женщина была последним кусочком пазла, – сказала Джейн. – Бонни находила жертв, шла за ними в бар. Подмешивала кетамин в их выпивку. А Станек делал остальное. – Она посмотрела на Фроста. – Помнишь официантку, которая узнала Кассандру по фотографии?

– Мы считали, что она ошибается, утверждая, что Кассандра сидела с женщиной.

– А она была права. Кассандра сидела с женщиной. – Джейн победно стукнула ладонями по баранке. – Мы его поймали. Мы поймали их обоих.

– Если только это вино не окажется чистым.

– Не окажется. Иначе и быть не может.

Она взглянула в зеркало заднего вида: Кроу и Там ехали следом в напряженном трафике, не отставая от них ни на фут.

– И все благодаря этой чокнутой Холли Девайн, – сказал Фрост.

– Да, она чокнутая, но хитрая как лиса. Она знала, что мы за ней наблюдаем. Она положила в ловушку приманку – себя, и посмотри, кто попался. Женщина.

Монстры могут иметь самые разные обличья, и самые опасные из них – те, кто вызывает меньше всего подозрений, те, кому ты хочешь доверять. Когда полиция ищет преступников, на женщин средних лет вроде Бонни Сандридж часто не обращают внимания, они настолько невидимы, что не попадают в поле зрения ищущих. Все внимание сосредоточено на хорошеньких девушках и дюжих молодых людях. А женщины постарше

– они повсюду, но они незаметны, хотя и остаются на виду. Пройдет несколько десятилетий, и неужели Джейн тоже станет одной из миллионов седоволосых невидимых женщин? Неужели никто не присмотрится внимательнее и не увидит в ней ту женщину, какой она была прежде, – сосредоточенную, опасную, способную нажать на спусковой крючок?

Они припарковались у дома Бонни Сандридж, и, как только вышли из машины, Джейн расстегнула кобуру на поясе. Они не знали, будет ли Станек сопротивляться, когда его загонят в угол, и должны были приготовиться к худшему. На другой стороне улицы залаяла собака, встревоженная вторжением посторонних в зону ее ответственности.

В доме горел свет, за окном на первом этаже прошла чья-то фигура.

– Дома кто-то есть, – сказал Кроу.

– Вы двое обходите дом сзади, – скомандовала Джейн, – а мы с Фростом войдем в переднюю дверь.

– Как ты предполагаешь действовать?

– Сначала попробуем по-хорошему. Я позвоню в дверь, и посмотрим, будет ли Станек…

Она замолчала, вздрогнув от звука, который ни с чем не перепутаешь, – звука выстрелов.

– Стреляли в доме! – выкрикнул Там.

Времени на составление нового плана у них не было, и все бросились к передней двери. Там оказался в доме первым, Джейн бежала следом. В первое мгновение она отметила только кровь в гостиной. Кровь была повсюду: яркий всплеск на стене, брызги на диване. А на полу лужа крови медленно растекалась, словно венец, вокруг размозженного черепа Мартина Станека.

– Бросай оружие! – крикнул Там. – Бросай!

Человек, стоящий над телом Мартина Станека, не выпустил пистолета из руки. Он безразличным взглядом обвел четырех детективов, направлявших на него пистолеты, – расстрельный взвод, готовый выпустить в него град пуль.

– Мистер Девайн, – сказала Джейн. – Бросайте оружие.

– Я должен был его убить, – проговорил он. – Вы это знаете. Вы – мать, детектив, вы меня понимаете, правда? Это был единственный способ обеспечить безопасность моей Холли. Единственный способ сделать так, чтобы этот сукин сын не мог ей повредить. – Он с отвращением посмотрел на тело Станека. – Теперь все кончено. Я решил эту проблему, и моей девочке больше нечего бояться.

– Мы можем поговорить об этом, – произнесла Джейн рассудительным голосом. – Но сначала бросьте оружие.

– Говорить больше не о чем.

– Неправда, нам много о чем нужно поговорить, мистер Девайн.

– Мне – нет.

Он приподнял пистолет на долю дюйма. Рука Джейн напряглась, палец изготовился. Но она не стала стрелять. Ее пистолет был направлен в грудь Девайна, сердце колотилось так, что каждое его биение передавалось руке, державшей пистолет.

– Подумайте о Холли, – сказала Джейн. – Подумайте о том, как это скажется на ней.

– Я и думаю о ней. И это последний подарок, который я могу ей сделать. – Его губы искривились в печальной улыбке. – Это решает все.

Улыбка не сходила с его лица, когда Эрл Девайн поднимал руку, направляя оружие на Джейн, и когда три пули из пистолета Кроу вонзились в его грудь.

32

«Вот, значит, как оно заканчивается», – подумала Маура, наблюдая за тем, как санитары морга выкатывают две каталки из дома Бонни Сандридж. Две последние смерти, два последних тела. Через открытую переднюю дверь внутрь проникал морозный воздух, но и этот приток свежести не мог унести из дома запах насилия. Убийство оставляет особый дух. Кровь, страх, агрессия выделяют в воздух химические вещества, и Маура чувствовала их здесь, в этой комнате, где умерли Мартин Станек и Эрл Девайн. Она стояла молча, вдыхала этот запах, оглядывала комнату. Работали полицейские рации, раздавались голоса криминалистов, обходящих комнаты, но с ней разговаривала кровь. Маура разглядывала брызги и потеки на стене, изучала две лужи на досках пола, куда упали тела. Полиция могла назвать этот кровавый финал торжеством справедливости, но Маура ощущала беспокойство

при виде этих похожих луж крови. Бо́льшая – это кровь Мартина Станека, чье сердце сделало еще несколько ударов, выкачивая кровь из смертельной раны в голове. Эрл Девайн прожил и истекал кровью меньше, чем Станек. Все три пули из полицейского пистолета попали точно в яблочко – в грудь. Золотые медали Кроу за снайперскую стрельбу. Но после каждого убийства, совершенного полицейским, задаются вопросы, и ответы на них должна будет дать аутопсия.

– Можешь мне поверить, это была хорошая стрельба. Мы все покажем это под присягой.

– Хорошая стрельба – это оксюморон, если мне когда-либо доводилось их слышать.

– Ты меня понимаешь. К тому же ты знаешь, что я бы с радостью толкнула Даррена Кроу под автобус, если бы могла, но в данной ситуации он действовал оправданно. Эрл Девайн убил Станека. Он сам в этом признался. Потом он навел пистолет на меня.

– Но ты стрелять не стала. Ты сомневалась.

– Да. И Кроу, возможно, спас мне жизнь.

– А может быть, твой инстинкт говорил тебе, что Эрл Девайн на самом деле не собирается стрелять. Может быть, ты лучше остальных чувствовала его истинные намерения.

– А если бы я ошиблась? Я бы сейчас была мертва. – Джейн покачала головой и фыркнула. – Черт, теперь я в долгу перед этим клоуном Кроу. Уж лучше бы меня пристрелили.

Маура снова посмотрела на смешавшиеся лужи крови, которая уже свертывалась и подсыхала.

– Почему Эрл Девайн сделал это?

– Он сказал, что защищал дочь. Сказал, что это последний подарок, который он мог поднести ей.

– Почему тогда он навел пистолет на тебя? Он знал, что за этим последует. Это явный случай самоубийства с помощью копа.

– Что избавляет всех от мучительного судебного процесса. Подумай об этом, Маура. Его линия защиты состояла бы в утверждении, что он защищал дочь. Это потянуло бы за собой процесс «Яблони», и весь мир узнал бы, что Холли в детстве подвергалась сексуальному насилию.

Может быть, в этом и состоял последний дар Эрла дочери. Он обеспечивал ее безопасность. И защищал ее личную жизнь.

– Убийство не может защитить личную жизнь. Теперь эти подробности так или иначе всплывут. – Маура стащила с себя латексные перчатки. – Где оружие Кроу?

– Он его сдал.

– Пожалуйста, держи его завтра подальше от морга. Я не хочу, чтобы по поводу моей аутопсии Эрла Девайна возникли какие-то сомнения. Когда «Бостон глоуб» сообщает, что полиция убила шестидесятисемилетнего ветерана ВМФ, публика не встречает это аплодисментами.

– Но ветеран ВМФ навел на меня оружие.

– Об этом будет сказано только во втором абзаце. А половина публики и первого-то не дочитывает до конца. – Маура повернулась к двери. – Увидимся завтра на аутопсии.

– Есть ли необходимость в моем присутствии? Я знаю, как умерли эти двое, так что не жду никаких сюрпризов.

Маура остановилась и снова оглядела комнату. Посмотрела на забрызганную кровью стену.

– Никогда не знаешь, что принесет тебе аутопсия. У меня такое чувство, что все это как-то уж слишком аккуратно и остается еще много вопросов, которые ждут ответов.

– На них ответит Бонни Сандридж. Нужно только ее разговорить.

– У тебя нет никаких доказательств, что она помогала Станеку убивать.

– Доказательства должны быть в этом доме. Или в ее машине. Волосы, волокна с одежды жертв. Следы кетамина. Что-нибудь мы найдем наверняка.

Джейн говорила убежденно, но Маура испытывала гораздо меньше уверенности, когда выходила из дома и садилась в машину. Она сидела, глядя на ярко освещенный дом. За окнами мелькали силуэты криминалистов, искавших улики, подтверждающие то, во что они уже уверовали: что Бонни Сандридж – сообщница убийцы. Предвзятость обманывала многих ученых и, несомненно, многих полицейских. Ты находишь только то, что ищешь, а потому легко пропускаешь все остальное.

Заверещал телефон, сообщая о приходе эсэмэски. Маура посмотрела на номер отправителя и тут же убрала телефон в сумочку, но и одного взгляда было достаточно, чтобы у нее скрутило живот. «Не сейчас, – подумала она. – Я еще не готова думать о тебе».

По пути домой это оставшееся без ответа послание было для нее как бомба замедленного действия, тикающая в сумочке. Маура заставляла себя держать обе руки на рулевом колесе и не сводить глаза с дороги. Ей не следовало опять открывать дверь между ними, даже на чуть-чуть. Теперь, когда они с Дэниелом снова разговаривали, ей хотелось одного: вернуть его в свою жизнь, в свою постель. «Плохой шаг, Маура. Будь сильной, Маура. Ты должна быть независимой женщиной».

Дома она налила себе столь необходимый ей сейчас бокал зинфанделя и подала коту запоздавший обед. Кот принялся за еду, даже не удостоив ее взглядом, а когда он слизал последние крошки курицы, то просто удалился из кухни. Вот тебе и радости общения, подумала Маура. Бутылка вина – и та любила ее больше.

Маура пригубила зинфандель, стараясь не смотреть на телефон, лежащий на кухонном столе. Он манил ее, как опиум манит наркомана, искушая вернуться в спираль саморазрушения. Послание от Дэниела было коротким: «Позвони, если я тебе нужен». Всего пять слов, но сила их была такова, что они парализовали ее на этом стуле, пока она обдумывала их смысл. Что на самом деле означали эти слова: «если я тебе нужен»? Относились ли они к расследованию и предлагали новые экспертные советы?

«Или речь идет о нас?»

Маура выпила бокал и налила себе второй. Потом достала сделанные от руки записи, которые набросала на месте преступления, и открыла ноутбук. Нужно привести в порядок мысли, пока воспоминания еще свежи.

Зазвонил телефон. «Дэниел».

Прежде чем нажать зеленую кнопку, она помедлила всего секунду, только бросила взгляд на незнакомый номер на дисплее. В трубке раздался голос не Дэниела, а женщины, сообщившей ей известие, которого она ждала и страшилась одновременно. Она оставила ноутбук на кухонном столе и побежала за пальто.

* * *

– Миссис Лэнк нашли без сознания на полу в ее камере, – сказал доктор Вонг. – Тюремная сестра немедленно приступила к сердечно-легочной реанимации, и им удалось восстановить пульс. Но, как видите по кардиомониторингу, у нее наблюдаются частые периоды желудочковой тахикардии.

Маура посмотрела в окошко реанимационной на Амальтею – ее мать пребывала в абсолютно бессознательном состоянии.

– Почему?

– Аритмия может быть осложнением после химиотерапии. Эти средства бывают кардиотоксичными.

– Нет, я спрашиваю, почему ее реанимировали? Они же знают, что она умирает от рака поджелудочной.

– Но в ее истории болезни стоит «реанимация по полному циклу». – Доктор Вонг посмотрел на Мауру. – Вы, вероятно, не знаете, но миссис Лэнк на прошлой неделе подписала доверенность на право представлять интересы больного. Она назвала вас своим представителем.

– Я понятия об этом не имела.

– Вы – ее единственный родственник. Вы имеете право изменить ее статус на «не прибегать к реанимации». Будете?

Маура посмотрела на Амальтею – ее грудь поднималась и опускалась под звук компрессора.

– Она реагирует на внешние возбудители?

Доктор Вонг отрицательно покачал головой:

– Она и дышать сама не может. Никто не знает, сколько времени она пробыла без сознания, так что высока вероятность, что у нее гипоксическое повреждение головного мозга. Возможно, идут и другие процессы, неврологические. Я еще не заказывал мозговую томографию, но это будет следующий диагностический шаг, если только вы не решите…

Он замолчал, глядя на нее. Ждал ответа.

– Не надо реанимации, – тихо сказала Маура.

Он кивнул:

– Я думаю, это правильное решение.

Он помедлил, потом слегка похлопал ее по руке, словно прикосновение к другому человеческому существу давалось ему нелегко, как нелегко давалось оно и Мауре. Гораздо проще было понять механизм действия человеческого организма, чем решить, что нужно делать и говорить в момент скорби.

Маура вошла в бокс и остановилась рядом Амальтеей, оглядела всю бикающую и свистящую медицинскую машинерию. Глазами врача она отметила мочесборник с небольшим количеством мочи, шквал аритмических биений на экране, дыхательную недостаточность. Все это были признаки того, что организм отказывает, мозг более не функционирует. Кем бы ни была прежде Амальтея, теперь все ее мысли, чувства и воспоминания перестали существовать. Осталась лишь ее смертная оболочка.

Монитор начал издавать тревожные сигналы. Маура посмотрела на кривую сердечного ритма и увидела последовательность неровных пиков. Желудочковая тахикардия. Кривая кровяного давления обрушилась. В окно Маура увидела двух медсестер, спешащих в бокс, но доктор Вонг остановил их в дверях.

– Режим отказа от реанимации, – сказал он им. – Я только что написал распоряжение.

Маура протянула руку и выключила тревожный сигнал.

Сердечный ритм ухудшился до желудочковой фибрилляции. Кровяное давление упало до нуля, оставив в кислородном голодании последние выжившие клетки мозга. «Ты дала мне жизнь, – подумала Маура. – У меня твоя ДНК в каждой моей клетке, но во всем остальном мы чужие люди». Она вспомнила своих приемных родителей – тех, кто принял ее в свою семью, кто холил и лелеял ее. Они были ее настоящими родителями, потому что настоящая семья определяется не ДНК, а любовью. В этом смысле лежащая здесь без движения женщина не была родней Мауры, и та, будучи свидетельницей последних мгновений Амальтеи, не чувствовала ни капли скорби.

Сердце дернулось в последний раз. На экране осталась ровная линия.

Вошла женщина и выключила компрессор.

– Примите мои соболезнования, – пробормотала она.

Маура глубоко вздохнула.

– Спасибо, – сказала она и вышла из бокса.

Она продолжала идти, не останавливаясь, из отделения интенсивной терапии и из больницы на парковку, где гулял ветер, такой морозный, что, подойдя наконец к машине, она не чувствовала ни рук, ни лица. Физическая немота отвечала тому, что происходило с ней внутри. «Амальтея мертва, мои родители мертвы, и у меня, вероятно, никогда не будет ребенка», – подумала Маура. Она давно чувствовала себя одинокой в мире и смирилась с этим, но сегодня, стоя рядом со своей машиной на обдуваемой ветром парковке, поняла, что не хочет с этим мириться. Не должна мириться. Она была одинокой только по собственному выбору.

«Я могу изменить это. Сегодня же».

Она села в машину. Достала телефон и еще раз прочитала послание Дэниела: «Позвони, если я тебе нужен».

Она позвонила.

* * *

Дэниел приехал к ее дому раньше, чем она сама.

Маура увидела его в машине на подъездной дорожке, где весь мир мог его видеть. В прошлом году он осторожничал, приезжал к ней скрытно, но сегодня отбросил всякую осторожность. Она еще не успела заглушить двигатель, а он уже вышел из своей машины, чтобы открыть ей дверь.

Она шагнула в его объятия.

Не нужно было объяснять, почему она позвонила ему, вообще не нужны были никакие слова. Первое прикосновение его губ сломило все остатки сопротивления. «Я снова в ловушке», – подумала она, когда они целовались на пути к дому и в коридоре.

На пути к ее спальне.

Там она вообще перестала думать, потому что последствия больше не волновали ее. Имело значение только то, что она снова жила, снова обрела цельность, воссоединилась с отсутствовавшей частью собственной души. Любить Дэниела, наверное, было глупо и рискованно, но не любить его было просто невозможно. Все эти месяцы Маура пыталась научиться жить без него, глотала горькие пилюли обуздания себя и была вознаграждена одинокими ночами и избыточным количеством выпитого вина. Она убедила себя в том, что уйти от него – благоразумно, потому что он никогда не сможет принадлежать ей, ведь ее соперник – сам Господь Бог. Но благоразумие не грело ее постель, не

делало ее счастливой, не заглушало страсть, которую она всегда питала к этому человеку.

В спальне они не стали включать свет – им это не требовалось. Их тела были знакомой территорией друг для друга, и она знала каждый дюйм его кожи. Она чувствовала, что он похудел, как и она, словно их жажда друг друга была настоящим голодом. Одной ночи не хватит, чтобы насытить этот голод, и она не знала, когда они будут принадлежать друг другу в следующий раз, а потому брала сейчас все, что могла, жадная до наслаждения, запрещенного для них церковью. «Вот что ты потерял, Дэниел, – думала она. – Какой же он мелочный, твой Бог, какой жестокий, что лишал нас этой радости».

Но потом, когда они лежали рядом и пот остывал на их коже, Маура почувствовала, как в ее душу прокрадывается странная печаль. «Вот оно, наше наказание, – подумала она. – Не ад и сера, а неизбежная боль прощания. Всегда прощания».

– Скажи мне почему, – прошептал Дэниел.

Больше ему ничего не нужно было говорить; Маура поняла, о чем он спрашивает. Почему она снова позвала его в свою постель спустя столько месяцев после того, как решительно разорвала их отношения?

– Она умерла, – сказала Маура. – Амальтея Лэнк умерла.

– Когда это случилось?

– Сегодня. Я была там, в больнице. Видела последний удар ее сердца на мониторе. У нее был рак, и я знала, что она умирает, знала много месяцев. И все же… когда это случилось…

– Я должен был стоять рядом с тобой, – пробормотал он, и она почувствовала его теплое дыхание на своих волосах. – Тебе нужно только позвонить мне, и я тут же окажусь рядом с тобой. Ты это знаешь.

– Странно. Несколько лет назад я даже не знала о существовании Амальтеи. Но теперь, когда она, моя последняя родственница, ушла, я поняла, насколько одинока.

– Только если ты сама выбираешь одиночество.

Словно одиночество – дело выбора, подумала Маура. Она не выбирала дорогу ни к радости, ни к горю. Она не выбирала любовь к человеку, который вечно будет разрываться между любовью к ней и его обещанием Богу. Этот выбор был сделан за них убийцей, который свел их четыре года назад, убийцей, который обратил свой взгляд на Мауру. Дэниел

рисковал жизнью, спасая ее. Разве требовались еще какие-то доказательства его любви?

– Ты не одна, Маура, – сказал он. – У тебя есть я. – Он повернулся к ней лицом, и в темноте она увидела, как горят его глаза. – У тебя всегда есть я.

В эту ночь она верила ему.

* * *

Утром Дэниел ушел.

Маура оделась в одиночестве, в одиночестве завтракала, в одиночестве читала газету. Впрочем, не совсем в одиночестве: кот сидел рядом и облизывал лапы после завтрака превосходным консервированным тунцом.

– Без комментариев, насколько я понимаю? – спросила у него Маура.

Кот даже не притворялся, что смотрит на нее.

Мо´я посуду и убирая ноутбук в футляр, она думала о Дэниеле, который в данный момент, вероятно, готовился к новому дню, состоящему в наставлении мятущихся душ прихожан. Вот так всегда и завершались их лихорадочные ночи, проведенные вместе: мирскими заботами повседневной жизни, которые они несли на своих плечах каждый в отдельности. В этом смысле они мало чем отличались от супружеских пар. Те тоже спали вместе, занимались любовью, а утром расходились в разные стороны.

Сегодня, подумала Маура, это считается счастьем.

* * *

Из ночи любви ко дню смерти.

Сегодня утром на пороге анатомички ее приветствовало тело Эрла Девайна. Йошима уже сделал рентгенограмму, и изображения были выведены на экран компьютера. Облачаясь в халат, Маура разглядывала съемки груди, фиксировала положение пули, остановленной позвоночником. Судя по выходным отверстиям, которые она осмотрела на месте, две пули прошили Эрла Девайна насквозь. Перед ней была единственная пуля, оставшаяся в теле, поскольку на ее пути оказался позвоночник Девайна.

Джейн вошла в анатомичку и присоединилась к Мауре у экрана компьютера:

– Сейчас наступит прозрение: причина смерти – огнестрельные ранения. Слушай, а *меня* не возьмут в медэксперты?

– Пуля находится у шестого грудного позвонка, – сказала Маура.

– Две другие пули мы нашли на месте преступления. Это подтверждает мои вчерашние слова. Кроу стрелял три раза.

– Адекватная реакция на неотвратимую угрозу. Я думаю, ему не о чем беспокоиться.

– И все же он здорово напрягся. Вчера вечером нам пришлось проставиться, чтобы он успокоился.

Маура посмотрела на нее с удивлением:

– Эй, что я слышу? Нотку симпатии по отношению к старому врагу?

– Угу, можешь себе представить? Словно мир перевернулся. – Джейн замолчала, вглядываясь в лицо Мауры. – Что ты с собой сделала?

– А?

– Ты сегодня утром светишься и сияешь. Словно побывала в спортивном центре или еще где.

– Не знаю, о чем ты говоришь.

Но Маура, конечно, знала. Светящийся и сияющий – именно таким казался ей сегодня мир. Счастье оставляло свой легко узнаваемый знак, и Джейн с ее наблюдательностью не могла не заметить этого. «Если я скажу ей о прошедшей ночи, она наверняка это не одобрит, но мне плевать. Меня не волнует, что думает на этот счет Джейн или кто-то другой. Сегодня я выбираю для себя счастье». Вызывающе кликнув мышкой, она вывела на экран следующий снимок – вид груди сбоку. Маура нахмурилась, заметив на теле позвонка просветление в форме монетки – ровно над тем местом, где остановилась пуля. Очаг поражения, которого не должно здесь быть.

– Новая косметика? Витамины? – спросила Джейн.

– Что?

– Ты сегодня какая-то другая.

Маура проигнорировала ее. Она вернула фронтальный снимок и увеличила изображение, чтобы обследовать пятый и шестой позвонки. Но простреленное легкое выплеснуло воздух и кровь в грудную полость и сместило грудные органы из их обычного положения. В этой искаженной действительности Маура не могла найти то, что искала.

– Видишь что-то интересное? – спросила Джейн.

Маура вернулась к виду сбоку и указала на просветление на теле позвонка:

– Не уверена, что это такое.

– Я не доктор, но мне это кажется пулей.

– Нет, это что-то другое. Что-то в кости. Мне нужно подтверждение, чтобы убедиться. – Маура повернулась к анатомическому столу, на котором в ожидании ее скальпеля лежал Эрл Девайн. – Давай-ка его вскроем, – сказала она, надевая маску.

Когда Маура начала делать разрез в форме буквы «Y», Джейн проговорила:

– Надеюсь, у тебя нет сомнений в том, как прошли выстрелы.

– Нет.

– Так что же ты ищешь?

– Объяснение, Джейн. Причину, по которой этот человек выбрал самоубийство от руки копа.

– Разве это не задача психиатра?

– В данном случае ответ нам может дать аутопсия.

Маура работала быстро и эффективно, продвигаясь с решительностью, которой не чувствовала до просмотра рентгенограмм. Причина смерти и ее характер не вызвали сомнений, и прежде она предполагала, что эта аутопсия призвана всего лишь подтвердить то, что ей сказали о стрельбе. Но боковой снимок добавлял некую вероятность к истории – вероятное прозрение относительно мотивов и душевного состояния Эрла Девайна. Труп мог раскрыть не только физические тайны: иногда он предлагал откровения, касающиеся личности того, кто прежде обитал в этой плоти. Улики могли иметь вид старых ножевых ранений, следов иголки, косметической хирургии – у каждого трупа была своя история.

Пробираясь за ребра, Маура чувствовала, что вот-вот откроет книгу с тайнами Эрла Девайна, но, когда она подняла грудную кость и ее взгляду предстала грудная полость, стало ясно, что все тайны скрыты кровью. Три пули, выпущенные детективом Кроу, практически уничтожили цель, пронзив легкие и разорвав аорту. Взрыв крови в смешении с воздухом уничтожил правое легкое, деформировав обычные маячки. Маура засунула руки в латексных перчатках в эту холодную застывшую кровь и вслепую прошлась пальцами по поверхности левого легкого.

У нее ушло совсем немного времени, чтобы найти то, что она искала.

– Как ты там видишь что-то? – спросила Джейн.

– Не вижу. Но могу тебе сказать, что это легкое не нормальное.

– Может, его повредила пуля?

– Пуля не имеет к этому никакого отношения.

Маура снова взяла скальпель. Было искушение пойти прямым путем и немедленно заняться легким, но именно из спешки проистекали ошибки, пропускались важные детали. И она пошла обычным путем: сначала рассекла язык и шею, освободила глотку и пищевод от позвонков шейного отдела. Никаких посторонних тел, ничего, что отличало бы структуры глотки Эрла Девайна от таковых любого другого шестидесятисемилетнего мужчины. «Не спеши. Не ошибись». Она чувствовала, что Джейн наблюдает за ней с растущим недоумением. Йошима положил пинцет на поднос, звук был резкий, как выстрел. Маура продолжала свое дело, разрезая скальпелем мягкие ткани и сосуды верхней апертуры грудной клетки. Погрузив обе руки глубоко в холодную кровь, она освободила пристеночную плевру, чтобы отделить легкие от грудной стенки.

– Таз, – попросила она.

Йошима протянул таз из нержавеющей стали в ожидании того, что она готовилась опустить в него.

Маура вынула из грудной полости сердце и легкие как единый орган, и они со всплеском упали в таз. Над тазом поднялся запах холодной крови и мяса. Она понесла таз к раковине и принялась отмывать скользкую поверхность от крови, обнажая то, что нащупала на левом легком: просветление, не очевидное на снимке из-за огнестрельного повреждения.

Маура отрезала кусочек легкого. Глядя на серо-белую ткань, поблескивающую в ее руке, она почти наверняка знала, как эта ткань будет выглядеть под микроскопом. Она вообразила плотные колечки кератина и необычные обезображенные клетки. И вспомнила дом Эрла Девайна, где запах никотина впитался в шторы, в мебель.

Она посмотрела на Джейн:

– Мне нужен список лекарств, которые он принимал. Узнай, кто был его лечащим врачом.

– Зачем?

Маура подняла кусочек ткани:

– Затем, что вот здесь объяснение его самоубийства.

33

– Я понятия не имела, – сказала Холли Девайн, сидевшая на диване в своей гостиной, сложив руки на коленях. – Я видела, что папа похудел, но он мне сказал, что только что перенес воспаление легких. Он не говорил, что умирает. – Она посмотрела через кофейный столик на Джейн и Фроста. – Может, он и сам не знал.

– Ваш отец определенно знал, – возразила Джейн. – Осматривая его аптечку, мы нашли рецепты от онколога, доктора Кристины Кадди. Четыре месяца назад вашему отцу поставили диагноз: рак легких. Он уже распространился и на кости, и когда доктор Айлз изучала рентгенограмму, то обнаружила метастатическое поражение на позвоночнике. Ваш отец, вероятно, страдал от болей, потому что в ванной мы нашли недавно выписанный ему пузырек викодина.

– Он сказал, что потянул мышцу. И что с болями дело улучшается.

– Дело не улучшалось, Холли. Рак уже был у него в печени, и боли только усиливались. Ему предложили химиотерапию, но он отказался. Сказал доктору Кадди, что, пока есть возможность, хочет жить полной жизнью, не чувствуя себя больным. Потому что нужен дочери.

Прошло всего два дня после смерти отца, но Холли казалась собранной, в глазах у нее не появилось ни слезинки, когда она переваривала эту новую информацию. По улице мимо дома проехал грузовик, и три кофейные чашки задребезжали на столике. Все в квартире Холли казалось дешевым, вроде той мебели, что привозят упакованной с пошаговой инструкцией по сборке. Квартира с голыми стенами для начинающей карьеру девушки, которая пока еще топчется на нижних

ступенькаx, но Холли явно собиралась подняться наверх. В ней была хитрость, практичный ум в глазах – Джейн только теперь увидела все это.

– Наверное, он не хотел, чтобы я беспокоилась. Поэтому так и не сказал мне про рак, – заметила Холли и печально покачала головой. – Он на все был готов, чтобы сделать меня счастливой.

– Он даже убил ради вас, – сказала Джейн.

– Он сделал то, что считал нужным. Разве не так поступают отцы? Они не подпускают к тебе монстров.

– Это была не его задача, Холли. А наша.

– Но вы не могли меня защитить.

– Потому что вы нам не позволяли. Напротив, вы даже предложили убийце нанести удар. Проигнорировали наш совет и пошли в бар. Позволили этой женщине угостить вас выпивкой. Вы что, искали смерти? Или действовали по плану?

– Это *вам* не удавалось его найти.

– И вы решили сделать это сами.

– О чем вы говорите?

– По какому плану вы действовали, Холли?

– Не было у меня никакого плана. Просто зашла выпить после работы, и больше ничего. Я же говорила, у меня было назначено свидание.

– Но ваш друг не пришел.

– Думаете, я вам солгала?

– Я думаю, вы рассказали не всю историю.

– И что же это за история?

– Вы пришли в бар в надежде выманить Станека и его напарницу. Решили выступить в роли мстителя, вместо того чтобы позволить нам разыскать их.

– Я решила дать отпор.

– Взяв на себя роль вершителя правосудия?

– Разве имеет значение, как это происходит? Важно, чтобы это происходило!

Джейн несколько мгновений смотрела на нее, внезапно сраженная тем, что на каком-то уровне она соглашается с Холли. Она подумала о преступниках, которые уходят от наказания, потому что какой-то коп или прокурор совершил процессуальную ошибку, – о преступниках, заведомо виновных. Она подумала о том, что ей нередко хотелось, чтобы путь к правосудию для убийцы был короче, чтобы монстра сразу можно было посадить в камеру. И она подумала о детективе Джонни Таме, который однажды пошел таким коротким путем и совершил правосудие так, как понимал его. Только Джейн знала тайну Тама, – тайну, которую она будет хранить до самой смерти.

Но эту тайну невозможно было сохранить, поскольку бостонская полиция точно знала, что спланировали Холли и ее отец. Холли должна была выслушать, что ей вменяется.

– Вы выманили их, – сказала Джейн. – Они раскрылись.

– В этом нет ничего противозаконного.

– Противозаконно убийство. И вы – пособница.

Холли моргнула:

– Это как?

– Последнее, что ваш отец сделал на земле, – это защитил свою маленькую девочку. Он умирал от рака легких, так что ничего не терял, убивая Мартина Станека. И вы знали, что он собирается это сделать.

– Не знала.

– Конечно знали.

– Откуда я могла знать?

– Это вы сообщили ему, где искать Станека. Через несколько минут после того, как мы арестовали Бонни Сандридж, вы позвонили отцу на сотовый. В течение этого двухминутного разговора вы назвали ему имя Бонни и адрес. И он отправился туда, вооруженный и готовый убить человека, который угрожал его дочери.

Холли выслушала это обвинение с удивительным спокойствием. Джейн предъявила ей свидетельство того, что она была пособником убийства Мартина, но это ничуть ее не смутило.

– Вам есть что возразить, мисс Девайн? – спросил Фрост.

– Да. – Холли выпрямилась. – Я и в самом деле звонила отцу. Конечно звонила. Я только что столкнулась с женщиной, собиравшейся меня похитить, и хотела сказать ему, что мне ничто не угрожает. Любая дочь позвонила бы отцу при таких обстоятельствах. Может, я и упомянула имя Бонни, но я не говорила ему, чтобы он ее убил. Я просто сказала папе, чтобы он не беспокоился, потому что вы ее задержали. Я не знала, что он отправится к ней домой. Я не знала, что он возьмет пистолет. – Холли глубоко вздохнула и уронила голову. Когда она снова посмотрела на детективов, по ее щекам текли слезы. – Он отдал за меня свою жизнь. Как вы можете говорить о нем как о хладнокровном убийце?

Джейн поглядела на ее мокрые глаза и дрожащие губы и подумала: «Черт побери, ведь хорошо играет девка». Сама Джейн не попадалась на такие уловки, но кое-кого этот спектакль мог убедить. Записи разговора между Холли и отцом у них не было, как и других доказательств того, что Холли знала о намерениях Эрла. В суде эта женщина, так удивительно умеющая держать себя в руках, легко пройдет любой перекрестный допрос.

– Теперь мне нужно побыть одной, – пролепетала Холли. – Это так тяжело – потерять отца. Пожалуйста, уходите.

– Хорошо, – сказал Фрост и встал.

Неужели он купился на это представление? Фрост всегда легко подпадал под влияние дамочек в душевном расстройстве, особенно если эти дамочки были молоды и привлекательны, но он ведь должен был видеть, что происходит здесь и сейчас.

Джейн хранила молчание, пока они с Фростом выходили из квартиры, а потом и из дома. Но как только они сели в машину, она выпалила:

– Какую кучу дерьма она вывалила! И какая актриса, черт побери!

– Думаешь, она играла? Мне показалось, она и в самом деле расстроена, – сказал Фрост.

– Ты имеешь в виду те скупые слезинки, что она из себя выдавила?

– Ну хорошо, – вздохнул Фрост. – Что тебя грызет?

– Что-то в ней не так.

– А поконкретнее?

Джейн задумалась о том, что ее беспокоит в Холли, что не так с этой девицей.

– Ты помнишь, как она прореагировала два дня назад, когда мы сказали ей, что Эрл убит?

– Она расплакалась. Разве это не естественно для дочери?

– О да, она расплакалась. Громкие, шумные рыдания. Но я почувствовала, что это все на публику, – она делала то, чего мы ждали от нее. И могу поклясться, что она и сейчас актерствовала.

– А чем она вообще тебя не устраивает?

– Не знаю. – Джейн завела двигатель. – Но я чувствую, что проморгала что-то важное. В ней.

Вернувшись в управление, Джейн просмотрела все папки у себя на столе, надеясь найти в них какую-то упущенную деталь, какое-то объяснение ее нынешней неудовлетворенности. Перед ней лежали читаные-перечитаные дела по бостонским убийствам Кассандры Койл и Тимоти Макдугала, по ньюпортскому делу об убийстве Сары Бастераш и об исчезновении Билли Салливана в Бруклайне. Четыре жертвы в трех разных юрисдикциях. Их смерти были так несходны, что двадцатилетней давности связь между ними легко могла остаться незамеченной. Кассандра Койл, чьи глазные яблоки вырезаны и положены ей в ладонь, как у святой Луции. Тим Макдугал, пронзенный стрелами, как святой Себастьян. Сара Бастераш, сгоревшая, как Жанна д’Арк. Билли Салливан, почти наверняка похороненный и разлагающийся в могиле, как святой Виталий.

Но оставался еще один живой ребенок, тот, кто первым обвинил Станека в насилии двадцать лет назад: Холли Девайн, родившаяся 12 ноября. В этот день церковь вспоминала святого Ливинуса, апостола Фландрии, умершего мучеником от рук язычников. Ему вырвали язык, которым он проповедовал слово Божье, но, по легенде, даже после смерти вырванный язык Ливинуса продолжал проповедовать. Не лежала ли Холли по ночам без сна, преследуемая мыслями о жестокой судьбе, уготованной ей из-за даты рождения? Не дрожала ли она при мысли о том, как ей раскрывают рот и вырезают ножом язык? Джейн вспомнила собственные страхи тех дней, когда ее преследовал убийца, получивший

прозвище Хирург. Она вспомнила, как просыпалась в панике, покрытая по´том, воображая, как скальпель убийцы вонзается в ее плоть.

Если Холли и преследовали такие страхи, то она хорошо их скрывала. Слишком хорошо.

Джейн потерла виски, спрашивая себя, не стоит ли перечитать все эти дела по четырем жертвам.

«Нет, не по четырем. – Она выпрямилась. – По пяти».

Она перебрала папки и нашла дело об исчезновении девятилетней Лиззи Дипальмы двадцать лет назад. Это дело до сих пор оставалось нераскрытым, но следователи не сомневались, что ее похитил и убил Мартин Станек. Два десятилетия спустя девочка продолжала считаться без вести пропавшей.

Фрост вернулся с ланча, увидел папки на столе Джейн и покачал головой:

– Ты все еще ищешь там что-то?

– Меня это не устраивает. Все так аккуратненько прилажено одно к другому и завершается прощальным поклоном. Главный подозреваемый удобным образом отправляется на тот свет.

– Мне это не кажется проблемой.

– И мы так и не узнали, что случилось с этой маленькой девочкой. – Она похлопала по папке. – С Лиззи Дипальмой.

– Это произошло двадцать лет назад. И дело расследовали не мы.

– Но, похоже, с него все и началось. Словно ее исчезновение стало первой упавшей костяшкой домино, за которой начали падать и другие. Пропала Лиззи. Ее шапочку нашли в школьном автобусе Мартина Станека. И тут вдруг посыпались обвинения. Станеки – монстры. Они много месяцев совершали насильственные действия над детьми! Почему ничто из этого не всплывало раньше? Даже намека никакого не было.

– Ну, кто-то всегда начинает говорить первым.

– И этим первым ребенком стала Холли Девайн.

– Девушка, которая кажется тебе странной.

– Когда я с ней разговариваю, она будто взвешивает каждое твое слово. Мы словно играем партию в шахматы, и она опережает меня на пять ходов.

Зазвонил телефон Фроста. Детектив стал разговаривать, а Джейн продолжила листать папку с документами по Лиззи Дипальме, спрашивая себя, возможен ли какой-либо прогресс в деле двадцатилетней давности. Территорию «Яблони» тщательно обыскали и останков девочки там не обнаружили. Микроскопические следы ее крови нашли в автобусе, однако их объяснили травмой, которую Лиззи получила месяцем ранее, когда прикусила губу. Но самой главной уликой против Мартина Станека стала вышитая бисером шапочка Лиззи, найденная в школьном автобусе. Шапочка, которая была на ней в день исчезновения.

Значит, убил ее Мартин Станек.

«И он теперь мертв. Конец истории».

Издав вздох безысходности, Джейн закрыла папку.

– Тебе это не понравится, – сказал Фрост, закончив разговор.

Она повернулась к нему:

– Что еще?

– Ты помнишь про бокал вина, которым Бонни Сандридж угостила Холли в пабе? Лаборатория говорит, что кетамина там не обнаружено. – Он покачал головой. – Придется ее отпускать.

34

Всего два дня назад на Бонни надели наручники и обвинили ее в пособничестве в убийствах. А теперь она вошла в комнату для допросов уверенной походкой, словно она тут всем заправляла. Хотя в ее рыжих волосах пробивалась седина, а после долгих лет пребывания на солнце лицо покрылось веснушками и вокруг глаз появились морщинки, она держала себя с самоуверенностью женщины, которая всегда была красива и знала это. Она села за стол и насмешливо посмотрела на Джейн и Фроста:

– Дайте-ка я догадаюсь. Тот бокал вина оказался всего лишь бокалом вина.

– Нам нужно поговорить, – сказала Джейн.

– После того, как вы обошлись со мной подобным образом? С какой стати мне с вами сотрудничать?

– С такой, что мы все хотим установить истину. Помогите нам ее найти, Бонни.

– Я скорее помогу выявить вашу некомпетентность.

– Миз Сандридж, – тихо произнес Фрост. – Во время вашего ареста у нас были все основания предполагать, что вы представляете угрозу для жизни Холли Девайн. Убийца действовал по характерной схеме, и когда вы угостили Холли вином, то точно вписались в эту схему.

– Какую схему?

– В день убийства Кассандры Койл официантка в баре неподалеку от дома Кассандры видела ее выпивающей с другой женщиной.

– И вы решили, что этой женщиной была я? О господи, но вы не сможете это доказать, потому что официантка меня не опознает. Я права?

– И все же вы должны понять мотивы, которыми мы руководствовались, когда арестовали вас. Увидев вас с Холли, мы должны были действовать оперативно. Мы считали, что ее жизнь подвергается опасности.

– Жизнь Холли Девайн подвергается опасности? – Бонни фыркнула. – Да эта девица выйдет сухой изводы.

– Что заставляет вас так думать?

– А почему бы нам не спросить у мужчины? – Бонни обратилась к Фросту. – Что *вы* думаете о Холли, детектив? Давайте послушаем первые слова, которые придут вам в голову.

– Она умная, – сказал Фрост, помедлив. – Привлекательная…

– Ага! Привлекательная. Для мужчин все всегда к этому и сводится.

– Изобретательная, – быстро добавил он.

– Вы кое-что забыли: соблазнительная, манипулирующая, беспринципная.

– К чему вы ведете, Бонни? – спросила Джейн.

Женщина посмотрела на Джейн:

– Холли Девайн – типичная социопатка. Нет, я не хочу ее ни в чем осуждать. Социопатия, видимо, укладывается в рамки нормального человеческого поведения, потому что в мире так много людей, похожих на Холли.

В ее уничижительном взгляде Джейн прочитала: «Вам бы нужно подучиться, милочка». Если в мире и были профессоналы, упрямством не уступающие полицейским убойных отделов, так это журналисты-расследователи, и Джейн испытала укол завистливого уважения к этой женщине. Бонни носила свои морщинки у глаз, как шрамы от полученных в бою ранений, – с гордостью и заносчивостью.

– Только не говорите мне, что вы не видели в Холли всего этого. Вы же разговаривали с ней.

– Мне она показалась… необычной, – призналась Джейн.

Бонни хохотнула:

– Довольно благодушная оценка.

– Почему вы считаете, что она социопат? Вы говорили с ней всего раз, в том пабе.

– Вы разговаривали с ее коллегами в «Буксмарт медиа»? Спрашивали их мнение о ней? Большинство мужчин в ее офисе горят желанием забраться ей в трусы, но женщины относятся к ней настороженно. Женщины ей не верят.

– Может, завидуют? – спросил Фрост.

– Нет, они ей по-настоящему не доверяют. Кассандра Койл ей явно не доверяла.

Джейн нахмурилась:

– Что Кассандра говорила про Холли?

– Именно от Кассандры я и узнала о том, что такое Холли. Кассандра так прямо и сказала, что не стоит ей доверять. В «Яблоне» другие дети считали ее странной девочкой и избегали. Чувствовали, что с ней что-то не так. Единственный, кто с ней играл, – это Билли Салливан.

– Почему другие дети побаивались Холли?

– Я тоже задавала себе этот вопрос. Хотела понять это на собственном опыте, но никто не знал, как ее найти. У меня ушло несколько месяцев на

то, чтобы выяснить, где она работает. Я хотела поговорить с ней – набирала материал для той главы моей книги, которая будет посвящена процессу «Яблони». Холли первой из детей обвинила Станеков, и я сомневалась, что она говорила правду.

– Но были физические свидетельства, подтверждающие ее слова: синяки, царапины, – напомнил Фрост.

– Ну, ими она могла обзавестись где угодно.

– Зачем ей было лгать о насилии?

Бонни пожала плечами:

– Возможно, чтобы привлечь к себе внимание. А возможно, эта мысль пришла в голову ее сумасшедшей матери. Какой бы ни была причина, Холли нашла идеальное время, чтобы выступить со своими обвинениями. Лиззи Дипальма исчезла, и все родители в округе были перепуганы и искали ответы. Холли дала им один: это сделали злые Станеки. Потом Билли Салливан сообщил, что тоже подвергался насилию, и тут уже Станеки были обречены. – Она щелкнула пальцами. – Обезумевшие родители допрашивали собственных детей, насаждали всякие глупости в их головы. Неудивительно, что другие дети начали повторять их истории. Если спрашивать о чем-то раз за разом, то и сам начинаешь вспоминать. Самым младшим детям было всего по пять-шесть лет, и с каждым разом их истории становились все более причудливыми. Летающие тигры! Мертвые дети! Станеки, парящие в воздухе на метлах! – Она покачала головой. – Присяжные отправили несчастную семью в тюрьму на основании выдумок, рассказанных детьми, которым промыли мозги. Кассандра Койл уже начала сомневаться в верности своих воспоминаний. Она сказала, что свяжется с другими детьми и выяснит, готовы ли они поговорить со мной, но назвала мне только Холли Девайн. И теперь Холли осталась единственным источником информации для моей книги.

– В чем смысл книги, которую вы пишете? Оправдание Мартина Станека?

– Чем больше я узнавала об этом деле, тем сильнее злилась. Так что да, доказательство невиновности было важным пунктом. И до сих пор важно. – Бонни моргнула и отвернулась. – Пусть его уже и нет в живых.

Заметив слезы, сверкнувшие в глазах женщины, Джейн тихо спросила:

– Вы были в него влюблены?

От этого вопроса у Бонни отвисла челюсть.

– Что? – спросила она удивленно.

– У вас эмоциональная вовлеченность, она бросается в глаза.

– Просто для меня это важно. Эта история должна быть важна для всех.

– Почему конкретно для вас?

Бонни вздохнула и выпрямила спину:

– Отвечаю на ваш вопрос: нет, я не была влюблена в Мартина, но я ему сочувствовала. От того, что сделали с ним, с его семьей, я просто вне себя…

Она замолчала, слишком взволнованная, чтобы говорить, и сжала кулаки с такой силой, что костяшки побелели.

– Почему вас это так злит? – спросила Джейн.

Бонни только крепче сжала кулаки, но не ответила.

– Должна быть какая-то причина, почему для вас это важно. Причина, которую вы нам не назвали.

Бонни долго молчала. Но наконец заговорила еле слышным шепотом:

– Да, для меня это важно. Потому что это случилось и со мной.

Джейн и Фрост испуганно переглянулись.

– Что с вами случилось, миз Сандридж? – осторожно спросил Фрост.

– У меня была… у меня есть дочь, – начала Бонни. – Ей почти двадцать шесть. У нее через три недели день рождения, и мне ничего так не хочется, как быть рядом с ней в этот день. Но мне не позволено ни встречаться с Эми, ни звонить ей, ни даже писать. – Она распрямила плечи, словно готовясь к битве, и посмотрела на Джейн и Фроста. – Когда Эми училась на первом курсе в колледже, у нее начались приступы паники. Она просыпалась по ночам, убежденная, что кто-то пробрался в спальню и хочет ее убить. Приступы были такими жуткими, что она спала с включенным светом. Студенческая служба здоровья направила ее к психотерапевту, женщине, которая называла себя специалистом по возрастной регрессии[22]. Она использовала гипноз, чтобы докопаться до детских воспоминаний Эми и попытаться найти там причину ее страхов. В течение восьми месяцев Эми снова и снова приходила к этой…

докторше. – Бонни произнесла это как ругательство и провела рукой по губам, словно чтобы избавиться от вкуса произнесенного слова. – Эти сессии продолжались, и Эми стала вспоминать. Вспоминать то, что в ней предположительно было задавлено. Она вспомнила, как лежала в кровати ребенком. Вспомнила, как открывалась дверь и кто-то крался к ней в темноте. Кто-то стаскивал с нее пижамку и… – Бонни замолчала. Вздохнула еще раз и словно нырнула в холодную воду. – И это не были туманные воспоминания. Они были чрезвычайно подробные, вплоть до тех предметов, которым пользовался насильник. Деревянная ложка. Ручка зубной щетки. Психотерапевт пришла к выводу, что приступы паники Эми коренятся в годах насилия, которому она подвергалась, будучи ребенком. И вот когда Эми вспомнила это, пришло время предъявить обвинения насильнику. – Бонни подняла голову. На ее ресницах сверкали слезы. – Мне.

Джейн нахмурилась:

– Вы и в самом деле…

– Да нет, конечно. Это все вранье, все до последней мелочи! Я была матерью-одиночкой, никто больше не жил в нашем доме, так что, разумеется, я стала виновной стороной. Я была тем монстром, который прокрадывался к ней в спальню и совершал над ней насилие. Монстром, который превратил ее в эмоциональную развалину. Чем больше ходила Эми на прием к этому психотерапевту, тем тревожнее она становилась. Я не понимала, что происходит, до того вечера, когда все это не подошло к развязке. Мне позвонила эта психотерапевт и пригласила на встречу. Я пришла в ее кабинет, полагая услышать, как продвигается курс лечения. Но вместо этого я оказалась в комнате с дочерью. Психотерапевт сидела и направляла ее, а Эми рассказывала мне все те ужасные вещи, которые я делала с ней, когда она была ребенком. Она вдруг вспоминала какие-то случаи насилия, совращения, случаи, когда я делила ее с какими-то таинственными другими людьми. Я говорила ей, что это игра воображения, что я не делала ничего подобного, но она была убеждена, что это происходило. Она это *помнила*. А потом она… – Бонни отерла слезы. – Сказала мне, что больше никогда, до самой смерти не будет ни искать со мной встреч, ни пытаться поговорить. Я хотела вразумить ее, убедить, что это ложные воспоминания, но психотерапевт заявила, что я должна радоваться, как легко это сошло мне с рук. Они могли бы вызвать полицию, и меня бы арестовали. Она сказала, что Эми проявляет снисходительность, оставляя все это в прошлом. Я рыдала, умоляла дочь выслушать меня, но она встала и вышла из комнаты. Больше я ее не видела. – Бонни провела рукой по глазам, размазав слезы по лицу. – Вот почему дело «Яблони» важно для меня.

– И вы считаете, что то же самое произошло со Станеками.

– Кассандра Койл тоже так считала. По ее словам, это дело так мучило ее, что она собиралась написать сценарий о нем.

– Вы говорите о ее фильме ужасов? О «Мистере Обезьяне»? – спросил Фрост.

Бонни иронически усмехнулась:

– Иногда правду можно сообщить только через вымысел.

– Ее коллеги говорили нам, что фильм «Мистер Обезьяна» рассказывает о пропавшей девочке. Он не имеет никакого отношения к сексуальному насилию над детьми.

– И еще этот фильм о том, как время искажает воспоминания. О том, что истина – всего лишь вопрос вашей точки зрения. – Бонни распрямила спину. Она снова держала себя в руках. – Вы что-нибудь слышали о докторе Элизабет Лофтус?[23]

– О психотерапевте? – уточнил Фрост.

Джейн вытаращилась на напарника:

– Откуда ты ее знаешь?

– Элис рассказывала мне о ней, – ответил Фрост. – Эту тему подняли на одном из занятий в ее юридической школе. Речь шла о свидетельских показаниях и их надежности. – Он посмотрел на Бонни. – Элис – это моя жена.

«Была твоей женой», – хотела сказать Джейн, но воздержалась.

– В середине девяностых доктор Лофтус опубликовала в «Психиатрических трудах» революционную статью. Там рассказывалось об эксперименте, который она проводила с двадцатью четырьмя взрослыми людьми. В ходе эксперимента каждому подопытному напомнили о четырех разных событиях из его детства в пересказе близких родственников. Однако только три из этих четырех событий действительно имели место. Одно было чистым вымыслом. Подопытных попросили припомнить детали каждого из этих событий. Шли недели, они вспоминали все больше и больше, детали становились все более подробными. Даже к тому событию, которого не было. По окончании эксперимента пятеро из этих двадцати четырех участников не смогли указать, какое из четырех событий было вымышленным. Они продолжали верить, что это случилось в их жизни. В этих пятерых доктор Лофтус успешно имплантировала ложные воспоминания. Чтобы имплантировать воспоминания, нужно только повторять человеку, что

такое событие действительно имело место. Говорите о нем как о реальности, снова и снова указывайте на него, и в скором времени ваши подопытные начнут украшать это несуществующее событие собственными подробностями, добавлять цвет и фактуру, и в конечном счете воспоминание станет для них таким же живым, как если бы произошло на самом деле. Таким живым, что они будут клясться и божиться, что так оно все и было. – Она откинулась на спинку стула. – Свой эксперимент доктор Лофтус ставила на взрослых людях. Представьте, насколько все было бы проще с детьми. Ребенка можно убедить почти в чем угодно.

– Например, в летающих тиграх и тайных комнатах в подвале, – подхватил Фрост.

– Вы читали расшифровки разговоров с детьми. Вы знаете, насколько невероятными были некоторые из их заявлений. Принесение животных в жертву. Поклонение дьяволу. И не забывайте: некоторым из них было всего по пять-шесть лет – возраст, вряд ли заслуживающий доверия. Однако их показания помогли отправить семью Станек в тюрьму. Это была современная версия процессов о салемских ведьмах. – Она перевела взгляд с Джейн на Фроста и обратно. – Вы разговаривали с обвинителем, Эрикой Шей?

– Нет еще, – ответила Джейн.

– Ее карьера построена на процессе «Яблони». Она не смогла добиться вердикта «виновен» по исчезновению Лиззи Дипальмы, но ей удалось отправить сатанинских Станеков в тюрьму. Для нее важна была победа – ничто больше ее не интересовало. Не истина. И уж конечно, не правосудие.

– Это довольно серьезное обвинение, – заметил Фрост. – Вы утверждаете, что обвинитель отправил заведомо невиновных людей в тюрьму.

Бонни кивнула:

– Именно это я и утверждаю.

* * *

– Можете мне поверить, Мартин Станек был виновен по уши, – сказала Эрика Шей.

В пятьдесят восемь лет прокурор выглядела еще более устрашающей, чем в новостных заметках с процесса «Яблони» двадцатилетней

давности, когда она предстала перед судом неумолимой фигурой в сшитом на заказ деловом костюме, с убранными назад в строгий пучок волосами. Два десятилетия стерли с ее лица какие-либо намеки на мягкость, избороздили его прямоугольными морщинами вокруг выступающих скул и носа, похожего на клюв хищной птицы. Взгляд ее был прямым и готовым к противостоянию.

– Станек, конечно, заявлял, что он невиновен. Так делают все виновные.

– Но и невиновные тоже, – заметила Джейн.

Эрика откинулась на спинку стула и холодно посмотрела поверх дубового стола на двух детективов, пришедших в ее кабинет. Одна стена этой прекрасно обставленной комнаты была покрыта дипломами, наградами и множеством фотографий: Эрика рядом с многочисленными сменяющими друг друга массачусетскими губернаторами, Эрика с двумя сенаторами, Эрика с президентом. Эта стена сообщала всем, кто входил сюда: «Я знакома с влиятельными людьми. Не рекомендую шутить со мной».

– Я просто делала свое дело. Представляла улики против Мартина Станека в суде, – сказала Эрика. – И присяжные решили, что он виновен.

– В насилии, – уточнила Джейн. – Но не в похищении Лиззи Дипальмы.

Эрика раздраженно сверкнула глазами:

– Это была ошибка присяжных. Я ни на мгновение не сомневалась, что он ее убил. Мы все знаем, что он ее убил.

– Правда?

– Вам достаточно было только посмотреть на улики. Девятилетняя Лиззи Дипальма пропадает днем в субботу. Она выходит из дома в своей любимой шапочке, вышитой серебристым бисером. Садится на велосипед, уезжает – и больше ее никто не видит. Велосипед находят у дороги в полутора милях от дома. Два дня спустя шапочку Лиззи – очень заметную, купленную во время поездки семьи в Париж – кто-то из детей находит в школьном автобусе «Яблони». А теперь скажите мне, как могла шапочка оказаться в автобусе, за рулем которого сидел только Мартин Станек? В автобусе, который предположительно все выходные простоял запертый на подъездной дорожке к дому Станеков? На полу того же автобуса находят капли крови Лиззи.

– За месяц до этого Лиззи прикусила губу в автобусе. Ее мать рассказывала об этом на процессе.

Эрика фыркнула:

– Ее мать была идиоткой. Ей не следовало обнародовать эту информацию.

– Значит, это было правдой?

– Это привело только к одному: заронило сомнение в головы присяжных. Они начали ставить под вопрос все наши остальные аргументы. Потом защита состряпала нелепую теорию, будто Лиззи похитил кто-то другой. Что девочка, возможно, еще жива. – Эрика с отвращением покачала головой. – Хорошо хоть нам удалось получить вердикт «виновны» по обвинениям в сексуальном насилии. Двадцать лет в тюрьме – я надеялась на большее, но, по крайней мере, за эти двадцать лет Станек никому не мог причинять вреда. А как только он оказался на свободе – тут же взялся за старое, за убийства. Он жаждал мести. Те дети говорили правду, и потому он оказался в тюрьме.

– Правду? Некоторые из обвинений были абсолютно надуманными, – возразил Фрост.

– Дети преувеличивают. Или путают некоторые подробности. Но они не лгали в том, что касалось сексуального насилия.

– Их могли наводить на эту мысль, внедрять в их головы…

– Только не говорите мне, что вы его защищаете!

Ее вспышка ярости отбросила Фроста на спинку стула. В зале суда эта женщина, вероятно, сражалась, как гладиатор: быстро наносила удары, никогда не отступала. Джейн подумала о молодом Мартине Станеке. Двадцатидвухлетний парень, испуганный и обреченный. И вот кто противостоял ему на свидетельской трибуне – безжалостный противник, сужающий круги, чтобы нанести решающий удар.

– Я говорила со всеми этими детьми, – сказала Эрика. – Говорила с их родителями. Я обследовала синяки и царапины на руках Холли. Это она нашла шапочку Лиззи в автобусе. Это ей хватило храбрости сказать матери о том, что происходит в центре продленного дня. Потом это подтвердил Билли Салливан, и я поняла, что это правда. Станеки устроили в своем доме настоящее змеиное гнездо и настолько запугали своих жертв, что те не осмеливались заговорить, пока это не сделали Холли и Билли. Потребовались долгие недели разговоров, повторение вопросов, но все же тайна понемногу раскрывалась. Тайна о том, что видели дети, что делали почти со всеми ними.

– О каком количестве детей идет речь? – спросила Джейн.

– О многих. Но мы решили ограничить число заявлений.

– Потому что истории других были еще нелепее?

– Прошло двадцать лет. Почему вы подвергаете сомнению результаты моей работы по этому делу?

– Нам известен журналист, который утверждает, что вы внедрили эти показания в детские головы.

– Бонни Сандридж? – Эрика фыркнула. – Она называет себя журналистом, а на самом деле она ненормальная.

– Значит, вы с ней знакомы.

– Я стараюсь ее избегать. Последние несколько лет она пишет какую-то книгу о процессах по ритуальному насилию. Один раз она попыталась взять у меня интервью, и мне показалось, будто я попала в засаду. У нее извращенный подход к делу. Она считает, что все эти процессы – охота на ведьм. – Эрика сделала презрительный жест рукой. – С какой стати меня должны волновать ее речи?

– А вот Кассандру Койл взволновали, и она захотела, чтобы Бонни исправила прошлое. Кассандра считала, что Станеки невиновны. И она стала звонить другим детям. Спрашивала у них, что они помнят.

– Вам это напела Бонни Сандридж?

– Данные по телефонным звонкам подтверждают ее слова. Кассандра и в самом деле звонила Саре Бастераш, Тимоти Макдугалу и Билли Салливану. Нам пришлось вернуться почти на год назад, чтобы подтвердить это. Если бы мы сделали такую глубокую проверку раньше, то все выяснилось бы сразу. Единственный, кому Кассандра не смогла позвонить, была Холли Девайн, потому что никто не знал, где ее найти.

– Прошло двадцать лет, и Кассандре вдруг захотелось обелить Станеков? – Эрика покачала головой. – Зачем?

– А вас бы не мучила совесть, если бы вы узнали, что отправили невиновного человека на двадцать лет в тюрьму?

– У меня нет ни малейших сомнений. Он был виновен, и присяжные со мной согласились. – Эрика встала, давая понять, что разговор закончен. – Правосудие восторжествовало, и добавить к этому нечего.

35

– Еще одна победа семейства Риццоли на поприще борьбы с преступностью! – объявил отец Джейн.

Хлопнула пробка, и итальянское игристое вино запузырилось, потекло на любимую желтую тосканскую скатерть Анжелы.

– Не надо фанфар, папа, – сказала Джейн. – Ничего выдающегося не случилось.

– Нет, случилось. Если наша семья попадает на страницы «Бостон глоуб», это достаточный повод для праздника.

Джейн посмотрела на брата:

– Фрэнки, слушай, почему бы тебе не ограбить банк. Ради этого можно было бы открыть и настоящее шампанское.

– А ты не спеши, вскоре и наш Фрэнки появится в новостях. Я уже вижу заголовок: «Специальный агент Фрэнк Риццоли-младший в одиночку разгромил международный преступный синдикат!» – Фрэнк Риццоли-старший налил вино в бокал и протянул его сыну. – Я всегда знал, что буду гордиться моими детьми.

– Нашими детьми, – сказала Анжела. Она поставила на стол блюдо с ростбифом. – Я тоже имею к этому некоторое отношение.

– Фрэнки поступит в ФБР, а о Джейн уже пишут газеты. Остался Майки – ему еще предстоит решить, что он будет делать со своей жизнью, но я знаю: настанет день – и я буду гордиться им точно так же. Жаль, что его сегодня нет здесь по такому прекрасному случаю, но присутствие и двоих моих детей – тоже немалый праздник.

– Наших детей, – повторила Анжела. – Не ты один их растил.

– Да-да, наших детей. – Он поднял бокал с вином. – За детектива Джейн Риццоли. За то, что еще один ублюдок больше не сможет убивать.

Брат и отец Джейн осушили свои бокалы, и она посмотрела на Габриэля, который удивленно покачал головой и покорно пригубил вино. Джейн понятия не имела, что сегодня семейный обед устраивается в ее честь – по окончании дела «глазного убийцы», как называл его ее брат. В действительности она не чувствовала себя победителем, да и что тут можно было праздновать, когда подозреваемый мертв и слишком много вопросов осталось без ответа? Она не могла отделаться от чувства, что работа не закончена, что упущено что-то важное. Вино горчило, вкус у

него был явно не победный, и Джейн, пригубив раз, поставила бокал. Она заметила, что и Анжела не пьет. Если дать отцу волю, то он купит такое дешевое вино, что ни один человек, у которого еще функционируют вкусовые рецепторы, не станет пить подобную дрянь.

Но это не останавливало ни Фрэнка, ни Фрэнка-младшего: они поглощали бокал за бокалом в честь триумфа Риццоли. Если это было правосудие, то за него приходилось платить огромную цену. Джейн вспомнила изъеденное раком тело Эрла Девайна на столе в морге, где открылась его трагическая тайна. Она подумала о Мартине Станеке, который ушел в могилу, отстаивая свою невиновность.

Что, если он говорил правду?

– Ты что такая мрачная, Джейни? Давай-ка получай удовольствие, – сказал отец, распиливая кусок говядины на своей тарелке. – Сегодня вечером мы празднуем!

– Ну, я не то чтобы установила мир во всем мире или что-нибудь в таком роде.

– Ты не считаешь, что хорошо сделанная работа достойна тоста под шампанское?

– Это не шампанское, а просекко, – пробормотала Анжела, но ее, похоже, никто не услышал.

Она сидела на дальнем конце стола, опустив плечи. К еде на своей тарелке она так и не прикоснулась. Ее муж и сын обжирались плодами ее трудов, а Анжела даже вилку в руки не брала.

– Мне не нравится, как завершилось это дело, – сказала Джейн.

– Мертвый преступник – проблема решена. – Ее брат рассмеялся и ущипнул Джейн за руку.

– Он ударил мамочку! – заволновалась Реджина.

– Я ее не ударял, малышка, – возразил Фрэнки. – Это был щипок победы.

– Ударил, я видела!

Джейн поцеловала рассерженную дочку в голову:

– Все в порядке, котенок. Дядя Фрэнки так играет.

– Потому что так поступают взрослые, – добавил Фрэнки.

– Ты бьешь людей? – Реджина нахмурилась.

«Устами младенца».

– Ты должна научиться стоять за себя, детка. – Фрэнки поднял кулаки и начал шутливо боксировать с племянницей. – Ну же, покажи дяде Фрэнки, как ты умеешь давать отпор.

– Прекрати, – велела Анжела.

– Да ведь это для забавы, ма.

– Она маленькая девочка. Ей ни к чему учиться драке.

– Очень даже к чему. Она – Риццоли.

– Формально она Дин, – сказала Джейн, посмотрев на своего неизменно покорного мужа.

– Но в ней течет кровь Риццоли. А все Риццоли знают, как постоять за себя.

– Нет, мы не знаем. – Лицо Анжелы покраснело, глаза загорелись вулканическим блеском. – Некоторые из нас не умеют постоять за себя. Некоторые Риццоли трусы. Например, я.

Фрэнки с набитым ртом уставился на мать:

– Ты это о чем, ма?

– Ты меня слышал. Я трусиха.

Фрэнк-старший положил вилку:

– Что тут у нас происходит?

– У нас тут происходишь ты, Фрэнк. И я. Все это – одна большая жопа.

Реджина взглянула на Габриэля:

– Папочка, она сказала гадкое слово.

Покраснев еще сильнее, Анжела посмотрела на внучку:

– Ах, детка, прости. Да, я сказала. Сказала гадкое слово. Прости. – Она отодвинула стул и встала. – Бабушке нужна передышка.

– Вот уж точно! – прокричал Фрэнк в спину уходящей в кухню Анжеле. Он оглядел сидящих за столом. – Не знаю, что это она взбеленилась. В последнее время она хандрит.

Джейн поднялась:

– Пойду поговорю с ней.

– Нет, оставь ее. Пусть возьмет себя в руки.

– Ей нужно, чтобы кто-нибудь ее выслушал.

– Как знаешь, – проворчал Фрэнк и потянулся за бутылкой просекко.

«Маме определенно нужна передышка. Хотя бы для того, чтобы избежать обвинения в убийстве».

Анжела стояла перед кухонным столом, зловеще поглядывая на подставку с поварскими ножами.

– Знаешь, мама, с ядом будет гораздо аккуратнее, – сказала Джейн.

– Какая доза стрихнина смертельна?

– Если я скажу, то мне придется тебя арестовать.

– Это не для него. Для меня.

– Мама?..

Анжела с несчастным видом повернулась к дочери:

– Я не могу, Джейн.

– Очень на это надеюсь.

– Нет, я хочу сказать, не могу больше – вот это все. – Анжела показала на грязные кастрюли и сковородки в раковине, на плиту, заляпанную жиром. – Та же ловушка, в которой я была прежде. Его это очень даже устраивает. Но не меня. Я, правда, сделала попытку. Но смотри, к чему это привело.

– Ты готова проглотить стрихнин.

– Именно.

За закрытой дверью раздавался мужской смех. Фрэнк и Фрэнки гоготали, поглощая еду, любовно приготовленную Анжелой. Чувствовали ли они

заботу, с которой она подавала ростбиф и картошку? Было ли у них хоть малейшее предчувствие того, что сейчас в кухне, за закрытой дверью, принимается решение, которое изменит все будущие обеды за этим столом?

– Я сделаю это, – сказала Анжела. – Уйду от него.

– Ах, мама.

– Только не пытайся меня отговорить. Я либо уйду, либо умру. Клянусь тебе, я зачахну и умру.

– Я не собираюсь тебя отговаривать. Вот что я сделаю. – Она положила руки на плечи матери и заглянула ей в глаза. – Я помогу тебе собраться. А потом заберу к нам.

– Прямо сейчас?

– Если ты этого хочешь.

У Анжелы выступили слезы на глазах.

– Хочу. Но я не могу тебя стеснять. У тебя маленький дом.

– Ты пока можешь поспать в комнате Реджины. Она будет рада своей бабушке.

– Это только на время, я тебе клянусь. Боже, твой отец сейчас закатит сцену.

– Нам не обязательно его оповещать. Пойдем наверх, соберем вещи.

Они вдвоем вышли из кухни. Фрэнк и Фрэнки настолько были погружены в мужской разговор, что даже не заметили, как женщины прошли по столовой, но Габриэль вопросительно посмотрел на Джейн. Конечно, ее муж не мог не заметить. Габриэль замечал все. В ответ Джейн покачала головой и последовала за матерью на лестницу.

В своей комнате Анжела вытащила ящики комода и извлекла оттуда свитера и нижнее белье. Взяла только то, что могло понадобиться на несколько ночей. Ей придется вернуться за остальной одеждой в отсутствие Фрэнка, чтобы он ей не помешал. Два года назад, когда у Фрэнка случился короткий приступ помешательства с участием крашеной блондинки, он ушел от Анжелы, но он определенно не позволит уйти Анжеле от него. Учинит скандал. Если же они уйдут быстро, то он, возможно, и не заметит, что его жена покинула дом.

Джейн отнесла чемодан вниз, где Габриэль уже ждал у входной двери.

– Помочь? – тихо спросил он.

– Отнеси это в машину. Мама едет с нами.

Габриэль не спорил, не задавал вопросов. Он уже оценил ситуацию, понял, что нужно делать, и без слов вынес чемодан из дома.

– Я поеду на своей машине, – сказала Анжела. – Не могу оставить ее здесь. Давай встретимся у твоего дома.

– Нет, мама, ты сейчас не должна быть одна. Я поеду с тобой, – сказала Джейн.

– Куда это ты с ней поедешь? – спросил ее отец. Фрэнк стоял, мрачно глядя на них из коридора. – Что это вы шепчетесь? Что тут происходит?

– Мама побудет у нас, – сообщила Джейн.

– Почему?

– Ты знаешь почему, – сказала Анжела. – А если еще не знаешь, то пора узнать. – Она достала из стенного шкафа пальто. – Еда в кухне, Фрэнк. Пирог с черникой. В холодильнике ванильное мороженое. «Бен энд Джерри». Какое ты просил.

– Постой. Ты ведь не уходишь от меня, а?

– Это ты ушел.

– Но я вернулся! Чтобы сохранить семью!

– Ты сделал это, потому что твоя телка тебя выставила. У меня всего одна жизнь, Фрэнк, и я не хочу ее прожить, чувствуя себя несчастной.

Анжела схватила сумочку со столика в прихожей и вышла.

Фрэнк пробурчал Джейн:

– Она еще вернется. Вот увидишь.

«Я бы на это не рассчитывала».

Джейн вышла на улицу и увидела Анжелу в ее машине, двигатель уже прогревался.

– Давай я поведу, мама. Ты взволнована.

– Я в порядке. Садись.

Джейн села на пассажирское сиденье и захлопнула дверь:

– Ты уверена?

– За всю свою жизнь ни в чем не была так уверена. – Анжела обеими руками ухватилась за рулевое колесо. – Прочь отсюда!

Они выехали на дорогу, и Джейн оглянулась на родительский дом, в котором Анжела вырастила троих детей. И то, что она теперь покидала его, говорило Джейн, в каком отчаянии пребывает ее мать. В последние месяцы это страдание отражалось на понуром лице Анжелы, в ее неухоженных волосах и постоянно опущенных плечах. Фрэнк наверняка заметил все эти признаки, но он никогда не думал, что Анжела станет действовать. Даже сейчас он был уверен, что его беглая жена вернется через несколько дней. Он даже не дал себе труда постоять и посмотреть ей вслед – сразу же вернулся в дом и закрыл дверь.

– Я обещаю, что пробуду у тебя не дольше, чем необходимо, – сказала Анжела. – Пока не найду себе места.

– Мама, давай не будем сейчас об этом беспокоиться.

– Но я беспокоюсь. Я обо всем беспокоюсь. Женщина доживает до моих лет и вдруг обнаруживает, что она для всех тяжкий груз. Или грузовая лошадь. Не знаю, что хуже. В любом случае… – Она посмотрела на дорожный знак и тихонько застонала.

– Что?

– Поворот к его дому.

Она могла не называть его имя: Джейн знала, кто этот *он*. Винс Корсак, человек, который ненадолго вошел в жизнь ее матери после ухода Фрэнка.

– Наверное, он уже встречается с кем-нибудь, – тихо произнесла Анжела.

– Я тебе говорила, мама: мне об этом неизвестно.

– Наверняка встречается. Такой утонченный человек, как Винс.

Корсак утонченный? Джейн чуть не рассмеялась. Отставной детектив Винс Корсак был ходячим инфарктом с избытком веса и кровяного давления, человек с огромным аппетитом и печальным отсутствием

социальных навыков. Но он искренне любил Анжелу, и ее возвращение к мужу стало для него серьезным ударом.

Анжела резко крутанула баранку, заскрежетали покрышки, и машина совершила разворот.

– Что ты делаешь, мама? – завопила Джейн. – Это запрещено!

– Я должна знать.

– Знать что?

– Остается ли еще шанс.

– С Корсаком?

– Я разбила ему сердце, когда ушла. Он, наверное, даже не простит меня.

– Он понимал, что для тебя на другой чаше весов – отец, семья.

– Не знаю, захочет ли он говорить со мной.

Анжела сняла ногу с педали газа, словно внезапно засомневалась в своем безумном порыве. Но потом с такой же резкостью снова нажала на газ, и машина рванулась вперед.

Джейн оставалось только смириться и держаться.

Проскрежетав покрышками, они остановились перед многоквартирным домом, в котором жил Корсак. Анжела сделала глубокий вдох, словно набираясь храбрости.

– Может, сначала позвонишь? – предложила Джейн.

– Нет, я должна видеть его лицо. Я должна понимать, что он чувствует, когда видит меня. – Анжела распахнула дверь машины. – Подожди меня, Джейн. Визит может оказаться очень коротким.

Джейн наблюдала, как мать выходит из машины и останавливается на тротуаре, чтобы разгладить на себе пальто и провести пятерней по волосам. Она выглядела как девочка на первом свидании, и трансформация, произошедшая с ней, была поразительна: Анжела расправила плечи и гордо подняла голову, готовая к любому развитию событий. Она открыла входную дверь и исчезла в здании.

Джейн ждала. И ждала.

Прошло двадцать минут, но Анжела так и не появилась.

Джейн обдумала все возможные варианты, большинство из них плохие. Что, если Анжела обнаружила у Корсака другую женщину, ревнивую женщину? Может быть, она заколота и теперь истекает кровью. А может, заколот и истекает кровью Корсак. Вот обратная сторона профессии детектива: мозг Джейн в первую очередь предлагал наихудшие сценарии, потому что она столько раз прежде видела катастрофы.

Джейн вытащила сотовый, чтобы позвонить матери, но тут увидела, что Анжела оставила сумочку с телефоном в машине. Тогда она набрала телефон Корсака, однако после четырех гудков ее отправили в голосовую почту.

«Они оба заколоты и истекают кровью. А ты сидишь здесь».

Джейн вздохнула и вылезла из машины.

Она несколько месяцев не заезжала к Корсаку, но ничто в здании не изменилось. Те же искусственные пальмы в вестибюле, та же напольная плитка в трещинах, по-прежнему сломанный лифт. Джейн поднялась по лестнице на второй этаж и постучала в квартиру номер двести семнадцать. Ответа не последовало, но за закрытой дверью она слышала орущий во всю мочь телевизор, саундтрек криков и визгов, сопровождаемых зловещим барабанным боем.

Дверь оказалась не заперта, и Джейн вошла.

Квартира тоже не изменилась: черный кожаный диван, кофейный столик дымчатого стекла, большой телевизор. Классическая нора холостяка. По телевизору шел старый черно-белый фильм ужасов, и другого света в темной гостиной не было – только тот, что давали мелькающие на экране искаженные страхом лица, смотрящие в небо. НЛО. Кино про вторжение инопланетян.

Звук голосов – живых голосов – заставил ее повернуться к кухне.

Один взгляд через стекло двери сказал больше, чем ей требовалось знать. Анжела и Корсак стояли, обняв друг друга, сомкнув губы в поцелуе и обшаривая друг друга руками. Джейн довелось быть свидетелем самых разных зрелищ, каких она с удовольствием не видела бы никогда, и одним из таких был поцелуй взасос ее матери и Винса Корсака. Она отпрянула в темноту гостиной и опустилась на диван.

«И что мне теперь делать?»

Она сидела в мерцающем свете телевизора, спрашивая себя, сколько ей придется ждать конца этих страстных объятий. Не позвонить ли Габриэлю, чтобы привез материнский чемодан, а ее забрал домой? Она не хотела прерывать это воссоединение, но все же сколько это может продолжаться?

На экране по лесу с трудом шла женщина, спасаясь от преследователя – вроде бы человека в гигантском резиновом костюме муравья. Джейн вспомнила, что у Корсака целая коллекция старых фильмов такого рода, потому что он часто говорил: «Нет ничего лучше страшного кино, чтобы заставить твою девчонку прижаться к тебе». Словно, кроме страха, ничто не могло бросить женщину в его объятия.

Муравей появился из зарослей во всей своей вулканизированной славе. Женщина зацепилась ногой за корень и упала. Конечно, она упала. Любая женщина, спасающаяся бегством через лес, обречена споткнуться и упасть. Еще одно правило из «Энциклопедии ужасов». Наконец неловкая женщина поднялась на ноги, истерично рыдая. Резиновый муравей приближался, готовясь нанести роковой удар, и тут Джейн вдруг вспомнила. Другой фильм ужасов. Другую бегущую по лесу женщину, преследуемую убийцей.

Она села прямо и, уставившись на экран, задумалась о «Мистере Обезьяне». Кинофильме, сюжет которого, по словам коллег Кассандры, был основан на истинном происшествии из ее детства. «Пропавшая девочка».

Этой девочкой, вероятно, и была Лиззи Дипальма.

– Ой, Джейни, ты здесь, – сказала Анжела.

Джейн не смотрела на мать – она не сводила глаз с экрана и думала о Кассандре Койл. О собственном недовольстве тем, как закончилось дело, о том, сколько вопросов осталось без ответа.

– Я не еду с тобой, – заявила Анжела. – Остаюсь здесь с Винсом. Думаю, ты не будешь возражать.

– А что ей возражать? – удивился Корсак. – Почему бы нет? Мы взрослые люди.

– Это еще не кончено, – сказала Джейн, вскакивая на ноги.

– Да, безусловно, не кончено, – согласилась Анжела, сияя улыбкой. – Напротив, все может быть еще лучше, чем прежде.

– Мне пора, мама.

– Постой. А мой чемодан?

– Я попрошу Габриэля забросить его.

– Значит, ты не возражаешь против того, чтобы мы с Винсом жили… ну, ты понимаешь… в грехе?

Джейн взглянула на толстую руку Корсака, лежащую на бедре Анжелы, и ее пробрала дрожь при мысли о том, что у них сегодня будет происходить в спальне.

– Жизнь коротка, мама, – сказала она. – И у меня много дел.

– Куда ты в такой спешке? – спросил Корсак.

– Посмотреть кино.

36

– Еще нужно сделать цветоустановку, и саундтрек не готов, так что полного впечатления без тревожной музыки вы не получите, – сказал Трэвис Чан. – Но это наш готовый вариант, по нему можно получить представление о фильме в окончательном виде, и теперь мы можем вам его показать.

По сравнению с тем, что Джейн видела в студии «Крейзи Руби филмз» раньше, здесь царил порядок. Коробки от пиццы и банки из-под лимонада исчезли, корзинки с мусором опустели, запах грязных носков исчез, теперь тут стоял аппетитный запах попкорна, приготовленного в микроволновке, и Амбер в этот момент насыпа́ла его в вазу для всех. Но пока никто не догадался пропылесосить комнату, и Джейн, прежде чем сесть, пришлось стряхнуть с дивана зернышки попкорна.

Бен и Трэвис присоединились к ней – сели по бокам от нее, глядя на Джейн так, словно она свалилась к ним с другой планеты.

– Итак, детектив. Мы тут все спрашивали себя, – сказал Бен.

– О чем?

– Почему вы передумали. Вы говорили, что не любите фильмы ужасов. И вот пожалуйста, вы здесь в субботу вечером и просите, чтобы мы показали вам «Мистера Обезьяну». Почему?

– Может, из-за бессонницы?

– Да ладно вам, – фыркнул Трэвис. – Вы скажите, что на самом деле.

Все трое смотрели на нее и ждали ответа. Правды.

– Когда я разговаривала с вами в тот первый вечер, сразу после убийства Кассандры, – начала Джейн, – кто-то из вас сказал, что в основе «Мистера Обезьяны» лежит реальное происшествие, случившееся, когда Касси была ребенком.

– Да, она говорила, что пропала девочка.

– Она не называла ее имени?

– Нет. Это кто-то из школы, где она училась.

– Я полагаю, имя этой девочки – Лиззи Дипальма. Ей было девять лет, когда она исчезла.

Амбер нахмурилась:

– Персонажи в сценарии Касси, те, которые пропадают, – им по семнадцать лет.

– Я думаю, они – символы Лиззи, реальной девятилетней девочки. И еще я думаю, что убийца из вашего кино может олицетворять человека, который ее убил.

– Постойте, – сказал Трэвис. – Вы хотите сказать, что мистер Обезьяна реален?

– А кто мистер Обезьяна в вашем фильме?

Трэвис подошел к компьютеру и постучал по клавиатуре:

– По-моему, лучший способ ответить на ваш вопрос – это посмотреть кино. Так что устраивайтесь поудобнее, детектив. Начинаем.

Амбер приглушила свет в комнате, и на большом экране появилась заставка «Крейзи Руби филмз» – изображение ломаных осколков, которые, соединившись, образовали кубистский вариант женского лица.

– Логотип – моя идея, – сообщила Амбер. – Он олицетворяет собой все эти несвязанные фрагменты, которые соединяются в единое целое. Символ кинопроизводства, короче говоря.

– Вот, вы это видите? – сказал Трэвис. Он схватил из вазочки горсть попкорна и устроился на полу у ног Джейн. – Эти вступительные кадры стоили нам четырех жутких дней. Первая исполнительница главной

роли обкурилась вконец, и мы были вынуждены ее уволить. Пришлось искать ей замену практически за один день.

– Я на этих съемках растянул икру, – пожаловался Бен. – Потом несколько недель хромал. Наш проект был словно проклят с первого дня.

На экране хорошенькая блондинка в заляпанных грязью джинсах шла, спотыкаясь, по темному лесу. Даже без зловещей музыки напряжение было очевидно по ее искаженному страхом лицу и учащенному дыханию. Она оглянулась через плечо, и вспыхнувший свет осветил лучом ее лицо, ее губы, искривленные в гримасе ужаса.

Резкий монтажный переход к другой сцене – та же девушка мирно спит в своей розовой спальне. Титр гласил: «За неделю до этого».

– Та первая сцена в лесу была переносом в будущее, – пояснила Амбер. – А теперь мы возвращаемся на неделю назад, чтобы рассказать, как наша героиня Анна оказалась в лесу и почему она бежит, спасая свою жизнь.

Действие переносится на урок биологии в классе Анны, камера скользит по лицам учеников. Две девочки хихикают и обмениваются записками. Бугай в спортивной куртке сидит со скучающей физиономией, втянув голову в плечи. Бледный и старательный мальчик усердно пишет что-то в тетради. Камера медленно наплывает на переднюю часть классной комнаты и находит учителя. Мужчину.

Джейн уставилась на дымчато-светлые волосы, округлое детское лицо, очки в металлической оправе. Она точно знала, почему на роль учителя был выбран такой актер. Он был как две капли воды похож на Мартина Станека.

– Это и есть мистер Обезьяна? – вполголоса спросила она.

– Может быть, – ответил Трэвис и добавил с иронической улыбкой: – А может, и нет. Не хотим испортить вам впечатление от кино. Вам придется просто смотреть.

На экране ученики вышли из класса и, болтая о том о сем, столпились у своих шкафчиков в коридоре. Здесь был весь стандартный набор персонажей для подросткового фильма ужасов: бугай, застенчивая тихоня, ботаник, зловредная заводила, уравновешенная брюнетка. Брюнетка, конечно, выживет, в фильме ужасов уравновешенные девушки всегда выживают.

Двадцать минут спустя брюнетка потеряла голову после удара топором.

Сцена убийства являла собой замедленное воспроизведение настоящего праздника смерти: при виде бьющей фонтаном крови и отлетающего черепа Джейн заерзала на диване. Господи, неудивительно, что она не любила фильмы ужасов: уж слишком они напоминали ей о работе. Глядя на распростертое на земле в лесу тело брюнетки без головы, она вспомнила точно такое же тело, лежавшее в ванне в Дорчестере, – тело молодой женщины, обезглавленной ее свихнувшимся от крэка бойфрендом. Тот ужас был реален, но тогда ей хотя бы не пришлось видеть процесс. К тому же у нее было и другое преимущество: ее заранее предупредили о том, что ей предстоит увидеть. Предупреждения она обычно получала по телефону: мрачный голос полицейского с места преступления сообщал, что «это какой-то кошмар», и она успевала подготовить себя к будущему зрелищу и к запахам, потому что аудитория патрульных полицейских всегда с любопытством ждала, как с этим справится женщина-полицейский – не вывернет ли ей кишки? Джейн ни разу не дала коллегам повода для злорадства.

Она посмотрела на трех ребят, для которых бутафорская кровь была ходовым товаром. А убийство – забавой. «Для меня это всегда трагедия, черт побери».

Убийца на экране был нечетким силуэтом. Без лица, без примет, одна лишь тень над обезглавленным телом брюнетки. Лопата вонзается в землю. Отделенная от тела голова описывает дугу в воздухе и с глухим ударом падает в отрытую могилу.

Взглянув на Джейн, Бен усмехнулся:

– Вы ведь не предвидели этого убийства, верно?

– Не предвидела, – пробормотала она.

Какие еще сюрпризы ждали ее в этом фильме? «Что ты пыталась сказать нам, Кассандра?» То, что Джейн видела на экране, имело зловещие параллели с грядущими реальными убийствами. Пять потенциальных жертв. Одна жуткая смерть за другой. Безжалостный убийца, работающий в центре продленного дня. Неужели Кассандра как-то предвидела собственную судьбу и судьбы других детей-свидетелей?

Двадцать минут спустя по времени фильма безликий мистер Обезьяна нанес еще один удар: на сей раз топор вонзился в мускулистую шею бугая. Это не стало для Джейн неожиданностью: в фильмах ужасов бугай почти всегда обречен. Не удивилась она и когда зловредная заводила отправилась на тот свет в брызгах мозгового вещества и фонтанах бутафорской крови. Зловредные девицы должны умирать; для каждого

кинозрителя это было приправленное чувством вины удовольствие, месть противной девчонке, которая сделала несчастной его жизнь.

– Ну и каковы ваши впечатления? – спросил Трэвис.

– Мм… захватывает, – признала Джейн.

– Вы уже догадались, кто мистер Обезьяна?

– Очевидно, что вот этот тип. – Джейн показала на двойника Мартина Станека, который на экране сидел в темной кладовке и подглядывал сквозь щель в стене женского туалета. По другую сторону стены застенчивая тихоня задрала юбку и уселась на унитаз. Подглядывающий учитель смотрел с вожделением. – Он явный извращенец.

– Да. Но вот убийца ли он?

– А кто еще? Кроме родителей и их детей, других подозреваемых в этом фильме нет.

Трэвис усмехнулся:

– То, что кажется очевидным, не всегда правда. Вас этому не учили в полицейской школе?

Джейн передернуло, когда очередной фонтан крови хлынул на стену в кладовке, где сидел на корточках любопытный Том[24]. Извращенец-учитель, кандидат на роль мистера Обезьяны по версии Джейн, свалился мертвым на пол, когда топор вошел ему в череп. В кадре медленно появилась из тени фигура реального мистера Обезьяны. Убийцы, которого ни за что бы не заподозрила Джейн. На убийце была шапочка, вышитая сверкающим бисером.

– Неожиданно, да? – спросил Трэвис. – Точно по «Энциклопедии ужасов». Убийца всегда тот, кого подозреваешь меньше всего.

Джейн вытащила сотовый и позвонила Фросту.

– Мы все не так понимали, – сказала она. – Это дело никогда не было про «Яблоню». И даже не про Станеков. – Она смотрела на экран, на котором охваченная ужасом Анна бежала по лесу, преследуемая убийцей, у которого теперь появилось лицо. – Оно про Лиззи Дипальму. И про то, что случилось с ней на самом деле.

* * *

Семнадцать лет после исчезновения дочери Арлин Дипальма оставалась жить в том же городе и в том же доме, в котором она жила с девятилетней дочерью. Может быть, она лелеяла надежду, что когда-нибудь Лиззи снова войдет в дверь ее дома. Вероятно, потеря единственного ребенка погрузила ее в печаль столь глубокую, что она не смогла уехать, не смогла даже подумать о каких-либопеременах. Два года назад перемены напросились сами, когда от удара умер ее муж.

Внезапное вдовство стало потрясением, которое вывело женщину из этого подвешенного существования. Через год после смерти мужа она продала дом в Бруклайне и переехала в сообщество пенсионеров на побережье в Ист-Фолмуте, на «локте» полуострова Кейп-Код.

– Я всегда хотела жить у воды, – сказала Арлин. – Не знаю, почему так долго откладывала переезд. Может быть, никогда не считала себя достаточно старой, чтобы поселиться в городке пенсионеров, хотя, конечно, я старуха. – Она посмотрела в окно своего дома на пролив Нантакет, где под серыми зимними тучами плескалась зловещая серая вода. – Мне было сорок, когда родилась Лиззи. Мама-старушка.

Значит, сейчас ей шестьдесят девять, подумала Джейн. И на лице Арлин все эти годы оставили след. Скорбь похожа на таблетки для старения: годы начинают мчаться, как при ускоренной промотке, волосы седеют, плоть дряхлеет. На камине стояла фотография молодой Арлин в свадебном платье, со свежим миловидным лицом. От той молодой женщины не осталось и следа. Та Арлин давно пропала без вести, как и ее дочь.

Арлин отвернулась от окна и села лицом к Джейн и Фросту:

– Я думала, полиция давно про нее забыла. Ваш утренний звонок после стольких лет меня удивил. И теперь меня не отпускает мысль: может, ее наконец нашли?

– К сожалению, вынуждена вас разочаровать, миссис Дипальма, – сказала Джейн.

– Двадцать лет, столько неоправдавшихся надежд. Но она никогда не уходит, вы меня понимаете?

– Что не уходит?

– Надежда. Что моя дочь жива. Что все это время кто-то держал ее в подвале, как тех девочек в Огайо. Или как эту несчастную Элизабет Смарт, которая слишком боялась убежать от своих похитителей[25]. Я все надеюсь, что тот, кто ее похитил, просто хотел иметь собственного

ребенка, чтобы любить и заботиться о нем. Что когда-нибудь моя Лиззи вспомнит, кто она на самом деле, возьмет телефон и позвонит мне. – Арлин перевела дыхание. – Такое возможно, – прошептала она.

– Да, возможно.

– Но вы говорите про дела об убийствах. Про четырех убитых. И это забирает мою надежду.

Фрост подался вперед на диване и прикоснулся к руке женщины:

– Тело так и не было найдено, миссис Дипальма. Поэтому мы не можем говорить, что она мертва.

– Но вы считаете ее мертвой, правда? Все так считали. Даже мой муж. Но я отказывалась принимать это. – Она посмотрела в глаза Фроста. – У вас есть дети?

– Нет, мадам. Но у детектива Риццоли есть.

Арлин перевела взгляд на Джейн:

– Мальчик? Девочка?

– Маленькая девочка, – сказала Джейн. – Три годика. И я, как и вы, тоже никогда бы не рассталась с надеждой, миссис Дипальма. Матери никогда с ней не расстаются. Вот почему я хочу узнать, что случилось с Лиззи.

Арлин кивнула и выпрямилась:

– Скажите, чем я могу помочь.

– Двадцать лет назад, когда Лиззи исчезла, основным подозреваемым был Мартин Станек. Его отправили в тюрьму за сексуальное насилие над детьми, но виновным в похищении вашей дочери не признали.

– Обвинитель говорила нам, что старалась изо всех сил.

– Вы были на процессе?

– Да, конечно. Несколько родителей детей из «Яблони» присутствовали.

– Значит, вы слышали свидетельские показания. Вы слышали, что говорил Мартин Станек.

– Я все надеялась, что он признается на суде. Скажет, что он с ней сделал.

– Вы верите, что Мартин Станек похитил вашу дочь?

– Все так считали. Полиция, обвинение.

– А другие родители?

– Родители Холли определенно верили.

– Расскажите мне о Холли Девайн. Что вы про нее помните?

Арлин пожала плечами:

– Ничего конкретного. Тихая девочка. Хорошенькая. Почему вы спрашиваете?

– Она вам никогда не казалась странной?

– Я ее мало знала. Она была старше Лиззи на год, училась в другом классе. Так что друзьями они не были. – Она нахмурилась, глядя на Джейн. – Есть какая-то причина, почему вы про нее спрашиваете?

– Украшенную бисером шапочку вашей дочери в школьном автобусе нашла именно Холли Девайн. И она была первой из детей, кто обвинил Станеков в насилии. Она стояла в начале той цепочки событий, которая привела к осуждению Станеков.

– Почему все это всплыло сейчас?

– Потому что мы не уверены, что Холли Девайн говорила правду. Хотя бы крупицу правды.

Это ошеломило Арлин, и она ухватилась за подлокотники кресла, пытаясь понять, что это может означать.

– Вы думаете, что именно Холли имела какое-то отношение к исчезновению моей дочери?

– На такую вероятность намекали.

– Кто?

Мертвая женщина, подумала Джейн. Кассандра Койл, передавшая это послание из могилы в виде фильма ужасов. В «Мистере Обезьяне» убийцей оказался не учитель, которого все подозревали. Как и Мартин Станек, учитель в кино был просто отвлечением, удобным козлом отпущения, который притягивал к себе внимание, пока истинный убийца – тихоня – прятался в тени.

«Это просто Энциклопедия ужасов».

Арлин Дипальма покачала головой:

– Нет, не могу себе представить, чтобы эта девочка преследовала мою дочь. Может быть, это сделал тот мальчик, но Холли – с какой стати?

– Мальчик? – Джейн скосила глаза на Фроста, у которого был не менее удивленный вид. – Какой мальчик?

– Билли Салливан. Лиззи его презирала, хотя они даже в одном классе не учились, – он был на два года старше. Но она достаточно хорошо знала его, а потому держалась от Билли подальше.

Джейн подалась вперед, ее внимание целиком сосредоточилось на Арлин. Тихим голосом она спросила:

– Что Билли сделал с вашей дочерью?

Арлин вздохнула:

– Поначалу это казалось обычными школьными дразнилками и враждой. Детям это свойственно иногда, но моя Лиззи была из тех девочек, которые не желают быть жертвами. Она всегда готова была постоять за себя, и это заставляло Билли пакостить еще сильнее. Я думаю, он не привык к такому сопротивлению, а Лиззи ни на дюйм не отступала. Поэтому он становился все агрессивнее. Толкал ее на переменках. Воровал деньги для ланча. Но вел себя умно: никогда не делал этого, если кто-то мог его увидеть. И поскольку свидетелей не было, то всегда выходило так, что слово Лиззи против слова Билли. Как-то раз я позвонила его матери и пожаловалась, но Сьюзен не поверила. Заявила, что ее Билли – ангел. Он чудесный мальчик, а моя Лиззи – маленькая лгунья. Даже когда Лиззи однажды вернулась домой с разбитой губой, Сьюзен утверждала, что Билли не имеет к этому никакого отношения.

– Это случилось в автобусе? Поэтому там нашли следы ее крови?

– Да. Билли сделал ей подножку. Она упала и ушиблась. Но опять: слово Лиззи против его слова.

– Почему об этом не упоминалось на процессе? – спросил Фрост.

– Вообще-то, упоминалось. Я объяснила суду, почему кровь Лиззи обнаружили в автобусе, но никто у меня не спросил, как она повредила губу. А обвинитель, Эрика Шей, была вне себя от ярости из-за того, что я вообще затронула эту тему. Она не хотела слушать ничего, что могло бы

повредить ее обвинениям против Мартина Станека, потому что была абсолютно уверена: это он похитил мою дочь.

– И вы до сих пор верите в это? – спросила Джейн.

– Не знаю. Я совсем запуталась. – Арлин снова вздохнула. – Я только хочу, чтобы она вернулась домой. Живая или мертвая. Я хочу, чтобы моя Лиззи вернулась домой.

Тяжелые тучи за окном, с самого утра сгущавшиеся в небе, наконец разразились крупными снежинками, которые, кружась, падали в море. Летом здесь было бы хорошо поваляться на пляже или построить замки из песка, но сегодня этот вид отвечал мрачной атмосфере, повисшей в доме.

Арлин наконец удалось снова собраться с силами. Она посмотрела на Джейн:

– Никто прежде не спрашивал у меня про Билли. Никого это не интересовало.

– Нас интересует. Нас интересует правда.

– А правда состоит в том, что Билли Салливан был отвратительный маленький говнюк. – Она замолчала, удивившись собственной вспышке. – Ну вот. Я это сказала. Мне нужно было донести это до его матери, но нет, она бы все равно никогда не поверила. Никто не хочет думать, что у них в семье родился урод, но иногда это так очевидно, кто плохой, а кто хороший. Мальчик, который любит делать больно другим детям, а потом лжет о своем поведении. Мальчик, который ворует. Но у идиотки-матери и в мыслях ничего нет. – Она снова помолчала. – Вы встречались со Сьюзен Салливан?

– Мы говорили с ней после исчезновения ее сына.

– Я знаю, нельзя говорить плохо о матери, потерявшей ребенка, но Сьюзен была частью проблемы. У нее всегда находились оправдания всем гадостям, которые делал Билли. Вы знаете, однажды он освежевал маленького опоссума, только чтобы получить удовольствие. Лиззи говорила мне, что он любит резать животных. Он отлавливал лягушек в пруду и разрезал их еще живыми, чтобы посмотреть, как бьется сердце. Если он мальчишкой был таким, то страшно представить, во что он превратился, став взрослым.

– Вы не общались со Сьюзен?

– Упаси боже. После процесса я избегала ее. Или она меня избегала. До меня доходили слухи, что Билли пошел по финансовой части. Он орудовал миллионами долларов других людей и купил матери прекрасный большой дом в Бруклайне. А еще загородный дом в Коста-Рике. По крайней мере, он знает, как нужно обращаться с собственной матерью. – Она снова посмотрела в окно, на крутящиеся вихрем снежинки. – Я знаю, мне следовало послать Сьюзен письмо, сказать, как я ей сочувствую в связи с Билли. Она ведь мне ни словом не посочувствовала, когда пропала Лиззи, но все же правильно было бы написать ей. Ведь она в конечном счете потеряла сына.

Джейн и Фрост переглянулись, охваченные одной и той же мыслью: «Потеряла ли?»

37

В доме моего покойного отца стоит сладковатый запах лилий, и мне хочется распахнуть окна и впустить внутрь прохладный зимний воздух, но это было бы жестоко по отношению к тридцати двум гостям, которые толкутся в гостиной и столовой, подкармливаясь закусками с подносов. Все говорят шепотом и чувствуют потребность прикоснуться ко мне, а я дергаюсь от каждого прикосновения, от всех этих утешительных похлопываний по плечу и пожатий локтя. Я отвечаю мрачными «спасибо» и даже умудряюсь выдавить несколько приличных слезинок. Совершенство приходит с опытом. Впрочем, нельзя сказать, что смерть отца оставила меня равнодушной, мне его действительно не хватает. Мне не хватает того утешительного знания, что есть в мире человек, который любит меня и готов ради меня на все, что он и доказал. Чтобы я была в безопасности, мой отец пожертвовал своим изъеденным раком телом и своими немногими оставшимися, пусть и ужасными, месяцами жизни. Вряд ли появится другой человек, настолько преданный мне.

Хотя Эверетт Прескотт и делает все возможное, чтобы играть эту роль.

С тех самых пор, как мы вернулись после панихиды, Эверетт практически не отходит от меня. Он все время доливает мне вино в бокал, приносит всякие кусочки на тарелке, и меня уже начинает немного раздражать его внимание, потому что он не дает мне ни минутки побыть с самой собой. Даже когда я ухожу в кухню, чтобы взять еще тарелку сыра и крекеры из холодильника, он следует за мной и маячит рядом, пока я сдираю пластиковую обертку с подноса.

– Чем-нибудь помочь, Холли? Я понимаю, как тебе тяжело иметь дело с таким количеством гостей.

– Ничего, справлюсь. Не хочу, чтобы кто-то остался голодным.

– Давай это мне. А напитки? Открыть еще несколько бутылок вина?

– Все под контролем. Успокойся, Эверетт. Это всего лишь друзья и соседи отца. Он бы наверняка не хотел, чтобы мы тут слишком уж напрягались.

Эверетт вздыхает:

– Жаль, я не знал твоего отца.

– Ты бы ему понравился. Он всегда говорил, что ему наплевать, богат человек или беден, пока он ко мне хорошо относится.

– Я стараюсь, – с улыбкой говорит Эверетт.

Он берет поднос с сыром и крекерами, и мы возвращаемся в столовую, где меня встречают утомительные сочувственные взгляды. Я пополняю тарелки на столе, поправляю вазы с цветами. Люди принесли столько этих треклятых лилий, меня тошнит от их запаха. Не могу не рассматривать букеты – вдруг где-нибудь попадется пальмовый лист, но там, конечно, ничего такого нет. Мартин Станек мертв. Он не сможет мне повредить.

– Твой отец совершил настоящий подвиг, Холли. Мы должны быть благодарны ему, – говорит Элейн Койл.

Мать Кассандры стоит с тарелкой закусок в одной руке и бокалом вина в другой. Недавно ее бывший муж Мэтью покинул этот мир, проведя несколько недель без сознания, но Элейн безмятежна и элегантна все в том же черном платье, в каком она была на похоронах дочери в прошлом месяце.

– Будь у меня малейшая возможность, я бы сама пристрелила этого сукина сына. Знаю, что я не единственная, кто так думает. – Она показывает на женщину, стоящую рядом с ней. – Ты ведь помнишь маму Билли Салливана?

Я много лет не видела Сьюзен Салливан, но внешне она ничуть не постарела с нашей последней встречи. Ее неизменно светлые волосы уложены и идеально покрыты лаком, а лицо пугающе гладко. Кажется, богатство пошло ей на пользу.

Я пожимаю руку Сьюзен:

– Спасибо, что пришли, миссис Салливан.

– Мы все так огорчены, Холли. Твой отец был настоящим героем.

Элейн стискивает локоть Сьюзен:

– И сколько же мужества вам потребовалось, чтобы прийти сюда. Ведь совсем недавно Билли… – Ее голос затихает.

Сьюзен выдавливает улыбку:

– Я думаю, важно, чтобы все мы отдали дань уважения человеку, который нашел в себе силы покончить с этим. – Она смотрит на меня. – Твой отец сделал то, на что никогда не пошла бы полиция. А теперь дело разрешилось окончательно и навсегда.

Две женщины уплывают в сторону, и ко мне подходят другие гости с выражением соболезнования. Кое-кого из них я вспоминаю с трудом. Новостные каналы безжалостно сообщали о смерти моего отца, и я подозреваю, что многие пришли сюда из любопытства. Ведь мой отец был героем, он умер, совершив правосудие над человеком, который надругался над его дочерью.

Теперь все знают, что я одна из жертв «Яблони».

Взгляды, обращенные на меня, когда я прохожу между гостями, одновременно сочувственные и немного смущенные. Да и как можно заглянуть в глаза жертве насилия, не представив, что́ совершил над ней насильник? Двадцать лет спустя все забыли об этом деле, и вот, пожалуйста, оно снова на первых страницах. «ОТЕЦ, УБИВШИЙ РАСТЛИТЕЛЯ ДОЧЕРИ, ЗАСТРЕЛЕН ПОЛИЦИЕЙ».

Я высоко держу голову и всем смотрю в глаза, потому что мне не стыдно. Я и вправду не знаю, что такое стыд, но я прекрасно знаю, чего ждут люди от скорбящей дочери, и я пожимаю руки и выслушиваю бесконечные «я вам так сочувствую» и «звоните мне, если будет нужно». Никому из них я не буду звонить, и они это знают, но в подобных обстоятельствах произносятся такие слова, потому что других мы не знаем.

Проходит несколько часов, прежде чем дом пустеет; наконец уходят последние задержавшиеся. К тому времени я уже без сил, и мне хочется одного – тишины и покоя. Я падаю на диван и со стоном говорю Эверетту:

– О господи, мне необходимо выпить.

– Сейчас, – говорит он с улыбкой.

Уходит в кухню и вскоре возвращается с двумя стаканами виски. Один протягивает мне.

– Где ты откопал этот виски? – спрашиваю я его.

– Нашел в самом дальнем углу кухонного шкафа. – Он выключает все лампы, и в теплом сиянии камина я сразу начинаю чувствовать, как спадает мое напряжение. – Твой отец явно знал толк в виски. Потому что это односолодовый, лучшей марки.

– Забавно. Я даже не подозревала, что он любит виски.

Я пригубливаю столь необходимый мне напиток и испуганно вздрагиваю, услышав звук спускаемой воды в туалете.

Эверетт вздыхает:

– Кажется, кто-то из гостей задержался. Как это мы не заметили?

Из туалета появляется Сьюзен Салливан и в мигающем свете камина смущенно оглядывает пустую комнату:

– Боже мой, кажется, я последняя. Может, я помогу тебе убраться, Холли?

– Это очень мило с вашей стороны, но мы справимся.

– Я знаю, какой у тебя был трудный день. Давай я сделаю что-нибудь.

– Спасибо, но мы оставим все как есть до утра. А сейчас нам необходимо развеяться.

Она не слышит намека в моих словах, стоит и смотрит на нас. Наконец Эверетт из чувства вежливости говорит:

– Не хотите выпить с нами виски?

– Это будет очень мило. Спасибо.

– Я принесу вам стакан из кухни, – говорит он.

– Ни в коем случае. Я сама.

Она уходит в кухню, и Эверетт одними губами произносит: «Извини», но я не могу винить его за то, что он пригласил ее, когда она так явно выражала это желание. Она возвращается со своим стаканом виски и бутылкой.

– Вам обоим, кажется, пора добавить, – говорит она и вежливо доливает нам виски, а потом устраивается на диване.

Бутылка издает приятный звук, когда она ставит ее на кофейный столик. Несколько секунд мы молча попиваем виски.

– Милая была панихида, – говорит Сьюзен, глядя на огонь в камине. – Я знаю, мне нужно бы заказать панихиду и для Билли, но я боюсь делать это. Не могу принять…

– Я вам очень сочувствую, – говорит Эверетт. – Холли рассказала мне, что случилось.

– Дело в том, что я не могу согласиться с тем, что его нет. Он не мертв. Он пропал без вести, а это значит, что он всегда будет для меня живым. Такова природа надежды. Она не позволяет матери сдаться. – Сьюзен делает глоток виски и морщится от его крепости. – Без Билли я не вижу смысла жить дальше. Ни малейшего.

– Это неправда, миссис Салливан. Смысл жить остается всегда, – говорит Эверетт.

Он ставит свой почти пустой стакан и прикасается пальцами к ее руке. Это искренний добрый жест, и такой естественный для него. Мне бы так научиться.

– Ваш сын наверняка хотел бы, чтобы вы жили и дальше, ведь это так?

Сьюзен печально улыбается ему:

– Билли всегда говорил, что мы должны переехать куда-нибудь в теплое место. На берегу. Мы собирались уехать в Коста-Рику и отложили для этого достаточно денег. – Она смотрит перед собой невидящим взглядом. – Может быть, туда я и уеду. Место, где можно начать заново. Без всех этих воспоминаний.

Голова у меня начинает кружиться, хотя я сделала всего несколько глотков. Я пододвигаю свой стакан к Эверетту, и он берет его, даже не подозревая, что это мой, и делает глоток.

– Или, может, в Мексику. Там столько прекрасных домов прямо на берегу.

Сьюзен поворачивается ко мне, глаза у нее сверкают, как будто в них отражается пламя из камина.

– Берег, – бормочет Эверетт и трясет головой. – Да, я бы полежал сейчас на бережку. И может быть, соснул бы хорошенько…

– Ой, боже, что-то я задержалась. Вы оба устали. – Сьюзен поднимается на ноги. – Я ухожу.

Она встает и застегивает на себе пальто, а в комнате вдруг становится жарко, очень жарко, словно из камина идут горячие волны. Я смотрю на камин, почти опасаясь большого пожара, но там всего несколько слабых язычков. Таких красивых, что я не могу оторваться. Я даже не вижу, когда уходит Сьюзен. Слышу, как хлопает входная дверь, и пламя колеблется, когда воздух снаружи проникает в дом.

– Я ей… сочувствую, – бормочет Эверетт. – Ужасно. Потерять сына.

– Ты не знал ее сына.

Я не свожу глаз с язычков пламени, которые пульсируют в такт с моим сердцем, словно между мной и огнем существует какая-то волшебная связь. Я – это огонь. А огонь – это я. Никто по-настоящему не знал Билли. Не знал его так, как я. Я смотрю на свои руки: мои пальцы светятся. Яркие нити сплетаются в золотые меридианы и тянутся к камину. Я шевелю руками, словно кукловод, и язычки пламени начинают плясать. Несмотря на ощущение чуда, я понимаю, что здесь что-то не так. Все не так.

Я трясу головой, снова пытаюсь сосредоточиться, но ниточки все еще прикреплены к моим пальцам, и волокна крутятся в тени. В бутылке виски отражаются языки пламени из камина. Я прищуриваюсь, стараясь разглядеть, что написано на этикетке, но слова расплываются у меня перед глазами. Я вспоминаю, как Эверетт вышел из кухни с двумя стаканами янтарной жидкости. Я не видела, как он наливал. Мне и в голову не приходило подумать о том, что за питье в стакане, который он протягивает мне, или что он мог туда добавить. Я не смотрю на него, потому что боюсь, как бы он не заметил сомнение в моих глазах. Я продолжаю смотреть в камин и одновременно пытаюсь прогнать туман из головы. А еще я вспоминаю тот вечер, когда познакомилась с ним. Мы оба пили кофе на Утика-стрит, когда Кассандру нашли мертвой. Он сказал, что договорился о встрече с друзьями, живущими поблизости, что они собирались пообедать вместе, но так ли оно было на самом деле? Что, если наше знакомство было запланировано заранее и *должно* было привести к тому, что происходит сейчас? Я помню про бутылку вина, которую он принес мне, эта бутылка все еще стоит у меня в кухне. Я думаю о том, как внимательно он слушал все подробности о следствии, которые я рассказывала ему.

Что я на самом деле знаю об Эверетте?

Все это я обдумываю, ощущая, как туман в моей голове сгущается, а конечности начинают неметь. Пора шевелиться, пока я еще хоть как-то могу управлять собственными ногами. Я встаю. Мне удается сделать всего два шага, и у меня подгибаются ноги. Я ударяюсь головой об угол кофейного столика, и боль прорезает этот туман, внезапно делая все кристально ясным. Тогда-то я и слышу, как хлопает входная дверь, чувствую, как в дом проникает струя холодного воздуха. Слышу шаги, скрип пола. Шаги останавливаются возле меня.

– Малютка Холли Девайн, – раздается надо мной голос. – По-прежнему создаешь проблемы.

Я прищуриваюсь, пытаясь разглядеть лицо человека, который преследовал меня последние несколько лет. Человека, который считается мертвым и которой должен быть зарыт в землю. Когда полиция сказала мне, что Мартин Станек убил Билли, я в это поверила, и совершенно напрасно. Таких, как Билли, не убить, они неизменно возвращаются к жизни. И хотя мне удавалось прятаться от него столько времени, хотя я изменила имя и внешность, он все равно меня нашел.

– Как ее бойфренд? – раздается второй голос, от которого все мое существо вновь содрогается.

– Без сознания. С ним хлопот не будет, – говорит Билли.

Я пытаюсь сфокусировать взгляд на Сьюзен, чье лицо тоже появилось у меня в поле зрения. Они стоят рядом, Билли и его мать, оценивают результаты ее трудов. Я поворачиваю голову и вижу Эверетта, рухнувшего на диван, – он в еще более беспомощном состоянии, чем я. Он выпил не только свой стакан виски, но и мой. Я едва пригубила, но руки и ноги меня почти не слушаются.

– Ты еще не спишь, Холли-Долли?

Билли приседает и смотрит на меня. У него все те же ясно-голубые глаза, все тот же пронзительный взгляд, который привлек меня к нему, когда мы были детьми. Даже тогда он смог меня очаровать и легко уговорить делать то, о чем он просил. И не только меня – других детей тоже.

Всех, кроме Лиззи, потому что она почувствовала, кто он и что он. В тот день, когда он поднес пламя к маленькому опоссуму, которого мы нашли на игровой площадке, Лиззи выбила спичку из его руки. А когда он украл деньги из курточки одноклассника, это она назвала его вором. Он разозлился, а злить Билли Салливана нельзя, потому что будут последствия. Они не всегда наступают сразу же, иногда проходят

месяцы, а то и годы, прежде чем он наносит удар возмездия, но таков уж Билли: он никогда не забывает. Он всегда наносит удар возмездия.

Если не заключить с ним сделку.

– За что? – с трудом шепчу я.

– За то, что ты осталась единственная, кто помнит. Единственная оставшаяся, кто знает.

– Я обещала никому ничего не говорить…

– И ты думаешь, я пойду на такой риск? Когда эта дамочка-журналист стряпает свою книжонку? Она уже поговорила с Кассандрой. Я не могу допустить, чтобы она поговорила еще и с тобой.

– Там больше никого не было. Больше никто не знает.

– Но ты знаешь. И ты можешь заговорить. – Он наклоняется ко мне поближе и шепчет на ухо: – Ты ведь получала мои весточки, мой маленький Ливинус, правда?

Мученик святой Ливинус, день памяти которого приходится на мой день рождения. Этому святому вырвали язык, чтобы заставить его замолчать. Да, мне удавалось оставаться вне пределов досягаемости Билли, но он знал, как отправлять послания, которых я не могла не заметить. Он знал, что смерти Сары, Касси и Тима привлекут мое внимание и я пойму посылаемые мне сигналы. Пальмовый лист перед останками сгоревшего дома Сары. Стрелы в груди Тима. Выдавленные глаза Кассандры.

Я прекрасно понимала, что он хочет сообщить мне: «Не выдавай тайн, или умрешь, как другие».

И я не выдавала тайн. Все эти годы я помалкивала о том, что случилось в лесу с Лиззи, но обещания молчать оказалось недостаточно. Благодаря этой журналистке правда угрожает всплыть на поверхность, и вот появляется Билли, чтобы гарантировать мое молчание, как было гарантировано молчание Ливинуса, которому вырвали язык.

– На сей раз все должно выглядеть как несчастный случай, Билл. Ничего такого, что может породить новые подозрения.

– Я знаю. – Билли поднимается и смотрит на Эверетта, неподвижного и абсолютно беспомощного. – И нам нужно разобраться с ними обоими. Это более сложная постановка.

Он осматривает комнату, и его глаза останавливаются на камине, где вокруг догорающего полена едва пляшут огоньки.

– Старые дома, – задумчиво говорит он. – Они так быстро наполняются дымом. Как жаль, что твой отец забыл поменять батарейку у датчика задымления.

Билли подтаскивает стул к тому месту, где в потолке находится датчик, снимает с него крышку и удаляет батарейку. Потом бросает в камин несколько поленьев.

– У меня есть идея получше, – предлагает Сьюзен. – Они устали и напились – значит, где они должны быть? В спальне.

– Оттащим сначала его, – говорит Билли.

Они волокут Эверетта в спальню отца, и, слыша, как его туфли скребут по полу, я представляю, как будет выглядеть сцена смерти, когда нас обнаружат. Подвыпившая молодая пара, обуглившиеся тела на кровати. Еще две жизни, трагически унесенные пожаром в результате неосторожности.

Поленья, подброшенные в камин, возвращают огонь к жизни, и, глядя на его адское сияние, я почти ощущаю, как жар обжигает мои волосы и пожирает плоть. Нет, нет, я не хочу умереть так! Паника впрыскивает мне в кровь адреналин, и я поднимаюсь на четвереньки. Но, подползая к двери, слышу их шаги, возвращающиеся из спальни.

Чьи-то руки опрокидывают меня на спину, и я ударяюсь лицом об угол камина. Чувствую, как распухает моя щека в том месте, где появится жуткий синяк, но его никто не увидит – все испечется в огне. Я слишком слаба и не могу сопротивляться, пока Билли волочет меня по коридору к спальне.

Они вдвоем забрасывают меня на матрас, где уже лежит Эверетт.

– Сними с них одежду, – говорит Сьюзен. – Они бы не стали ложиться одетыми.

Они действуют как эффективная команда: быстро стаскивают с меня брюки, блузку, нижнее белье. Мать и сын, соединенные этим психопатическим стриптизом, в результате которого мы с Эвереттом остаемся голые на кровати. Сьюзен в беспорядке швыряет нашу одежду на стул, а туфли оставляет разбросанными по полу. О да, сценарий хорошо продуман: молодая пара, обессиленная сексом. Подумав немного, Сьюзен уходит и возвращается с двумя пустыми бутылками

из-под вина, двумя стаканами и свечами, и все это завернуто в кухонные полотенца. Никаких отпечатков не останется. Сьюзен расставляет все на ночном столике с тщательностью декоратора, готовящего сцену для спектакля. Когда от свечек загорятся занавеси, мы с Эвереттом, пьяные, будем спать. Поэтому нас не разбудит дым. Мы голые и пьяные, пресыщенные молодые любовники, забывшие о том, как опасен огонь. Он сожрет все улики: отпечатки пальцев, волоски и волокна, следы кетамина в наших организмах. Так же как сожрал все улики после убийства Сары. Как Сара, как обреченная Жанна д'Арк, я превращусь в пепел, и вместе со мной сгорит правда. Правда о том, что случилось с Лиззи Дипальмой.

Я знаю правду, потому что была в лесу, когда это случилось.

Это было в октябре, в субботу. Осенние листья горели так, словно пламя охватило кроны деревьев. Я помню, как у нас под ногами трещали ветки, будто хрупкие косточки. Я помню, как Билли (в свои одиннадцать лет он уже был сильным парнем) вонзил лопату в землю, откапывая могилу.

Сьюзен снова выходит из комнаты, а Билли садится на кровать рядом со мной. Он гладит мою голую грудь. Щиплет сосок.

– Ух ты, малютка Холли Девайн подросла.

Мышцы на моих руках напрягаются, но я не шевелюсь. Нельзя, чтобы он понял, как быстро выходят из меня пары кетамина. Он не знает, что я только два раза пригубила виски, после того как Сьюзен пополнила мой стакан. Эверетт допил мой виски, и полная порция досталась ему. Его глаза открыты, он тихонько постанывает, но я знаю: он беспомощен. Только я и могу дать отпор.

– Ты всегда была особенная, Холли, – говорит Билли. Его руки скользят вниз, к моему животу. Чувствует ли он мою дрожь? Видит ли отвращение в моих глазах? – Всегда готовая на любую игру. Из нас бы получилась прекрасная команда.

– Я не такая, как ты, – шепчу я.

– Такая, такая. В глубине души ты точно такая. Мы оба знаем, что по-настоящему имеет значение в этом мире. Имеем значение только мы, и ничто другое. Вот почему ты молчала все эти годы. Вот почему ты хранила тайну. Ты знала, что будут последствия. Ты ведь не хочешь, чтобы и твоя жизнь была уничтожена, верно?

– Мне было всего десять лет.

– Достаточно, чтобы понимать, что ты делаешь. Достаточно, чтобы сделать выбор. Ты тоже ударила ее, Холли. Я дал тебе камень, и ты ее ударила. Мы вместе ее убили.

Он кладет руку на мое бедро, и его прикосновение настолько отвратительно, что я с трудом остаюсь спокойной.

– Не могу найти ни одного полиэтиленового мешка, – говорит от двери Сьюзен.

Билли поворачивается к матери:

– Что, и в кухне нет?

– Я нашла только тоненькие продуктовые пакеты.

– Давай-ка посмотрим.

Билли и его мать выходят из комнаты. Я понятия не имею, зачем им понадобились полиэтиленовые мешки, знаю только, что это мой последний шанс на спасение.

Я собираю все силы, какие у меня остались, и скатываюсь с кровати, громко ударившись об пол – так громко, что они, вероятно, слышат этот звук из кухни. У меня совсем нет времени, они могут вернуться в любую секунду. Я шарю рукой под кроватью в поисках моей сумочки. Сегодня здесь собралось столько гостей, и мне нужно было ее куда-то спрятать, потому что я знаю людей. Даже в доме скорби мошенник подмечает, где что плохо лежит. Я нащупываю кожаный ремешок и подтаскиваю сумочку к себе. Она уже расстегнута, и я засовываю руку внутрь.

– Смотри-ка, она умудрилась сползти с кровати, – говорит Сьюзен. Она возвышается надо мной и испепеляет меня раздраженным взглядом. – Если мы ее так оставим, она еще, чего доброго, уползет.

– Тогда закончим с этим прямо сейчас. Сделаем это на старый добрый манер, – говорит Билли.

Он хватает с кровати подушку и присаживается рядом со мной. Эверетт стонет, но они даже не смотрят на него. Они оба заняты мной. Заняты моим убийством. Когда пламя охватит комнату, я не почувствую огонь своей кожей, потому что буду уже мертва, задушена простынями и полиэтиленом.

– Так уж должно было случиться, Холли-Долли, – говорит Билли. – Думаю, ты понимаешь. Ты можешь погубить все мое будущее, и я не могу этого допустить.

Он кладет подушку мне на лицо и плотно прижимает. Так плотно, что я не могу дышать, не могу двигаться. Я начинаю крутиться, биться, молочу ногами по воздуху, но Сьюзен садится сверху и прижимает мои бедра к полу. Я сопротивляюсь, пытаюсь вдохнуть кислород, но подушка так плотно прилегает к моему носу и рту, что я лишь засасываю в рот влажную материю.

– Умирай, черт возьми. Умирай! – приказывает Билли.

И я умираю. Онемение уже проникает в мои конечности. Крадет мои последние силы. Сопротивление закончилось. Я чувствую только тяжесть: Билли давит мне на лицо, Сьюзен – на ноги. Моя правая рука все еще под кроватью, пальцы в сумочке.

В последние мгновения, пока я еще в сознании, я понимаю, что́ держу в руке. Несколько недель я носила его в кармане, с тех самых пор, как детектив Риццоли сказала, что мне угрожает опасность, что Мартин Станек попытается меня убить. Как же мы обе ошибались! Все это время Билли выжидал в тени. Билли, который инсценировал собственную смерть, а теперь исчезнет навсегда.

Я не вижу, во что целюсь. Я знаю только одно: время истекло, и вот он, мой последний шанс, перед тем как наступит темнота. Я вытаскиваю пистолет, вслепую прижимаю его к телу Сьюзен и нажимаю на спусковой крючок.

От звука выстрела Билли откидывается назад. Давление подушки внезапно ослабевает, и я хватаю ртом воздух. Он наполняет мои легкие, прогоняет туман из головы.

– Мама? Мама? – визжит Билли.

Сьюзен мертвым грузом лежит на моих бедрах. Билли скатывает ее с меня, я слышу, как ее тело ударяется об пол. Я отбрасываю подушку и вижу Билли, склонившегося над Сьюзен. Из ее груди вытекает теплая кровь. Он прижимает руку к ране, пытаясь остановить кровотечение, но наверняка видит, что ее рана смертельна.

Сьюзен касается рукой его лица.

– Уходи, дорогой. Оставь меня, – шепчет она.

– Мама, нет…

Она роняет руку, оставляя кровавый след на его щеке.

Моя рука дрожит, я не могу прицелиться, так что моя вторая пуля уходит в потолок, и оттуда падает кусок штукатурки.

Билли вырывает пистолет из моей руки. Ярость искажает его лицо, глаза горят адским пламенем. Такое лицо я видела у него в тот день в лесу, в тот день, когда он поднял камень и ударил Лиззи по голове. Двадцать лет я молчала. Чтобы защитить себя, мне приходилось защищать и его, и вот мое наказание. Когда заключаешь договор с дьяволом, то платишь за это собственной душой.

Он сжимает пистолет обеими руками, и я вижу, как ствол своим безжалостным глазом поворачивается ко мне.

Я дергаюсь, когда раздаются выстрелы – несколько выстрелов с такой быстрой последовательностью, что я не могу их сосчитать. Наконец они прекращаются. Глаза у меня закрыты, в ушах стоит звон, но боли я не чувствую. Почему я не чувствую боли?

– Холли! – Чьи-то руки хватают меня за плечи и с силой трясут. – Холли!

Я открываю глаза и вижу детектива Риццоли, которая лихорадочно вглядывается в мое лицо.

– Ты ранена? Говори со мной!

– Билли, – только и могу прошептать я.

Я пытаюсь сесть, но у меня не получается. Мышцы не работают, и к тому же я забыла, что я голая. Я забыла все, кроме того, что я жива, и не понимаю, как это возможно. Детектив Фрост набрасывает куртку на мое голое тело, и я натягиваю ее на грудь, дрожа не от холода, а оттого, что ко мне приходит осознание случившегося. Куда бы я ни посмотрела в спальне отца, я вижу кровь. Рядом со мной лежит Сьюзен с остекленевшими глазами и отвисшей челюстью. Одна ее рука вытянута в последнем предсмертном усилии дотронуться до сына. Их пальцы не сомкнулись, но их соединили лужи крови, слившиеся в одну, – кровь Билли смешалась с кровью Сьюзен.

Мать и сын соединились в смерти.

38

– Ответ все время был рядом, в фильме Кассандры Койл, – сказала Джейн. – В том фильме, который мне не удавалось посмотреть до вчерашнего вечера.

– Я так и не понимаю, с чего ты решила, что ответ будет там, – откликнулась Маура, присаживаясь на корточки рядом с телами Сьюзен Салливан и ее сына. – Я думала, это фильм ужасов.

Бросив взгляд на склоненную голову Мауры, Джейн заметила в ее роскошных черных волосах несколько седых прядок и подумала: «Мы стареем вместе. Мы видели слишком много смертей. Когда мы уже скажем „хватит“?»

– Это и есть фильм ужасов, – сказала Джейн. – Но он основан на детских переживаниях Кассандры. У нее часто были вспышки воспоминаний о том, что в действительности случилось с ней в детстве. Она сказала Бонни Сандридж, что Станеки ничего с ней не делали и ей стыдно, что она помогла отправить невинных людей за решетку. Стыд не позволял ей говорить об этом с друзьями и семьей. И она поделилась этой историей единственным доступным ей безопасным способом: написала сценарий о пропавшей девочке. О девочке вроде Лиззи Дипальмы.

Маура подняла на нее глаза:

– Так «Мистер Обезьяна» об этом?

Джейн кивнула:

– Группа подростков не понимает, что в их среду затесался монстр. Этот монстр – один из них. В фильме Кассандры убийцей оказывается девочка в шапочке, вышитой бисером, точно такой шапочке, как у Лиззи. Кассандра показывала нам на Холли Девайн, но это оказалось ошибочным. Права же она была в одном: монстр находился среди них.

Маура нахмурилась, глядя на тело Билли Салливана:

– Он инсценировал собственное исчезновение.

– Он должен был исчезнуть. За прошедшие несколько лет он похитил у своих клиентов в «Корнуэлл инвестментс» миллионы долларов, которые, вероятно, переправлял на Карибы. Пройдет несколько месяцев, прежде чем федералы установят, сколько он украл на самом деле. Они как раз закрывали его офис, когда туда приехали мы с Фростом. Мы предполагали, что Билли – еще одна жертва Станека, закопанная в безымянную могилу. Но Билли таким удобным образом подготовил собственное исчезновение. Он убегал от своей прежней личности и от того, что сделал с Лиззи Дипальмой двадцать лет назад.

– Но ему в то время было всего одиннадцать.

– Однако он уже был подлым маленьким мерзавцем, как говорит мать Лиззи. Полиция не нашла тело, потому что не там искали. – Джейн посмотрела на Билли и Сьюзен. – Теперь у нас появилась идея, где искать.

Маура поднялась на ноги:

– Ты знаешь правила, Джейн. У нас еще один случай применения оружия полицейским с фатальным исходом, а здесь даже не юрисдикция бостонской полиции. Здесь Бруклайн.

Через открытую дверь в коридор Джейн видела детектива бруклайнской полиции – тот, хмурясь, разговаривал по сотовому. Тут заваривался очередной территориальный конфликт, и Джейн предстояло давать серьезные объяснения.

– Да, будет расследование, – вздохнула Джейн.

– Но если есть такое понятие, как хорошая стрельба, то здесь именно такой случай. К тому же у нас гражданский свидетель, который подтвердит, что ты спасла ей жизнь. – Маура сняла перчатки. – Как дела у Холли?

– Когда ее увозили на «скорой», она все еще была не в себе после кетамина, но я не сомневаюсь, что с ней все будет хорошо. Я думаю, эта девица может пережить что угодно. Она полна неожиданностей.

«Странная девочка». Так, по словам Бонни Сандридж, называли Холли другие дети, и Холли Девайн действительно была странной. Джейн вспомнила нездешнее спокойствие на ее лице перед лицом угрозы и холодный анализирующий взгляд, которым Холли смотрела на нее, словно изучала другой вид. Словно люди были ей враждебны.

– Она смогла тебе рассказать, что здесь сегодня случилось? – спросила Маура.

– Суть я знаю. А детали будут завтра, когда она придет в себя. – Джейн снова посмотрела на Сьюзен и Билли, лежавших в луже смешавшейся крови. – Но я думаю, ты можешь увидеть всю историю прямо здесь. Сынок – маленькое подлое чудовище. А мать позволяла ему все. Даже помогла прикрывать преступления.

– Ты всегда говоришь мне, что нет ничего сильнее материнской любви.

– Да. И вот свидетельство того, как любовь может сойти с рельсов.

Джейн вздохнула полной грудью, чувствуя так хорошо знакомый ей запах крови и насилия. Сегодня к этому добавлялся и запах завершенности, приносивший глубокое, волнующее удовлетворение.

* * *

Когда Джейн вошла в палату Холли на следующее утро, молодая женщина сидела в кровати и заканчивала завтракать. Ее правая щека приобрела фиолетовый оттенок и распухла, руки были покрыты синяками – живое подтверждение яростной борьбы за жизнь, которую она вела вчера.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Джейн.

– Все болит. У меня ужасный вид, да?

– У вас вид живой, и это главное. – Джейн посмотрела на пустой поднос. – И отсутствием аппетита, как я вижу, вы тоже не страдаете.

– Еда здесь ужасная, – пожаловалась Холли и добавила с кислой миной: – И ее мало.

Джейн рассмеялась, придвинула стул к кровати и села:

– Мы должны поговорить о том, что случилось вчера.

– Я не знаю, что еще добавить.

– Вчера вы сказали, что Билли сознался в убийстве остальных.

Холли кивнула:

– Я была последней жертвой. Меня он никак не мог найти.

– Еще вы сказали, что он сознался в убийстве Лиззи Дипальмы.

– Да.

– Вы знаете, как он это сделал? И где?

Холли опустила взгляд на свою руку в синяках и почти прошептала:

– Вы ведь знаете, что он убил ее. Разве подробности имеют значение?

– Имеют, Холли. Они имеют значение для матери Лиззи. Миссис Дипальма отчаянно хочет найти тело дочери. Билли не говорил вам, где он спрятал тело?

Холли молчала, только смотрела на свою покрытую синяками руку. Джейн разглядывала ее, пытаясь понять, что происходит в этой голове, пытаясь разгадать тайну Холли Девайн, но, когда Холли снова подняла на нее глаза, Джейн ничего не смогла прочитать в них. Это было все равно что глядеть в глаза кошке, зеленые, прекрасные и абсолютно непроницаемые.

– Я не помню, – сказала Холли. – От этой дряни в голове какой-то туман. Извините.

– Может быть, вы вспомните подробности позже.

– Может быть. Если я что-нибудь вспомню, то непременно вам скажу. Но сейчас… – Холли вздохнула. – Я очень устала. И хочу спать.

– Тогда поговорим потом. – Джейн встала. – Нам понадобится от вас полное объяснение, когда придете в себя.

– Конечно. – Холли провела рукой по глазам. – Не могу поверить, что это наконец закончилось.

– Закончилось. На сей раз все же закончилось.

По крайней мере, для Холли, подумала Джейн. Закончится ли эта история для Арлин Дипальмы? Билли Салливан унес тайну Лиззи в могилу, и не исключено, что они никогда не найдут тело девочки.

У Джейн в больнице была еще одна остановка, и, выйдя из палаты Холли, она прошла по коридору к палате Эверетта Прескотта. Вчера вечером, когда его увозили, он был настолько оглушен кетамином, что смог лишь пробормотать несколько слов. Сегодня утром он лежал в кровати и смотрел в окно.

– Мистер Прескотт? Позвольте войти?

Он моргнул несколько раз, словно пробуждаясь от сна наяву, и уставился на Джейн.

– Вы, вероятно, не помните меня. Детектив Риццоли. Я была там вчера, после того как вы и миз Девайн…

– Я вас помню, – сказал он. И добавил тихим голосом: – Спасибо, что спасли мне жизнь.

– Да, вы были на волосок. – Она подтащила стул к его кровати и села. – Скажите мне, что вы помните.

– Выстрелы. Потом вы надо мной. Вы и ваш напарник. Потом «скорая». Прежде я никогда не ездил в «скорой».

Джейн улыбнулась:

– Будем надеяться, что больше с вами этого не произойдет.

Эверетт Прескотт не улыбнулся ей в ответ; он снова перевел взгляд на окно, на угрюмое серое небо. Этот человек, чудом избежавший смерти, почему-то не радовался счастливому исходу, а скорее был чем-то озабочен.

– Я говорила с вашим врачом, – снова заговорила Джейн. – Он сказал, что никаких долгосрочных последствий от одной дозы кетамина у вас не будет, но возможны вспышки воспоминаний. И может быть, день-другой вы будете чувствовать слабость. Но если вы больше не станете принимать кетамин, побочные эффекты скоро пройдут.

– Я не принимаю наркотиков. Я их не люблю. – Он иронически засмеялся. – Потому что случаются вот такие вещи.

Он выглядел как человек со здоровыми привычками: подтянутый, в хорошей форме, опрятный. Вчера вечером детективы провели проверку по нему и выяснили, что он ландшафтный архитектор и работает в бостонской фирме, имеющей хорошую репутацию. Ни задержаний, ни криминального прошлого, даже ни одного неоплаченного штрафа за парковку. Если бы возникли какие-то сомнения в обоснованности вчерашней стрельбы, то Эверетт Прескотт был бы идеальным свидетелем защиты.

– Вас, кажется, сегодня выписывают, – произнесла Джейн.

– Да, доктор сказал, что я вполне могу отправляться домой.

– Нам понадобится подробное объяснение того, что случилось вчера. Если вы придете завтра в бостонскую полицию, мы запишем ваши показания на видео. Вот, возьмите мою визитку.

– Они оба мертвы. Какое это теперь имеет значение?

– Правда всегда имеет значение, вы так не считаете?

Эверетт Прескотт задумался на секунду, снова устремил взгляд в окно.

– Правда, – тихо произнес он.

– Приезжайте завтра на Шрёдер-плаза, скажем, около десяти утра, хорошо? А если вспомнятся какие-то подробности, запишите их. Все, что вспомните.

– Есть кое-что. – Он посмотрел на нее. – Кое-что, что вы должны знать.

39

Эверетт придет сегодня.

Я не видела его с того дня, когда неделю назад нас выписали из больницы, – нам обоим нужно было прийти в себя. И уж конечно, время требовалось мне, ведь столько всяких дел навалилось. Прочитать завещание отца. Придумать, что делать с отцовской собакой, которая так и сидит в будке. Привести в порядок весь дом, спальню, заляпанную кровью. А еще эти постоянные разговоры с полицией. Я уже три раза говорила с детективом Риццоли, и мне иногда кажется, что она хочет выскоблить мой мозг, узнать в мельчайших подробностях, что произошло в тот день. Я ей каждый раз повторяю, что больше ничего не помню и мне нечего ей сказать. Кажется, она уже готова оставить меня в покое.

Слышу звонок. Несколько секунд – и в дверях появляется Эверетт с бутылкой вина. Как всегда, он пришел точно вовремя. В этом весь Эверетт, такой предсказуемый, но еще и немножко нагоняющий скуку. Впрочем, со скукой я справлюсь, поскольку в данном случае она являет себя в такой привлекательной, роскошной упаковке. Иметь богатого бойфренда никогда не повредит.

Он входит в мою квартиру какой-то усталый и подавленный, и его поцелуй – всего лишь вымученный клевок в щеку.

– Открыть бутылку? – предлагаю я.

– Как хочешь.

Это что еще за ответ? И где сегодня его энтузиазм? Раздраженная, я иду с вином в кухню, и, пока ищу в шкафчике штопор, он стоит и смотрит на меня, не предлагая помощи. После того, что мы пережили вместе, я полагала, что он захочет отпраздновать, но он даже не улыбается. Напротив, он выглядит так, будто в трауре.

Я вытаскиваю пробку, наполняю два бокала и протягиваю один ему. Запах у каберне сочный, насыщенный – вино, вероятно, дорогое. Эверетт делает всего один глоток и ставит бокал.

– Я должен сказать тебе кое-что, – говорит он.

Черт побери. Я должна была догадаться. Он хочет разорвать отношения. Как он смеет порывать со мной? С трудом сдерживаясь, я гляжу на него поверх бокала.

– И что? – спрашиваю я.

– В ту ночь в доме твоего отца… когда мы почти что умерли… – Эверетт испускает глубокий вздох. – Я слышал, что ты говорила Билли и что он говорил тебе.

Я ставлю бокал и смотрю ему в глаза:

– Что конкретно ты слышал?

– Все. Это не была галлюцинация. Я знаю, кетамин затуманивает разум, человек видит и слышит то, чего нет на самом деле, но то, что слышал я, не было фантазией. Я слышал, что вы сотворили с той маленькой девочкой. Что вы оба с ней сотворили.

Я спокойно беру бокал и делаю еще глоток:

– Это все игра воображения, Эверетт. Ты ничего не слышал.

– Слышал.

– Кетамин затуманивает память. Поэтому-то насильники им и пользуются.

– Вы били ее камнем. Вы оба убили ее.

– Я ничего не делала.

– Холли, скажи мне правду.

– Мы были совсем детьми. Неужели ты думаешь, я бы могла…

– Хоть раз скажи мне правду, черт тебя подери!

Я резко ставлю бокал:

– Ты не имеешь права так говорить со мной.

– Имею. Я был влюблен в тебя.

Вот это уже просто смешно. Если он был настолько глуп, что влюбился в меня, то это дает ему право требовать от меня честности? Ни у одного мужчины нет такого права. По отношению ко мне.

– Лиззи Дипальме было всего девять лет, – говорит он. – Ее ведь так звали, верно? Я прочел о ее исчезновении. Мать видела ее в последний раз в субботу днем, когда Лиззи ушла из дома в своей любимой шапочке из Парижа, вышитой бисером. Два дня спустя какой-то ребенок нашел ее шапочку в автобусе «Яблони». Поэтому подозрение пало на Мартина Станека и его обвинили в похищении и убийстве девочки. – Эверетт делает паузу. – Ребенок, который нашел шапочку, – это ты. Но на самом деле ты нашла ее не в автобусе. Так?

– Ты пришел к массе выводов, не основанных ни на каких свидетельствах, – холодно, рассудительно отвечаю я.

– Билли дал тебе камень, и ты ударила ее. Вы оба ее убили. А потом ты взяла шапочку.

– Эта сказка никогда не выдержит проверку в суде. Ты был под воздействием кетамина. Тебе никто не поверит.

– И это твой ответ? – Он с отвращением смотрит на меня. – Тебе больше нечего сказать о маленькой девочке, пропавшей столько лет назад? О ее матери, чье сердце было тогда разбито? Все, что ты можешь сказать, – это «не выдержит проверку в суде»?

– Не выдержит. – Я снова беру бокал и беззаботно делаю глоток. – К тому же мне было всего десять лет. Вспомни, чего только ты сам не делал в десять лет.

– Я никогда никого не убивал.

– Там не так все было.

– А как там было, Холли? Ты права, в суде это дело развалится, так что ты вполне можешь сказать мне правду. Я больше не собираюсь встречаться с тобой, поэтому тебе нечего терять.

Я смотрю на него несколько мгновений, взвешивая, что он может сделать с правдой. Пойти в полицию? Выболтать какой-нибудь газете? Нет уж, я не настолько глупа.

– Ради матери этой маленькой девочки – она двадцать лет ждала, что Лиззи вернется домой. Дай ей хоть это. Тебе достаточно просто сказать, где тело.

– И испортить собственную жизнь?

– *Твою* жизнь. Все дело в *тебе*, верно? – Он покачивает головой. – И как я, черт возьми, не разглядел этого раньше?

– Брось, Эверетт. Ты делаешь из мухи слона.

Я протягиваю руку и прикасаюсь к его лицу.

Его пробирает дрожь, и он отшатывается назад.

– У нас ведь было кое-что вместе. Хорошее времечко. – Я улыбаюсь. – Отличный секс. Прошу тебя, давай оставим это позади и забудем все, что случилось.

– В том-то и дело, Холли: все случилось. И теперь я знаю, что ты такое на самом деле.

Он разворачивается и выходит из кухни.

Я хватаю его за руку:

– Ты ведь никому не скажешь?

– А если скажу?

– Тебе не поверят. Скажут, что это месть отвергнутого бойфренда. А я скажу, что ты надругался надо мной. Угрожал мне.

– И ты это сделаешь, правда?

– Если потребуется.

– Мне не нужно ничего никому говорить. Потому что тебя слушают прямо сейчас. Каждое твое слово.

Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать услышанное. И как только смысл его слов доходит до меня, я хватаю его за рубашку и рывком расстегиваю ее – он даже не успевает прореагировать. Летят на пол пуговицы. Эверетт стоит в распахнутой рубашке, а я смотрю на красноречивые провода у него на груди.

Я отскакиваю от него и начинаю бешено прокручивать в голове все, что сказала ему и что наверняка слышала полиция. Я ни в чем не *призналась*. Ничто из сказанного мной нельзя рассматривать как признание в убийстве. Да, я могла показаться бессердечным манипулятором, но это не преступление. В мире сколько угодно таких людей: успешные топ-менеджеры и банкиры, чье бессердечие не наказывается, а вознаграждается. Они просто ведут себя как те существа, которыми они и родились.

Эверетт другой. Он не из нашей породы.

Он молча поправляет на себе рубашку, пряча под ней провода, и я вижу боль, даже скорбь на его лице. Смерть иллюзии. Иллюзии по имени Холли Девайн, девушки, которую он полюбил. Теперь перед ним стоит настоящая Холли Девайн, и он не хочет иметь со мной ничего общего.

– Прощай, – говорит он и выходит из кухни.

Я не иду за ним. Стою и слушаю, как закрывается дверь моей квартиры.

Я швыряю свой бокал, он разбивается о холодильник и разлетается на сотню осколков. Красное вино, словно кровь, течет на пол.

40

Два месяца спустя

С заднего крыльца отцовского дома я вижу, что в глубине леса что-то происходит. На Дафна-роуд припарковано с полдюжины полицейских машин и передвижных криминалистических лабораторий, откуда-то издалека доносится лай собаки. Земля оттаяла, и теперь они наконец могут взять анализ почвы, но они не знают, где искать, и первые два дня потратили впустую, обыскивая участок, где жил тогда Билли Салливан. Теперь они переехали в лесок за их домом. Двадцать лет назад это место не было обследовано, тогда все время потратили на раскопки вокруг «Яблони» и вдоль дороги на отрезке в полторы мили, где Билли бросил велосипед Лиззи. Никому и в голову не пришло искать в лесу у Дафна-роуд, потому что мы с Билли сбили их с толку и они подозревали невинного человека. Все нам верили, ведь мы были детьми, а детям не хватает ума изобрести такую ложь. По крайней мере, так думают взрослые.

Раздается звонок.

Я открываю дверь и вижу на крыльце детектива Риццоли. На ней туристические ботинки и куртка, заляпанная грязью, в жестких черных волосах торчит прутик. Я не приглашаю ее в дом. Мы холодно смотрим друг на друга через порог. Две женщины, которые слишком хорошо понимают друг друга.

– Холли, мы все равно найдем тело. Почему бы вам не сказать, где оно?

– И что я получу за это? Золотую звезду?

– А как насчет того, чтобы заработать очки за сотрудничество с нами? И получить удовлетворение оттого, что вы хоть раз в жизни сделали что-то человеческое?

– Золотую звезду за это не дают.

– И все случившееся только в этом? Только в *вас*? В том, что получите *вы*?

– Мне нечего сказать. – Я начинаю закрывать дверь.

Она удерживает дверь рукой:

– Зато мне много чего есть вам сказать.

– Я слушаю.

– Это случилось двадцать лет назад. Вам было всего лишь десять, когда вы это сделали, так что никто не сможет вас обвинить. Вы ничего не потеряете, сказав нам, где она.

– Но я и не приобрету ничего. Какие у вас доказательства того, что я имею к этому какое-то отношение? Сомнительные воспоминания свидетеля, одуревшего от кетамина? Записанный разговор, в котором я абсолютно ни в чем не призналась? – Я покачиваю головой. – Пожалуй, я выберу молчание.

Моя логика неоспорима. Риццоли никак не может вынудить меня к сотрудничеству. Найдут они тело Лиззи или нет, я неприкосновенна, и она это знает. Мы смотрим друг на друга – две половинки одной монеты, две несгибаемые и умные женщины, умеющие выживать. Но она из тех, кто за всех переживает, а мне почти на всех наплевать, если это не касается меня.

– Я буду наблюдать за вами, – тихо говорит детектив Риццоли. – Я знаю, что вы сделали, Холли. И я точно знаю, что вы собой представляете.

Я пожимаю плечами:

– Да, я не такая, как все, ну и что? Я всегда это знала.

– Вы долбаная социопатка, вот вы кто.

– Но это еще не делает меня воплощением зла. Просто я такой родилась. Некоторые рождаются с голубыми глазами, некоторые могут бегать на марафонские дистанции. А я? Я умею постоять за себя. Вот в чем *моя* сверхспособность.

– И когда-нибудь это вас подведет.

– Но не сегодня.

Треск ее рации нарушает воцарившуюся тишину. Она срывает рацию с пояса и отвечает:

– Риццоли.

– Собака сделала стойку, – раздается мужской голос.

– Что ты видишь?

– Много листвы, и больше ничего. Но сигнал вполне определенный. Ты не хочешь прийти посмотреть на это место, прежде чем мы начнем копать?

Риццоли тут же поворачивается и спускается с крыльца. Я наблюдаю за тем, как она садится в машину, и знаю, что вижу ее не в последний раз. Впереди у нас долгая шахматная партия, а сейчас только дебют. Ни у одной из нас нет пока преимущества, но мы обе уже хорошо знаем противника.

Я возвращаюсь на крыльцо и смотрю через отцовский двор на лес. Деревья еще не обросли листвой, и через голые ветки я вижу Дафна-роуд, куда подъехало еще больше машин. По другую сторону дороги к участку, на котором стоит старый дом Билли, примыкает лес. Там поисковая собака почуяла запах.

Там они ее и найдут.

41

Лиззи Дипальма появлялась из земли по кусочкам: косточка пальца здесь, лодыжка там. За двадцать лет в неглубокой могиле ее плоть была целиком съедена, но, когда извлекли череп, у Мауры не осталось сомнений относительно принадлежности костей. Держа череп одной рукой, она стряхнула землю с верхней челюсти и посмотрела на Джейн:

– Это детский череп. Судя по частично вышедшим средним резцам, я оцениваю возраст в восемь-девять лет.

– Лиззи было девять, – сказала Джейн.

Маура осторожно положила череп на брезент и отряхнула землю с перчаток:

– Думаю, ты ее нашла.

Несколько секунд они стояли молча, глядя на отрытую могилу. Захоронение имело глубину не больше фута, поэтому собака и смогла

уловить запах даже двадцать лет спустя. Двоим детям откопать могилу такой глубины было вполне по силам, а Билли Салливан в одиннадцать лет был достаточно креплым и рослым, чтобы орудовать лопатой.

Достаточно сильным, чтобы убить девятилетнюю девочку.

Маура счистила еще немного земли с черепа, и они увидели вдавленный перелом на левой височной кости. Такое повреждение не могло быть следствием удара по касательной – удар был нанесен со всей силой и сбоку, скорее всего, когда она лежала на земле. Маура представила себе последовательность событий: девочку толкнули, и она упала. Мальчик поднял камень и ударил девочку по голове. Камень – старейшее из всех орудий убийства. Ровесник Авеля и Каина.

– Холли помогла ему сделать это. Я знаю, – сказала Джейн.

– И как ты это докажешь?

– Вот это-то и сводит меня с ума. Доказать я это *не могу*. Если мы попросим Эверетта Прескотта дать против нее показания, защита назовет это свидетельством, основанным на непроверенной информации. Хуже того, еще и свидетельством, полученным от свидетеля, находившегося под воздействием кетамина. Когда мы повесили на него микрофон, чтобы записать ее слова, она ни в чем не призналась. Она слишком умна, чтобы проговориться. Так что у нас нет ничего, что привязывало бы ее к убийству.

– Ей было всего десять, когда это случилось. Разве ее можно привлечь к ответственности?

– Она помогла убить девочку. Да, это случилось двадцать лет назад, и она сама была ребенком. Но знаешь что? Я не думаю, что люди меняются. Она сегодня такая же, какой была тогда. Змея с возрастом не превращается в пушистого зайчика. Она по-прежнему змея и будет жалить и дальше. Пока кто-нибудь не остановит ее.

– Но на сей раз этого не случится.

– Да, на сей раз это сойдет ей с рук. Но мы, по крайней мере, отдали долг справедливости Мартину Станеку, пусть и слишком поздно для него. Бонни Сандридж уж постарается, чтобы весь мир узнал о его невиновности. – Джейн посмотрела сквозь деревья на дом Эрла Девайна. – Господи Исусе, тебе не кажется иногда, что мы окружены ими? Монстрами вроде Холли Девайн и Билли Салливана? Если они считают, что им ничего не грозит, то они перережут тебе горло и глазом не моргнут.

– И тут на сцене появляешься ты, Джейн. Ты всем нам даешь безопасность.

– Беда в том, что таких, как Холли Девайн, в мире слишком много и мне за всеми не уследить.

– Ну, по крайней мере, ты смогла добиться вот этого, – сказала Маура, глядя на череп Лиззи Дипальмы. – Ее ты нашла.

– И теперь она сможет отправиться домой, к матери.

Воссоединение будет грустным, но все же оно произойдет – одно из нескольких, случившихся во время этого расследования. Арлин Дипальма вскоре обретет свою пропавшую дочь. Анжела Риццоли вернулась к Винсу Корсаку. Барри Фрост воссоединился – плохо это или хорошо – со своей бывшей женой Элис.

«И Дэниел вернулся ко мне».

На самом деле он ведь не покидал Мауру. Это она показала ему на дверь, потому что верила, что настоящее счастье можно обрести, лишь выкорчевав все несовершенное, как отрезают больную конечность. Но ничто в мире не совершенно, и уж конечно, не любовь.

А она никогда не сомневалась, что Дэниел любил ее. Один раз он был готов умереть за нее – разве требовались более веские доказательства?

Тем вечером Маура добралась с места преступления домой уже затемно. В ее доме горел свет, окна светились ярко, призывно. На подъездной дорожке стояла машина Дэниела; снова стояла не прячась, стояла там, где ее мог видеть весь мир. Вот как далеко они зашли вместе – туда, где им все равно, что остальные будут думать об их союзе. Маура пыталась жить без него, верила, что может перешагнуть через это, обойтись без любви. Она думала, что смириться и быть счастливой – одно и то же, а на самом деле на некоторое время вообще забыла, что такое быть счастливой.

Увидев свет в доме и машину Дэниэла на подъездной дорожке, Маура это вспомнила.

«Я готова снова быть счастливой. С тобой».

Она вышла из машины и с улыбкой на губах двинулась из тьмы к свету.

42

Понимаете, так устроен мир.

Есть люди вроде меня, и есть люди, которые считают меня воплощением зла, потому что я, в отличие от них, не плачу на просмотре грустных фильмов, на похоронах или когда звучит «Старая дружба»[26]. Но глубоко внутри каждого блеющего слезливого типа скрывается темный эмбрион того, что представляю собой я, – хладнокровный приспособленец. Это то, что превращает хорошего солдата в палача, соседа в информатора, банкира в вора. О, они, вероятно, будут это отрицать. Они все считают себя более человечными, чем я, по той простой причине, что они плачут, а я – нет.

Если только у меня не возникает нужды поплакать.

И уж конечно, не плачу я сейчас, стоя на том месте в лесу, где нашли тело Лиззи. Прошла уже неделя с тех пор, как полиция собрала все свои железки и уехала, и хотя следы их работы еще остались – перекопанная земля, яркие полицейские ленты на деревьях, – но пройдет немного времени, и все вернется к прежнему состоянию. Листья накроют одеялом голую землю. Прорежутся молодые деревца, прорастут корни, и через несколько лет, если дать природе делать свое дело, этот клочок земли ничем не будет отличаться от остального леса.

Станет таким, каким был двадцать лет назад, когда мы стояли здесь с Билли.

Я помню тот октябрьский день, помню, как в воздухе пахло дымком и влажными листьями. Билли принес свою рогатку и пытался подстрелить кого-нибудь – птицу, белку, кого угодно, кому не повезло попасться ему на глаза. Ему так и не удалось ни в кого попасть, и он был разочарован и жаждал крови. Я прекрасно знала его настроения, знала, что в ярости он может наносить удар, как кобра, но я его не боялась, потому что видела себя в его глазах.

Худшую часть себя.

Он вставил в резинку очередной камень и в очередной раз промазал по пернатой цели, как вдруг увидел Лиззи, которая шла по дорожке и вела свой велосипед. На ней был розовый свитер и вязаная шапочка со сверкающими бусинками – ее купили родители, когда они всем семейством ездили в Париж. Как она гордилась этой шапочкой! Последнюю неделю каждый день приходила в ней в школу, а я во время ланча смотрела на нее, потому что мне отчаянно хотелось такую же. И еще я хотела быть похожа на Лиззи – светловолосую, хорошенькую, умевшую так легко находить друзей. Я знала, что моя мать никогда не купит мне ничего столь же ослепительного, ведь это может привлечь нежелательное внимание мальчиков, которые сделают со мной то же, что сделал с ней ее дядя. «Тщеславие – это грех, Холли. Как и

корыстолюбие. Научись обходиться без них». И вот теперь я увидела эту сверкающую шапочку на хорошенькой головке Лиззи. Мы были в лесу, и она пока не заметила нас – вела свой велосипед по дороге и громко пела, словно весь мир был ее публикой.

Билли выстрелил из рогатки.

Камушек попал в щеку Лиззи. Она вскрикнула, повернулась в поисках преступника и тут же заметила нас. Она бросила велосипед на дорогу и пошла в нашу сторону, продираясь через кусты с криком:

– Ну теперь все, Билли Салливан! Теперь у тебя будут крупные неприятности!

Билли поднял еще один камушек, вложил в кожеток рогатки:

– Ты никому ничего не скажешь.

– Я всем расскажу! И на этот раз тебе…

Второй камень попал ей в бровь. Лиззи упала на колени, шапочка слетела с ее головы, по лицу потекла кровь. Но даже тогда, полуослепленная кровью, она не отступила. Даже тогда она не пожелала сдаться Билли. Она ухватила комок земли и бросила в него.

Я помню, как взвыл Билли, когда земля попала ему в лицо. Помню, с каким восторгом смотрела я, как в нем закипает ярость, помню звук удара кулаком в живую плоть. Потом они оба оказались на земле – Лиззи внизу, Билли сверху, и Лиззи кричала.

Но меня волновала только шапочка с бисером, я подбежала и подняла ее. Она оказалась тяжелее, чем я думала, ведь ее украшали сотни сверкающих бусинок. Несколько капелек крови попали на шапочку, но их можно было быстро смыть. Мама показала мне, как легко кровь сходит с простыни. Я натянула шапочку на голову и повернулась к Билли, чтобы он посмотрел на мой трофей.

Он стоял над телом Лиззи.

– Вставай, – приказал он и ударил ее ногой. – Вставай!

Я взглянула на ее голову. На содранную кожу, на кровь, сочащуюся между волос и стекающую на землю.

– Что ты наделал?

– Она бы нас заложила. Она бы нам устроила веселую жизнь. А теперь не сможет. – Он протянул мне камень размером с кулак, уже запятнанный ее кровью. – Теперь твоя очередь.

– Чего?

– Ударь ее.

– А если я не хочу.

– Тогда ты не получишь шапочку. И другом моим перестанешь быть.

Я стояла с камнем в руке, взвешивая варианты. Шапочка на моей голове была так на месте. Я не хотела с ней расставаться. А Лиззи все равно казалась мертвой, так какая разница?

– Давай, – потребовал Билли. – Никто ничего не узнает.

– Она даже не двигается.

– Все равно ударь ее. – Он подался ко мне и прошептал на ухо: – Разве тебе не хочется испытать это чувство?

Я посмотрела на голову Лиззи: крови натекло столько, что я не видела, закрыты ее глаза или открыты. Какая разница, если я ударю ее еще раз?

– Это легко, – сказал Билли. – Если хочешь быть моим другом, *сделай это*.

Я присела над Лиззи, и, когда подняла камень, меня охватил какой-то восторг. Чувство, что я могу все, могу стать кем угодно. Я держала в своей руке власть над жизнью и смертью.

Я ударила камнем в висок Лиззи.

– Ну вот, – сказал Билли. – Это будет нашей тайной. Теперь ты должна пообещать мне, что никогда никому не скажешь об этом. Никогда!

Я пообещала.

Остаток дня у нас ушел на то, чтобы закопать Лиззи в лесу. Когда мы закончили, я вся была в царапинах от ежевики и синяках от падения спиной на камень. Наградой за мои труды была шапочка с серебристыми бусинками, которую я спрятала в рюкзак, чтобы мама не увидела. Вечером, отмывшись от крови, я примерила шапочку и посмотрела на себя в зеркало. На голове у Лиззи бусинки сверкали, как маленькие бриллианты, и на их фоне тем ярче блестели ее чистые голубые глаза.

Глаза, которые смотрели на меня из зеркала, не были чистыми, и они никак не изменились. Это была все та же я в шапочке, утратившей волшебство, которым она, как мне казалось, обладала.

Я сунула шапочку в свой рюкзак и забыла про нее.

До понедельника.

К тому времени уже все знали, что Лиззи Дипальма пропала. В тот день в школе моя учительница в пятом классе, миссис Келлер, сказала, чтобы мы были поосторожнее, потому что в округе, возможно, «появился плохой человек». За ланчем девчонки шептались о том, что делают похитители с маленькими девочками. Многих ребят не пустили в школу, родительская любовь облизывала и душила их, и в тот день в автобусе, который вез нас в «Яблоню», было всего пятеро детей. Все сидели на удивление тихо. И в этой тишине очень громко прозвучал стук, когда мой рюкзак соскользнул с сиденья на пол. Я его не застегнула, и оттуда все вывалилось. Мои учебники. Мои карандаши.

И шапочка Лиззи.

Первой ее увидела Кассандра Койл. Она показала на комок из бусинок и шерсти в проходе и сказала:

– Это шапочка Лиззи!

Я схватила шапочку и сунула в рюкзак со словами:

– Это моя.

– Не твоя. Все знают, что это шапочка Лиззи!

Тимми и Сара навострили уши, прислушиваясь к нашему разговору.

– Откуда у тебя ее шапочка? – спросила Кассандра.

Я помню, как все четверо уставились на меня. Кассандра, Сара, Тимоти и Билли. В глазах Билли я увидела холодную угрозу: «Не говори правду. Не смей говорить правду».

– Я нашла ее там, – сказала я, показывая в заднюю часть автобуса. – Она была засунута между сиденьями.

Поэтому подозрение и пало на Мартина Станека, который добросовестно каждый день возил нас из начальной школы в «Яблоню».

Вот так и шьются дела. На основании слов ребенка и шапочки, принадлежавшей пропавшей девочке. Как только на тебя падают подозрения, все уже считают тебя виновным. Так это и случилось с Мартином Станеком, двадцатидвухлетним водителем школьного автобуса. А с него вина перешла на его родителей, и все стали считать их участниками заговора, виновными в равной мере с сыном.

Навести на них подозрение не составило труда, после того как я продемонстрировала доктору все царапины и синяки, которые получила, закапывая Лиззи в лесу. Когда к моим обвинениям Билли присоединил свои, судьба Станеков была решена. Дальше эта история только расширялась и пополнялась. Если детей снова и снова просят вспомнить о каком-то событии, то они рано или поздно вспоминают. Так росло это дело – от ребенка к ребенку, от одной безумной истории к другой, еще более безумной.

Но на самом деле все началось с шапочки, которой я захотела обладать. С шапочки, которая потом появится в качестве визуальной улики в фильме ужасов Кассандры Койл. Кассандра в конечном счете сумела сложить все части пазла и поняла, что история об исчезновении Лиззи, в которую уверовали все, – чистый вымысел. Правда лежала в ее памяти целых двадцать лет. Воспоминание о том, как я сижу в автобусе и держу в руках не принадлежащую мне шапочку, вышитую бисером.

Я смотрю на деревья, на которых уже набухают весенние почки, на ветки, начинающие зеленеть. Все остальные мертвы, но я жива. Единственная. Никто, кроме меня, не знает, как на самом деле умерла Лиззи Дипальма.

Нет, вообще-то, я не единственная. Детектив Риццоли отчасти догадалась о том, как все было, но доказать ничего не может. И не сможет никогда.

Она знает, что я виновна, и будет приглядывать за мной. Так что пока я буду ходить по струночке. Буду притворяться девочкой, которая не крадет и не обманывает, переходит улицу по зебре и всегда вовремя платит налоги. Я должна быть не тем, кто я есть на самом деле. Но и это пройдет.

Я такая, какая есть, и никто не сможет приглядывать за мной вечно.

Благодарности

Моя мать, иммигрантка из Китая, едва владела английским, но она понимала – и любила – американские фильмы ужасов. Я унаследовала от нее любовь к этому жанру и ребенком много счастливых часов визжала от удовольствия, вновь и вновь пересматривая свои любимые

фильмы – «Они», «Нечто» и «Вторжение похитителей тел». Когда мне наконец представилась возможность написать сценарий и продюсировать собственный независимый художественный фильм, я, конечно, сняла фильм ужасов. Сюжет книги «Я знаю тайну» отчасти навеян моим опытом работы над «Островом Зеро», и я благодарю Марайю Клапатч, Джоша Герритсена, Марка Фарни, моего мужа Джекоба и всю команду и актерский коллектив «Острова Зеро» за то, что они были частью этого приключения. Мы пролили тонну бутафорской крови, сожгли дом (специально), засиживались допоздна и, вероятно, выпили слишком много пива, но, ребята, слушайте, мы все же сделали фильм! И то, что я писала о любителях фильмов ужасов, абсолютная истина: мы – одна большая счастливая семья. Мы вовсе не испуганные люди. Можете мне верить.

Я благодарю также всех, кто помог довести «Я знаю тайну» до публикации: несравненную команду из литературного агентства Джейн Ротрозен, моих редакторов Кару Чезаре (США) и Фрэнки Грея (Соединенное Королевство), Ким Хови, Ларри Финлея, Денниса Амброуза и его команду требовательных редакторов (вы не даете мне зазнаться), а также моих неутомимых рекламных агентов по обе стороны канавки – Шэрон Пропсон и Элисон Барроу. Для меня было честью работать со всеми вами.

Примечания

1

Кожевенный район – район в Бостоне, названный по обилию там в XIX в. кожевенных мастерских.

2

Отсылка к действительному случаю: убийца Чарльз Фредерик Олбрайт, психопат, прозван «глазным убийцей».

3

Здесь и далее имеется в виду книга «101 Horror Movies: You Must See Before You Die» («Сто один фильм ужасов, который вы должны посмотреть, прежде чем умрете»).

4

Частная художественная галерея в Бостоне, основанная филантропом Изабеллой Стюарт Гарднер (1840–1924).

5

«Вторжение похитителей тел» – научно-фантастический фильм, снятый режиссером Доном Сигелом в 1956 г. по роману Джека Финнея.

6

Фильм рассказывает о вторжении на Землю инопланетян в виде спор растений, они попадают в землю и вырастают в большие стручки, и каждый из них способен превратиться в копию того или иного человека, лишенную, однако, всяких человеческих эмоций.

7

«Синий код» – принятое в больницах обозначение клинической смерти или необходимости срочных реанимационных мероприятий.

8

Считается, что окситоцин играет важную роль в сексуальном возбуждении.

9

Бока-Ратон – популярный курорт во Флориде.

10

«Запеченная Аляска» – десерт, состоящий из мороженого на бисквитной подложке, покрытого взбитыми яичными белками, подрумяненными в духовке.

11

В США и многих западных странах первым днем зимнего сезона считается день зимнего солнцестояния – 21 или 22 декабря.

12

Теодор Роберт Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, похититель, насильник, грабитель и некрофил. Приговорен к смертной казни, незадолго до которой все же признался (хотя прежде отрицал свою вину) более чем в 30 убийствах.

13

Тайт-энд – в американском футболе игрок, занимающий определенную позицию на поле.

14

Строки из романа в стихах В. Скотта «Мармион: Повесть о битве при Флоддене».

15

Хитклифф – персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

16

Ретрит – «уединение», «удаление от общества»; английское слово, вошедшее в русский язык для обозначения времяпрепровождения, посвященного духовной практике.

17

«Тиндер» – мобильное приложение для знакомств.

18

Брейкерс – особняк в Ньюпорте, принадлежащий семейству Вандербильт.

19

В начале 1980-х гг. в Лос-Анджелесе состоялся процесс над членами семьи Макмартин, владевшей дошкольным подготовительным учреждением, их обвиняли в сексуальном насилии над детьми. Аресты и досудебное следствие продолжались с 1983 до 1987 г., процесс шел еще три года, однако в 1990 г. все обвинения были сняты. Было признано, что они инспирированы царившей в стране истерией.

20

Изображение золотой арфы на черном фоне – фирменный знак пивоваренной компании «Гиннесс».

21

На процессе по обвинению так называемой Часовни веры в ритуальном сексуальном насилии главным обвиняемым был инвалид с серьезными физическими ограничениями. Процесс длился девять месяцев и закончился оправданием обвиняемого.

22

Возрастная регрессия – феномен, при котором индивид под воздействием гипноза вновь переживает события из своего прошлого.

23

Элизабет Ф. Лофтус (р. 1944) – американский психолог и специалист в области изучения памяти. Ее работы посвящены, в частности, проблеме гибкости человеческих воспоминаний.

24

Любопытный Том – персонаж средневековой английской легенды, наказанный за то, что взглянул на обнаженную леди Годиву, по приказу мужа проезжавшую на коне по городу.

25

Речь идет о реальных событиях. В период между 2002 и 2004 гг. три девушки были похищены в Кливленде, штат Огайо. В 2013 г. одной из них удалось бежать с родившейся от похитителя дочерью, после чего все похищенные были освобождены. Похититель Ариель Кастро приговорен к пожизненному заключению. Элизабет Смарт в 14 лет в 2001 г. была похищена из дома в Солт-Лейк-Сити, девять месяцев удерживалась похитителями. Освобождена полицией.

26

Шотландская песня «Auld Lang Syne» на стихи Роберта Бернса, популярная в англоязычных странах, известна у нас в переводе Самуила Маршака под названием «Старая дружба».